

Росс БЕНСОН

ПОЛ МАККАРТНИ

Печальность и мир

Новості

Annotation

Книга английского журналиста написана в связи с пятидесятилетием Пола Маккартни, которое отмечалось в июне 1992 года. История о том, как нищий становится принцем, стара как мир, но до сих пор не потеряла своей притягательности. Мальчишка из простой семьи стал одним из самых богатых и знаменитых людей в мире. Бенсон, конечно, грешит тем же, что и все биографы, — он смешивает важное с тривиальным. Но, с другой стороны, тщательное описание им сложных отношений между Маккартни и Джоном Ленноном помогает лучше понять их песни и делает книгу более весомой и обоснованной. Эта книга — захватывающее чтение для тех, кому 30 и 40, кто вырос с «битлами» и следил за их творчеством, в ней собран богатый материал для создания упорядоченной истории весьма неупорядоченных жизней.

- [Росс Бенсон](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Росс Бенсон
ПОЛ МАККАРТНИ
Личность и миф

Ross Benson
1992

Предисловие

Пола Маккартни, стройного, по-юношески подвижного, чаще всего можно встретить в рабочие дни, когда он по утрам входит в свой офис на Сохо-сквер. Он ниже ростом, чем это обычно представляется, волосы длиннее, чем это предписывается модой. Его мятую и довольно поношенную одежду можно из вежливости определить как «оксфамский шик» [*Оксфам - Оксфордский комитет помощи голодающим - благотворительная организация, занимающаяся оказанием помощи голодающим и пострадавшим от стихийных бедствий в различных странах*]. Из своего довольно скромного дома, расположенного в Суссексе, он обычно добирается до Лондона поездом и автобусом, тратя при этом на дорогу более часа. Пол в состоянии иметь лимузин с шофером, а если бы захотел, то мог бы купить себе и поезд, но не делает этого. Он богаче и удачливее в делах любой поп-звезды в истории рок-музыки, но сам настаивает на том, что он просто заурядная личность.

Годы почти не изменили его - лицо молодое, походка легкая. Когда его окликают по имени, он улыбается и поднимает вверх большой палец. Его по-прежнему отождествляют с тем обаятельным Полом из «битлов», и этот образ отвечает его целям, так как скрывает его сложную и противоречивую натуру от всего мира, который на протяжении почти тридцати лет пытается заглянуть в потайные уголки его жизни.

И уж никак нельзя считать его заурядной личностью.

Пол Маккартни - загадочная личность, окутанная улыбкой, любимая миллионами людей, никогда не встречавшихся с ним, и не любимая многими, работавшими с ним, наиболее знаменитым из которых является, конечно, Джон Леннон. Пол обаятелен, но, по его же словам, обаяние не является его сутью, и Джон Леннон был вполне согласен с этим утверждением.

«Маккартни - это клубок противоречий», - отмечает Питер Браун, работавший на Брайана Эпстайна еще со времен, когда фирма «Эппл» открыла «Битлз» в ливерпульском клубе «Каверн», и до конца существования ансамбля.

Пол обладает полумиллиардным состоянием, но предпочитает пользоваться общественным транспортом; вегетарианец, не употребляющий животной пищи и разводящий овец; законопослушный гражданин и заботливый отец, замешанный в ряде историй с наркотиками;

преданный муж, держащий свой офис в лондонском квартале Уэст-Энд, издавна славящемся своими публичными домами.

Как партнер он идет на контакт, но считает невозможным для себя следовать чьим-то советам и всегда настаивает на том, чтобы быть боссом; композитор, который мог написать такие песни, как незабываемая «Yesterday» и заурядная «Silly Love Songs»; мастер, достаточно дисциплинированный, чтобы написать «Liverpool Oratorio», и вместе с тем настолько потакающий своим желаниям, чтобы создать такие взрывные вещи, как «Magical Mystery Tour» и «Give My Regards to Broadstreet».

Когда-то самый коммуникабельный из «битлов» и много путешествовавший, сейчас он очень редко выезжает за границу. Иногда семья Маккартни катается на лыжах, а до смерти отца Линды в 1991 году они каждое лето проводили две недели в доме Истмана на Лонг-Айленде. Однако Пол и Линда предпочитают главным образом размеренную рутину работы и домашних дел. Бывшему лидеру лондонского «авангарда» и одному из инициаторов создания клуба «Сержант Пеппера» сейчас больше всего нравится сидеть дома вместе с женой и детьми.

Он может попеременно быть очаровательным и надменным, великодушным и скупым, сентиментальным и резким, благородным и эгоистичным. Именно Маккартни превратил свою жену в поп-звезду, и именно он требует, чтобы она сама стирала и гладила. Он с высочайшим почтением относился к своему покойному отцу, но не удосужился присутствовать на его похоронах.

И в конце каждого очередного рабочего дня, проведенного за подсчетом доходов в офисе на Сохо-сквер, он будет уходить домой вместе с оживленной толпой людей и ехать на поезде, возможно, задержавшись, чтобы купить жене букет цветов, и будет проводить вечер перед телевизором. Все это в том случае, если он не находится на гастролях и не выступает перед рекордной аудиторией, насчитывающей иногда свыше 180 тысяч человек.

Маккартни прошел долгий путь от микрорайона в Ливерпуле, застроенного муниципальными домами. Но несмотря на все свое благосостояние и славу, он предпочитает делать вид, что в действительности никогда и не покидал этого места.

18 июня 1942 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль тайно прибыл в Вашингтон для встречи с президентом США Франклином Рузвельтом, чтобы обсудить военную стратегию разгрома Германии.

Почти в это же самое время Мэри Патриция, жена торговца хлопком, подрабатывавшего пожарником, Джима Маккартни, в комфортабельной отдельной палате вултонской больницы в Ливерпуле родила своего первенца - сына, которого назвали Джеймс Пол Маккартни. В ливерпульском небе не сверкала путеводная звезда, возвещающая о его появлении на свет; в этом военном небе можно было только наблюдать изредка следы трассирующих снарядов. Ребенок не произвел впечатления даже на собственного отца. «Он выглядел ужасно... как страшный кусок красного мяса», - так вспоминал о своем первенце Джим Маккартни.

Когда Джим Маккартни вернулся домой в меблированные комнаты в районе Энфилд рядом со стадионом футбольного клуба, он расстроился и заплакал. Постепенно он успокоился, а ребенок со временем выглядел все лучше и лучше и наконец превратился в очаровательное дитя.

Сын рос, и у Маккартни-старшего были причины гордиться им задолго до того, как он стал Полом из «Битлз», автором песен, миллионером, духовным идолом, оправдывающим надежды и самые высокие родительские амбиции. Пол был смышленным, симпатичным, словно херувим, ребенком; будучи бойскаутом, уважительно относился к пожилым леди, не доставлял неприятностей ни дома, ни в школе, хорошо учился. Его мать Мэри хотела, чтобы он стал учителем, и, проживи она дольше, он, возможно, и стал бы им. Но мать умерла, а Пол увлекся рон-н-роллом. Это увлечение захватило еще трех юношей, почти одногодок Пола, родившихся в Ливерпуле. До подросткового возраста Пол не был знаком с ними, а когда познакомился, то родителям это не понравилось.

Семья Маккартни, трудившаяся для улучшения своего благосостояния, хотела, чтобы Пол и его брат Майкл, который родился восемнадцать месяцев спустя после рождения Пола, преуспели в жизни. Семьи Старков и Харрисонов были гораздо беднее, они явно и по рождению, и по образу жизни принадлежали к малоимущим слоям населения, и казалось, что это положение их вполне устраивает. Что касается Джона Леннона, то, как он сам говорил: «Похоже, что я всем внушал отвращение». Конечно, родители

не хотели, чтобы Пол общался с этим неблагополучным подростком, за которым уже с раннего возраста числились хулиганские проделки. Семья Маккартни была и оставалась своеобразным тесным мирком с прочным чувством семейной гордости и традиций, мирком, в котором для посторонних было очень мало места. «...Мама с папой не имели друзей», - вспоминает Пол, и уж тем более таких, как Леннон, который дерзко и упрямо отрицал все то, к чему стремилась семья Маккартни. Влияние города на характер, отношения в семье и с друзьями могли привести к совершенно непредсказуемым результатам, и, как показали последующие события, это выразилось в бунтарской ломке своего и создании нового социального образа, который Леннон сам называл «крепкий парень из рабочих», превратившего его в легенду.

Совершенно иным, чем у Леннона, было у Пола отношение к деньгам, прочно привитое ему еще в раннем детстве. Если Леннон публично выражал к ним презрение, то Пол стал богатейшим из рок-звезд с годовым доходом более 20 миллионов фунтов стерлингов. Невероятные деньги, как, впрочем, невероятен и сам Ливерпуль. Для его жителей сарказм и чувство юмора являются спасительным средством, позволяющим отвлечься от жестоких экономических реалий. В 1914 году на долю города приходилась треть всего объема экспорта Великобритании, и в годы своего наивысшего процветания Ливерпуль похвалялся тем, что в нем больше миллионеров, чем в любом другом городе мира подобного размера. Благосостояние Ливерпуля строилось на перевозке грузов в Америку и из Америки. Сначала это были рабы, затем хлопок, который и позволил Джиму Маккартни сделать первый шаг по лестнице, ведущей к обеспеченному будущему.

Он начал работать в возрасте 14 лет, демонстрируя образцы хлопка предполагаемым покупателям, и его заработная плата составляла 6 шиллингов (33 пенни) в неделю. Через четырнадцать лет его трудолюбие и честность помогли ему стать торговцем хлопком и получать большую заработную плату - пять фунтов в неделю, что считалось необычайным повышением для рабочего паренька, и это до сих пор с гордостью подчеркивают его сыновья.

Казалось, что теперь он на всю жизнь обеспечен работой, но это было не так. После второй мировой войны торговля хлопком так и не восстановилась и город стал нищать, превращаясь в один из беднейших городов Европы. Очутившиеся в таком положении жители столкнулись с очевидной проблемой выбора: или решительно взяться за дело и за счет труда и бережливости выкарабкаться из трудного положения, или

смириться и встать в конец громадной очереди за пособием по безработице.

Джим Маккартни выбрал первый путь. Общество, как он любил подмечать, перевернулось с ног на голову, но из этого следовало извлечь выгоду. Во время войны Джим перешел работать на завод по выпуску двигателей, и, когда гитлеровская Германия была окончательно разгромлена, он стал инспектором отдела утилизации отходов производства. В его обязанности входило проверять, насколько тщательно мусорщики очищают мусоросборники. Позже он получил место токаря на заводе, где выпускались двигатели «Сэйбер», предназначенные для военно-воздушных сил. С получением этой работы семья переехала в район Уоллэйси, застроенный муниципальными домами. Квартира со стенами из голого кирпича мало напоминала жилье, и все же для семьи с маленьким ребенком это было лучше, чем меблированные комнаты.

Мэри вернулась к работе. Будучи квалифицированной медицинской сестрой, она раньше работала в родильном отделении вултонской больницы - вот почему при родах Пола ее поместили в отдельную палату. Для пополнения скромного семейного бюджета Мэри стала работать патронажной сестрой, а затем снова возвратилась к акушерству, ухаживала за будущими матерями сначала в одном, а потом в другом крупном районе Ливерпуля, застроенном муниципальными домами. Поскольку это были должности, связанные с работой по месту постоянного жительства, то ей предоставляли муниципальное жилье и вся семья переезжала на новые квартиры. Каждый переезд вызывал некоторое удовлетворение и был шагом вперед, так как каждый новый дом был чуть лучше предыдущего: более современная мебель и т.п. Маккартни первыми на своей улице приобрели телевизор.

«Трудящиеся люди всегда стараются повысить жизненный уровень своих семей, и наши родители не были исключением в этом плане, - напишет впоследствии Майкл Маккартни. - В нашей семье главным образом мама хотела, чтобы мы преуспевали в жизни». Пол говорил: «Она была страшно честолюбива по отношению к своим сыновьям». К ранним воспоминаниям Пола о матери относится и ее страстное желание исправить его произношение: «Когда она ругала меня, я имитировал ее произношение, что сильно расстраивало ее, да и я чувствовал себя неловко».

В 1955 году семья Маккартни переехала наконец в Семейный пансионат по адресу Фортлин-Роуд, 20 в престижном районе Ливерпуля Оллертон. Подобный престиж всегда был важен для семьи Маккартни, а кроме того, в их квартире впервые был собственный туалет.

Майкл говорит, что постоянные переезды, которые миссис Маккартни называла «улучшением положения», болезненно сказывались на ее сыновьях. Не успевали они прижиться в одной школе и обзавестись друзьями, как вынуждены были снова менять школу. Однако это не сказывалось отрицательно на образовании Пола. Да и в семье его окружали теплотой и заботой, в чем он так нуждался. Он был способным и всегда много занимался, чтобы с успехом сдавать экзамены. Результаты его «элевенплас» [*Элевенплас - отборочные испытания школьников в возрасте 11 лет, проводящиеся по окончании начальной школы*] были достаточно высоки, чтобы обеспечить ему место в ливерпульском «институте» - лучшей классической школе города, в которой обучались «сливки» городских мальчишек. Майкл пошел по его стопам, к величайшему удовольствию матери, заплакавшей от радости, когда Майкл, прибежав домой, сообщил, что тоже успешно сдал «элевенплас» и будет вместе с Полом учиться в «институте».

Удивительно, что Мэри не слишком много внимания уделяла религиозному воспитанию детей. Ирландка по происхождению, Мэри Патриция Моуин была воспитана в строгой римско-католической вере. В возрасте 31 года она, вопреки своей вере, вышла замуж за протестанта Джима Маккартни, который был на восемь лет старше ее. Тем не менее бракосочетание состоялось в ливерпульском католическом соборе Сент Суитинз в районе Джилл Мосс. Вследствие обещания, данного Мэри священнику, оба ее сына были формально крещены католиками («и было совершено иудейское обрезание», - признался Майкл).

Джим Маккартни твердо придерживался «агностических» взглядов. Он считал, что в католических школах слишком много внимания уделяется религиозному воспитанию и недостаточно - образованию. Его точка зрения победила, и поэтому Пол и Майкл получали образование не у священников и монахинь, а в нецерковных государственных школах. Мэри и не настаивала, так как ей не особо нравился уровень образования в католических школах, в чем она убедилась во время работы патронажной сестрой.

И, что особо примечательно, когда мальчики все же посещали церковь, то это была не католическая церковь, а англиканская. Пол пел в хоре в церкви Сент Барнабес, расположенной рядом с улицей Пенни-Лейн. По настоянию отца он прошел прослушивание в хоре ливерпульского англиканского кафедрального собора (но его не приняли, потому что он не умел читать ноты). Пол Маккартни, крещенный в римско-католической церкви, теперь говорит, что он принадлежит к англиканской церкви. Его

мать Мэри, когда дело касалось ее собственной семьи, рьяно отвергала религию своего детства, как, кстати, поступила и будущая жена Пола - Линда.

Отсутствие строгих религиозных норм компенсировалось в семье Маккартни жесткими правилами поведения и ответственности за свои поступки. Мэри была справедливой и заботливой, всю свою любовь отдавала семье. Джим был человеком слова, гордым, работающим, с обостренным чувством долга. Его жена зарабатывала больше, чем он, но, будучи твердым приверженцем своего класса и родного города, Джим считал себя главой дома или, как называл его Майкл, «третейским судьей», за которым всегда оставалось последнее слово и чье решение было окончательным. И если Линда в своем отношении к религии повторяет Мэри, то Пол настойчиво пытается подражать отцу.

Пол говорил об отце: «Он был просто Джимом, ничем не выдающимся торговцем хлопком. Но он был очень умный, частенько разгадывал кроссворды, чтобы пополнить свой словарный запас. Он учил нас ценить здравый смысл, которым, как вы заметили, обладает большинство людей в Ливерпуле. Я несколько раз путешествовал по свету, заглядывая в его самые маленькие уголки, и могу поклясться Богом, что нигде не встречал более душевных, более умных, более добрых, более полных здравого смысла людей, чем ливерпульцы, из среды которых я вышел».

Питер Браун, руководивший фирмой «Эппл» и познакомивший Пола с Линдой, как бывший директор-распорядитель «Брайан Эпстайн NEMS энтэрпрайзис» был связан с ансамблем «Битлз» с начала его выступлений в клубе «Каверн» и до момента распада ансамбля. Он хорошо знал Джима Маккартни. Сам ливерпулец, он говорит: «На Пола значительное влияние оказал пример его отца, который был слишком честным человеком и поэтому не очень удачливым в коммерции. Порядочный - вот верное определение для него, и если бы он был не таким, то, возможно, добился бы большего в жизни. Пол разглядел в отце это замечательное качество - порядочность - и сам старается быть таким же, как его отец. Для мужчин из Северной Ирландии очень типична такая постановка вопроса: пока я хозяин - не забывайте свое прошлое, будьте порядочным, храните семейный очаг».

В доме Джима Маккартни подобный старомодный и шовинистический подход к обстановке в семье был сглажен хорошо развитым чувством юмора, любовью и вниманием к сыновьям. Отец поддерживал их интерес к сельской жизни. Каникулы они проводили на ферме в Уэльсе, где братья сфотографированы гордо восседающими на пони. Скопив денег, Джим

купил Полу трехскоростной спортивный велосипед «Ралли» и брал его с собой на длительные загородные прогулки. Будучи увлеченным садоводом, он открыл Полу прелесть запаха свежей лаванды, растираемой между пальцами. Перед бритьем Джим терся щетиной о щеки сыновей и чмокал их в шейки. Он готовил восхитительный йоркширский пудинг, сладкий крем и рисовый пудинг. На сэкономленные карточки, поскольку в Англии была еще карточная система, отец покупал сыновьям бананы. Когда у детей болели животы, он никогда не гладил их, а, извиняясь, объяснял это тем, что тогда и у него заболит живот. Джим купил им собаку - это был полупородистый пастуший пес по кличке Принц. Чтобы дети не дрались по вечерам, отец провел от радио из гостиной две розетки в их спальню, где они могли слушать через наушники сначала «Дика Бартона - специального агента», а затем, когда стали постарше, пронзительные звуки поп-музыки «Радио Люксембург».

Жизненным кредо Джима Маккартни являлись порядочность и скромность. Эти свои взгляды он выражал пословицами - такой, например, как «для ленивых рук занятие находит сатана» - и всегда повторял их, а Пол называл их «суффиксами» [*В английском языке это суффиксы существительных, обозначающих действие, процесс, состояние*]. Джим утверждал, что самым главным в жизни являются терпимость и сдержанность. «Терпимость очень важна, - говорил Маккартни. - Если смеются над слабыми и немощными людьми, как это часто делает ребятня, я объясняю, насколько это может быть им неприятно. А если у человека нет сдержанности, то он может навлечь на себя массу неприятностей».

Как раз неприятностей Пол интуитивно избегал. Если у него возникали трудности, то он держал их при себе, как, впрочем, поступает и сейчас. Если Джим Маккартни чувствовал, что поведение сыновей беспокоит его, то он мог и отшлепать их, и Мэри этому не мешала. Однако чаще от отцовской руки доставалось Майклу, чем Полу. И если младший Маккартни часто влипал в какие-то истории, то Пол, по словам отца, вел себя гораздо тише, был значительно разумнее и умел выпутываться из различных ситуаций. Но в тех редких случаях, когда ему попадало, он считал необходимым отомстить исподтишка. Пол вспоминает: «Если меня когда-то били за плохое поведение, я пробирался в отсутствие родителей в их спальню и слегка надрывал нижний край занавесок, думая, что этим мщу им».

Но более заслуживающим внимания является тот факт, что Джим уже в раннем возрасте познакомил Пола с музыкой. Пол вспоминает эти моменты: «Когда я был совсем маленьким, я часто лежал на полу в

гостиной, а отец играл на пианино». Отец познакомил его с песнями таких мастеров, как Фэтс Уоллер и Фред Астайр, которыми он до сих пор наслаждается и, кстати, обладает правом публикации многих их песен.

Несмотря на травму барабанной перепонки в результате падения со стены в возрасте десяти лет, вследствие чего он и не был призван на военную службу во время войны, в молодости у Джима Маккартни был собственный ансамбль, с которым он выступал на танцах. Его почти совсем не интересовала классическая музыка. И когда он слышал ее по радио, то кричал: «Выключите эту чепуху». Больше всего его музыкальные интересы распространялись на джаз и бигбэнд, особенно эпохи свинга. В то время Джим собрал небольшой ансамбль из нескольких единомышленников. После неудачного дебюта под названием «Masked Melody Makers» («Музыканты в масках»), когда под воздействием тепла их маски разбойников с большой дороги расплылись по лицам, ансамбль был переименован в «Jim Mac's Band» («Оркестр Джима Маккартни») и стал выступать в местных танцевальных залах. Ансамбль никогда не пользовался значительным успехом, но именно он помог Джиму найти жену.

Как позже рассказывал Пол, за Мэри уже долгое время ухаживал другой парень, которому Мэри предложила пойти на танцы. «И вдруг он понял, что это то самое место, где играет мой отец. Мэри завороченно следила за выступлением отца». Пол глубоко убежден, что человек строит жизнь по своему желанию, но вместе с тем не отрицает фактора наследственности. «Мне кажется, что все мне досталось именно от Бога», - говорит он.

Джим Маккартни играл на трубе и на пианино. Но вскоре после женитьбы ему пришлось расстаться с трубой, поскольку, по свидетельству Пола, «он лишился своих зубов и вставил искусственные». Однако он продолжал играть на пианино, часто устраивая своеобразные домашние представления, которые еще более сплачивали их семью и надолго запомнились Полу. Выше уже говорилось, что у родителей Пола было мало друзей («они в некотором роде были снобы», - вспоминает современник Пола Маккартни), но в них и не было особой нужды. Их окружали многочисленные родственники - тетушки, дядюшки, двоюродные братья и сестры. Джим Маккартни был одним из оставшихся в живых семи детей, родившихся у резальщика табака Джозефа Маккартни и его жены Флоренс. Эти дети выросли и обзавелись большими семьями.

«Когда я рос, меня всегда окружали дети, - вспоминает Пол, - как в большой итальянской семье, где кто-нибудь постоянно качает на коленях

ребенка». Он любил эту семейную атмосферу. В комиксах, которые в детстве читал Пол в «Дейли экспресс», с их персонажем медвежонком Рупертом, наделенным человеческими свойствами, с большой теплотой описывался домашний уклад жизни людей среднего класса. Пол до сих пор очень любит читать их. Сейчас он говорит о семье: «Они были самыми обычными людьми, но, слава Господу, они обладали здравым смыслом в самом хорошем значении этого слова. Я встречался со многими людьми - с Гарольдом Вильсоном, Мэгги Тэтчер, со многими мэрами городов в Америке, но никогда не встречал таких интересных и очаровательных людей, как моя ливерпульская семья».

Семейная идиллия разрушилась 31 октября 1956 года, когда казалось, ей не угрожают никакие опасности. И только спустя три десятилетия, имея уже собственную семью, Пол, в память о понесенных утратах попытался восстановить эту идиллию. Удалось ли это ему - другой вопрос.

Мэри несколько месяцев жаловалась на боли в груди. Еще летом 1955 года, когда она возвращалась домой из лагеря бойскаутов, где навещала сыновей, грудь заболела так сильно, что она вынуждена была прилечь отдохнуть. Сначала она решила, что это, возможно, симптомы климактерического периода, но комки в груди и боль так и не проходили. Однажды Майкл застал мать в спальне плачущей с распятием в руках. Когда Майкл поинтересовался, что произошло, мать ответила: «Ничего, милый».

В конце концов Мэри проконсультировалась у специалиста. Он определил у нее рак молочной железы и прооперировал, но было уже поздно. Перед тем как лечь в больницу, она говорила коллеге мужа Оливу Джонсону: «Я не хочу сейчас покидать своих мальчиков». А уже перед самой смертью она сказала жене брата Билла: «Мне хотелось бы увидеть, как вырастут мальчики». Полу в это время было четырнадцать, а Майклу - двенадцать лет.

Когда Полу сказали, что мама умерла, он тут же спросил: «А что же мы будем делать без ее денег?» Эта реплика была настолько же откровенной, насколько и бестактной (правда, критики подчеркивают, что от Маккартни скорее можно ожидать бестактности, чем откровенности). Однако Пол проплакал весь вечер. Он молился, чтобы мама вернулась. «Дурацкие молитвы, знаете, такие: «Если она вернется к нам, я всегда буду очень-очень хорошим». Я подумал, какая глупость вся эта религия. Молишься, молишься - и все бесполезно, ничего не сбывается, и именно тогда, когда ты больше всего в этом нуждаешься».

Пол нуждался не в религиозном утешении. Джим Маккартни вскоре

наскреб пятнадцать фунтов и купил сыну гитару, которая стала его утешением и прибежищем. Он таскал ее с собой повсюду, даже в туалет. Майкл вспоминает: «Все началось сразу после смерти мамы. Это стало уже навязчивой идеей, захватившей всю его жизнь. Потерял мать и нашел гитару?»

Начался так называемый «жизненный процесс эмоционального восприятия». Однажды вечером в опустевшем доме по Фортлин-Роуд, 20, которым уже не могла гордиться мать, Пол Маккартни написал свою первую песню.

На кладбище при церкви Святого Петра в Вултоне есть надгробный камень, на котором начертано имя Элинон Ригби. В субботу 6 июля 1957 года Пол Маккартни проезжал на велосипеде мимо этой могилы, направляясь к церкви, расположенной примерно в миле от Оллертона. Он отправился туда совсем не для того, чтобы приобрести на благотворительном базаре домашние пирожные или подержанные книги, и если и обратил внимание на ансамбль, выступавший там и исполнявший скифл [*Скифл - народные песни в исполнении певца-гитариста с ансамблем*], то просто мимоходом. У Пола были совсем другие планы. По словам его школьного друга Айвена Вона, Маккартни хотел познакомиться с девушками и по этому поводу вырядился таким щеголем. На нем был белый спортивный пиджак с карманами с клапанами и черные брюки-дудочки, волосы зачесаны назад, как у Элвиса Пресли, в стиле помпадур и намазаны бриллиантином - результат нескольких часов, проведенных перед зеркалом в ванной. Он был похож на молодого самца, томящегося половым желанием.

Пол лишился девственности в возрасте пятнадцати лет. Девушка была старше его и более крупного телосложения. Это произошло у нее дома, когда она «в отсутствие мамы приглядывала за ребенком». Он был не прочь продолжить эти отношения, но с этой молодой женщиной у него уже ничего не вышло, так как, к ее великому негодованию, он на следующий же день разболтал обо всем в школе. Однако разбуженное мужское естество требовало своего, и Айвен со всем присущим юности оптимизмом убедил его, что приходская церковь в Вултоне и есть то место, где можно подцепить покладистую девчонку, которая только и ждет, чтобы забраться в кусты и залезть в узкие штаны к пятнадцатилетнему Полу Маккартни.

Айвен оказался не прав. Конечно, там были девушки, но Пол, несмотря на юношеское бахвальство, еще не имел опыта обращения с ними. Страсть так и осталась неудовлетворенной, и дело закончилось тем, что он стал слушать выступление ансамбля. Ансамбль назывался «Куорри мен» по названию соседней классической средней школы «Куорри бэнк», в которой учились пять его участников. Они стояли на самодельной сцене, и, как вспоминает Пол, «никто из них толком не знал, как играть на инструментах, которые они держали в руках». Певца и ведущего гитариста звали Джон Леннон, он даже не помнил слов песен, которые исполнял, и

был вынужден придумывать их на ходу.

Пол вспоминает: «Джон брал аккорды для гавайской гитары, которым научила его мама, и пел песню Дела Викингса «Come Go with Me to the Penitentiary», хотя и не знал слов. Записей этой песни ни у кого не было, ведь мы слышали ее только по радио». Джон в клетчатой рубашке, со спадавшей на лоб челкой отрабатывал манеру держаться на сцене. «Играя, Джон вертел головой по сторонам. Позже он сказал мне, что впервые попытался по реакции публики определить, как лучше держаться на сцене - дергать плечами или вообще не двигаться».

Техника исполнения у Джона тоже отсутствовала. Народу, собравшемуся там и одетому по-праздничному, гораздо интереснее было участвовать в лотерее или бросать мяч в корзину, нежели наблюдать за дергающим плечами молодым Джоном Ленноном, готовым вот-вот свалиться со сцены, что было вполне реально, учитывая количество выпитого им пива. Но, поскольку музыка рок-н-ролла в то время уже захватила Пола, ансамбль произвел на него впечатление. Он говорил: «Сумасшествие рок-н-ролла захлестнуло меня» - что, впрочем, относилось к большинству западной молодежи. И если Полу чего-то и хотелось в тот момент, так это поскорее уйти оттуда и играть самому.

После выступления ансамбля Пол подошел к ним познакомиться. От шестнадцатилетнего Леннона разило спиртным. Пол попросил гитару и показал участникам ансамбля, как ее следует настраивать. Он также показал, как играть песню Эдди Кокрэна «Twenty Flight Rock», которую напряженно разучивал по вечерам в отведенное для выполнения школьных домашних заданий время. Затем Пол спел ее и любезно записал слова песни Леннону, а потом исполнил «Be Wor A Lula» Джина Винсента и указал ребятам на слова, которые они пели неправильно.

Поощряемый вниманием слушателей, он спел несколько песен Литтл Ричарда, подражая его пронзительной манере исполнения. Маккартни знал слова двадцати пяти песен в стиле рок, которые он заучивал, прослушивая пластинки (78 об/мин), а не во время случайных передач по радио. Первой пластинкой, которую он приобрел (впоследствии он их начал собирать), была «Be Wor A Lula».

Леннон восхитился и одновременно насторожился. «Куорри мен», был его ансамблем, он являлся в нем ключевой фигурой. Собирался ли он приглашать Маккартни в ансамбль и, возможно, бороться с ним за лидерство? «Я подумал: что будет, если я его приглашу? - вспоминал Леннон. - И решил, что если уж приглашу, то сразу поставлю его на место».

Но Маккартни был хорош, очень хорош по меркам праздника в саду

приходской церкви в Вултоне и Леннон ушел, чтобы обдумать этот вопрос. И он принял решение, которое оказалось правильным, хотя тогда, летом 1957 года, никто и представить себе не мог, насколько правильным и значительным оно окажется.

Спустя две недели друг Леннона Пит Шоттон, чья мать продавала в церкви Святого Петра билеты на выступление ансамбля «Куорри мен», случайно встретил Маккартни, приехавшего на велосипеде в Вултон. От имени Джона Леннона он предложил Полу Маккартни вступить в ансамбль, и Пол согласился. Так родилось самое значительное в истории рок-музыки партнерство.

И как, к сожалению, показали дальнейшие события, у этого дуэта было очень мало общего. По словам Питера Брауна, Маккартни «с уважением и почтением относился к старшим», с присущим его отцу чувством ответственности относился к законам, с решительностью, унаследованной от матери, «работал над собой». Леннон, неблагополучный ребенок из распавшейся семьи, был грубым, жестоким, не признавал авторитетов, был слишком тщеславным, чтобы носить очки, без которых очень плохо видел, упрямый бунтарь, затевавший беспричинные раздоры. Отец научил Маккартни не насмехаться над несчастными, а Леннону это доставляло удовольствие.

Казалось, единственное, что их объединяло, - так это всепоглощающая страсть к рок-н-роллу. И в те однообразные, полные скуки дни 50-х годов, когда молодежь вроде Леннона и Маккартни мало чем интересовалась, этой страсти было вполне достаточно, чтобы объединить их. Это был союз людей противоположных по характеру, но подсказанный эмоциональной потребностью и окончательно закрепленный коммерческим интересом. Этот союз провел их по всему миру, привел в каждый дом, где были радио, телевизор, магнитофон или просто стена с фотографиями. Однако этот союз привел их обоих и к эмоциональному опустошению. Это был брак по расчету, который сделал их богатыми, но еще долгое время после его расторжения оставшийся в одиночестве Маккартни ощущал это эмоциональное опустошение.

По мнению одного из их ближайших советников, это был неизбежный союз, продиктованный временем и обстоятельствами. Питер Браун говорит: «Можно выбирать друзей, но не семью, и они не выбирали друг друга, это просто произошло само по себе».

Вечером 18 октября на танцах в клубе консервативной партии, расположенном в «Нью-Клабмур-холл» на Бродвее в Ливерпуле, состоялся первый сценический дебют Пола Маккартни в составе ансамбля «Куорри

мен». После выступления Леннон слушал, как Маккартни исполнял мелодии собственного сочинения. Это было откровением для Джона, который до этого времени никогда не пытался положить свои стихи на чужую музыку, предпочитая сочинять собственные мелодии.

Впоследствии, уже спустя много лет после их разрыва, сопровождавшегося взаимными нападками, Маккартни говорил: «Мы с Джоном очень подходили друг другу». И их перебранки, которые Пол называл «элементами соперничества», были очень важной составной частью творческого сотрудничества.

В этот вечер Маккартни исполнил песню, которая называлась «I Love My Little Girl». Пол говорил: «Это была самая первая песня, которую я написал. Она была очень наивной, и в действительности я написал ее только потому, что слово «curl» рифмовалось со словом «girl».

Тут он, пожалуй, грешит против истины, потому что именно мелодия, а не стихи была слабой и избитой. Маккартни не являлся воплощением ливерпульского Моцарта, который написал свою первую симфонию в возрасте шести лет. Один из величайших поп-композиторов нашего века делал еще только первые шаги. Конечно, рифмы типа «curl» и «girl» не выдерживают сравнения с более поздними рифмами, такими, как «Michelle» и «my belle». (Спустя двадцать пять лет Маккартни сам будет говорить об этом: «На самом деле для того времени это было не так уж и плохо, тогда и без нас хватало очень слабых стихов. В конце концов, это было только начало, а после знакомства с Джоном все изменилось, и я, отойдя от этих стихов, начал работать в совершенно ином направлении».)

Но это было совсем не то направление, которое мог одобрить пятидесятилетний вдовец Джим, Маккартни. После смерти жены ему предстояло воспитать двух сыновей-подростков, получая при этом жалкие восемь фунтов в неделю. «Я очень тоскую по своей жене, ее смерть потрясла меня», - говорил он. Джим был полон решимости поставить сыновей на ноги. Его сестры Милли и Джинни как могли помогали ему, приходили наводить порядок в доме и, когда позволяли собственные дела, встречали мальчиков из школы. И все-таки Джим Маккартни растерялся, очутившись после смерти жены в такой ситуации.

«Мне трудно было для себя решить, кем из родителей я должен стать, для своих сыновей», - говорил он. Майкл Маккартни пояснял его слова: «Ему надо было определиться - стать отцом или матерью двум мальчишкам-подросткам. К счастью, он выбрал роль обоих родителей, но это оказалось трудным решением для человека, привыкшего быть главой семьи».

«Зимы были трудными, - вспоминал Джим. - В доме не пахло горячими лепешками, материнский поцелуй не встречал мальчиков, которые сами разводили огонь, приходя из школы, а обеды готовил я».

От Пола помощи не ждали. Внешне, по крайней мере для себя, он оставался таким же «бодрячком», каким и был всегда, но в душе его охватил страх. Он стал пропускать занятия, вследствие чего стал хуже учиться и вынужден был задерживаться в школе, чтобы усвоить пропущенный материал и сдать экзамен по программе средней школы. Без денег Мэри, что сразу обеспокоило Пола после ее смерти, семья с трудом сводила концы с концами. Кроме того, несмотря на запреты отца, Пол приводил домой друзей, и они поедали те запасы, которые с трудом удавалось покупать Джиму Маккартни.

В отсутствие материнского глаза в поведении Пола появились и другие настораживающие моменты. Он стал носить одежду, вызывавшую неодобрение отца. Джим придерживался общепринятых правил в этом вопросе. Особенно ему не нравились брюки-дудочки, считавшиеся в то время верхом уличной моды. Пол отпустил длинные волосы и завязывал их сзади, подражая Тони Куртису. Так одевались уличные бандиты, вооруженные бритвами и велосипедными цепями и творившие свои бесчинства под песню Билла Хейли «Rock Around the Clock».

Чтобы не выслушивать возражений отца по поводу своих брюк, Пол сначала показывал их Джиму, получал его одобрение и моментально перешивал их во время школьной перемены у ближайшего портного. Если отец замечал подобные переделки, то Пол клятвенно заверял его, что это те самые брюки, которые он одобрил. «Я все-таки здорово трусил тогда», - признавался Пол.

Майкл вспоминал: «Мы были ужасными и бессердечными, очень мало помогали папе и часто дерзили ему. А он только кусал губы и день за днем, ночь за ночью тянул свою лямку». Вполне можно было бы понять, если бы он «сломался, напился, избил бы нас или привел домой женщину». Но Джим не делал этого. «Он мобилизовался внутренне, проявив при этом удивительную силу воли. Пол многим обязан папе».

Но тогда Пол так еще не думал. Это было не самое счастливое время для человека, который впоследствии сделает своей международной торговой маркой веселую улыбку. Изредка Пол замечал: «В то время я предпочитал беседовать с кирпичными стенами». И казалось, только музыка могла помочь выразить себя Полу, страдавшему от юношеской неразговорчивости и молчавшему под давлением горя, которое он хранил в себе. Поэтому в лице Джона Леннона он нашел партнера.

Умный и чувствительный ребенок, оставленный матерью Джулией и отцом, моряком по имени Фред, вскоре после рождения, Леннон воспитывался у тети Мими на Менлав-авеню, расположенной недалеко от Фортлин-Роуд. Как и Пол, он легко сдал «элевенплас», но в отличие от Пола Леннон не проявлял интереса к учебе. Когда Леннон достиг подросткового возраста, он взбунтовался, правда, и сам не мог объяснить, против чего. Все это обострило его отношения с тетей Мими, которая была домовладелицей и являлась типичной представительницей среднего класса.

В середине 60-х годов, когда стало модным щеголять пролетарским происхождением и хвастаться недостатком образования, Маккартни стал пренебрежительно отзываться о днях учебы в классической школе как о пустой трате времени. Для Леннона же дела всегда обстояли именно так. Если Пол мог мобилизовать себя на сдачу экзаменов, то Джон никогда и не пытался делать этого. Одна из типичных характеристик, составленных на Леннона по окончании школьного семестра, гласит: «Безнадежен... безусловно провалится на экзаменах». Джон действительно провалил все экзамены, включая рисование, и только благодаря вмешательству тети Мими, которой каким-то образом удалось убедить директора школы написать положительное рекомендательное письмо, Леннон смог получить место в ливерпульском художественном колледже. Как писал директор, «он вовсе не безнадежен, вполне возможно, он станет очень ответственным юношей и добьется больших успехов».

В конечном итоге директор оказался прав, но не в отношении ливерпульского художественного колледжа. Леннон, как всегда, ленился и бунтовал, тащился в хвосте класса, все ему надоело. Кроме обычных увлечений юности, которые Маккартни определил как «женщины, деньги и шмотки», Джона интересовал только рок-н-ролл. Он обрел родственную душу в лице Пола, который, как и он, обожал скифл Лонни Донегана, пронзительные крики Кокрэна, Винсента и Ричарда, плач «Эверли бразерс», но больше всех - Элвиса Пресли.

В этом они не были одиноки. В скучные 50-е годы, когда радиопередачи контролировались «Би-би-си» бешеные звуки рок-н-ролла строго дозировались, спальнях десятков тысяч британских домов молодые ребята, держа в руках веники вместо воображаемых гитар и в редких случаях настоящие гитары, кривлялись перед зеркалами платяных шкафов, представляя себя в своем воспаленном воображении куклуксклановцами. Но двое подростков, игравших собственные сочинения в передней дома по Фортлин-Роуд, 20, были талантливы, гораздо талантливее предмета подражания, вихляющего бедрами и кривящего губы (а слышал ли Элвис

когда-нибудь о Ливерпуле до того времени, когда превосходство этих мальчишек стало очевидным?).

Их связывало еще и другое. Вскоре после того, как они стали играть в одном ансамбле, в жизни Леннона вновь появилась его мать Джулия. Он восхищался ею, ее легкомысленным отношением к жизни и ее чувством юмора, сходным с его. Джулия играла на банджо, и она научила сына тем аккордам, которые он брал на гитаре, купленной ему тетей Мими за 17 фунтов в очередной момент проявления слабости по отношению к племяннику. Питер Браун говорит: «Не будет ошибкой сказать, что Джон был влюблен в Джулию». Это было их трагически короткое примирение. Вечером 15 июля 1958 года, почти ровно через год после знакомства Джона с Полом Маккартни, Джулия была насмерть сбита машиной, когда переходила дорогу напротив дома Мими.

«Он потерял мать в возрасте семнадцати лет, и это еще более сблизило нас с Джоном, - говорил Пол. Эта связь была самой сильной. Впоследствии нас объединили профессиональные интересы, и, когда мы стали вместе писать песни, думаю, эта связь помогла созданию атмосферы духовной близости и доверия между нами. Мы были очень хорошими товарищами до того момента, пока ансамбль «Битлз» не начал распадаться и между нами не встала Йоко».

Мими не очень симпатизировала Маккартни - этому стилиге в пиджаке в крапинку и в джинсах в обтяжку. Его еще не в полную силу проявившаяся привлекательность не произвела на нее впечатления. Когда Пол появлялся в дверях ее дома и говорил: «Привет, Мими, можно войти?», она привычно отвечала: «Нет, конечно, нельзя». И если она все-таки пускала его в дом, то ни в коем случае не позволяла, чтобы неслаженные звуки гитар двух подражателей Пресли звучали в ее чистой, ухоженной гостиной. Поэтому приходилось репетировать дома у Маккартни.

Джим Маккартни тоже не одобрял этой дружбы. Ему не нравился рок-н-ролл и не нравился Джон Леннон. Майкл вспоминает: «Папа отнюдь не питал к нему дружеских чувств». Отец предупреждал Пола: «Сынок, он втянет тебя в неприятную историю». Однако Джим Маккартни следовал в жизни тем принципам, которые проповедовал. Майкл говорил: «Папа действительно придерживался своего принципа «терпимость и сдержанность». И Джон Леннон гораздо чаще бывал в доме Маккартни, чем об этом знал Джим. Ливерпульский художественный колледж находился рядом с «институтом», в котором учился Пол, но оба ученика не так часто посещали свои учебные заведения, как то предписывалось правилами. Леннон вообще не бывал в колледже, Пол также приобщился к

прогулам. Он вспоминал: «Мы убегали из класса, перелезали через ограду и шли на церковное кладбище, расположенное всего в сотне ярдов, где, кощунствуя, загорали на могилах. Это было лучшее место, где можно было понежиться на солнышке и поспать».

После знакомства с Ленноном это время проводилось уже иначе. Вместо того чтобы спать на кладбище, Пол возвращался домой на Фортлин-Роуд, где они с Ленноном устраивали концерты. Иногда к ним присоединялся парень по имени Джон Ллойд, который сейчас торгует коврами в Ливерпуле. Впервые Ллойд встретился с новоиспеченными музыкантами в саду церкви Святого Петра как раз в тот день, когда они сами познакомились друг с другом. Он вспоминает: «Пол был довольно спокойным и не очень общительным, небольшого роста и слегка полноватым (в то время Майкл называл брата толстяком, а себя «пудингом колледжа» [*Пудинг из бисквитного теста с цукатами и сладкой подливкой*]). Пол был хорошо воспитан, я никогда не слышал, чтобы он ругался. Если кто-то в разговоре с ним повышал голос, Пол всегда оставался вежливым. Джон же был полной ему противоположностью: открытый и очень общительный. Он всегда высказывал вслух свои мысли, чего нельзя было сказать о Поле».

На Фортлин-Роуд они слушали патефон («красивый кусок полированного дерева» - таким он остался в памяти Ллойда) и играли на гитарах. Пол приглашал друзей домой, но им не разрешалось проходить дальше гостиной. «Маккартни жили шикарно, - говорил Ллойд, - и считалось большой удачей, если тебе вообще разрешали войти в дом».

Джим Маккартни здорово бы разозлился, если бы узнал, что в то время, когда он находится на работе, кто-то, кому положено в это время быть в школе, сидит в его гостиной, не говоря уже о других комнатах. Упорные часы тренировок сделали свое дело, и техника игры на гитаре у Пола и Джона значительно улучшилась. Пол был левшой, но быстро справился с этой проблемой. «Когда я впервые взял в руки гитару, то никак не мог понять, в чем дело. Руки не слушались, и у меня ничего не получалось», - вспоминал он. Найти правильный выход помогла фотография певца и гитариста левши Слима Уитмана, исполнявшего песни в стиле кантри-энд-вестерн. «Это был первый музыкант-левша, которого я видел, и я сказал себе: «Вот в чем дело! Надо просто перевернуть гитару».

И это сработало. Правша Леннон, наблюдая за игрой своего более техничного партнера в зеркале, брал вслед за ним аккорды.

В субботние вечера они смотрели по телевизору передачу «Oh Boy!». Это была рок-программа британского телевидения, в которой показывали

выступления рок-музыкантов перед публикой, представляющей собой поколение молодых рокеров, возбужденных звуками музыки (когда Элтон Джон впервые посмотрел эту передачу, ему тоже захотелось выступить).

Пол и Джон не любили Клиффа Ричарда, одетого в красный камзол, с сальными волосами, полностью копирующего манеру исполнения Элвиса, но Клифф был постоянным участником рок-шоу, и поэтому они достаточно много времени уделяли разучиванию его песен. Когда Маккартни выучил партию гитары первого хита Ричарда «Move It», наблюдая за его игрой по телевизору, то, по его собственным словам, «выскочил из дома, сел на велосипед и помчался к Джону, крича на ходу: «Я выучил!»

Упражнялись они и в гармонии. Маккартни говорил: «Благодаря отцу я имел большее представление о гармонии, чем Джон, по крайней мере, я четко представлял себе, что это такое». Леннон настаивал, чтобы Маккартни копировал манеру вокала Литтл Ричарда, что и явилось характерной чертой ансамбля «Битлз» в самом начале их творчества. «Я обычно пел тихо, спокойно, без взвизгиваний, но Джон говорил: «Давай, ты же можешь петь лучше».

Песенное творчество тоже не оставалось забытым. Они исписывали блокнот за блокнотом стихами песен, которых насчитывалось уже более пятидесяти, включая «When I'm Sixty Four» и «Love Me Do». Но если слова сохранялись, то мелодии менялись. Ни Леннон, ни Маккартни не знали нот, даже после четырех попыток Пол не сумел овладеть нотной грамотой, и поэтому мелодии часто забывались. Когда ансамбль «Quarry Men», сменивший название на «Rainbows», а затем на «Johnny and the Moondogs», изредка играл на свадьбах и в клубах, в его репертуар включалось несколько собственных песен.

Однако, несмотря на все их усилия, никто не стремился подписать с ними контракт. Они так и оставались энтузиастами-школьниками, которым не всегда удавалось набрать необходимое количество участников ансамбля, и частенько они выступали без ударника (в конце 50-х годов мало кто из ребят стремился стать ударником, все хотели быть Элвисом). Участники ансамбля постоянно менялись, их оказалось значительно больше, чем названий ансамбля. Отчасти в этом была вина и Пола. Как вспоминает Джон Ллойд, «Пол был себе на уме и всегда знал, чего хочет». А хотел Пол быть соло-гитаристом. И для достижения этой цели он, например, однажды придрался к участнику ансамбля по имени Эрик Гриффитс, который вскоре покинул их. Леннону тоже не чужды были такие штучки, но делал он это решительно и прямолинейно. Пит Шоттон сразу понял намек и ушел из ансамбля, когда Джон демонстративно сломал стиральную доску, на

которой играл Пит во время исполнения скифл.

Одним из тех, кто прижился в ансамбле, был молодой парень с прыщавым лицом по имени Джордж Харрисон - младший из четырех детей водителя автобуса из Ливерпуля. Он был на год младше Маккартни и, соответственно, на два с половиной года младше Леннона. Как и Маккартни, Джордж учился в ливерпульском «институте», и они познакомились в автобусе по дороге в школу задолго до того, как Маккартни познакомился с Ленноном. Как-то раз, когда мать Джорджа, Луиза, одолжила Полу денег на билет в автобусе, ребята разговорились, и оказалось, что они оба увлекаются рок-н-роллом и скифл. У Джорджа была собственная подержанная гитара, купленная за три фунта, когда ему было четырнадцать лет. В один из вечеров Пол пошел домой к Харрисонам, проживавшим в муниципальном доме в районе Спек, чтобы посмотреть имевшийся у Джорджа самоучитель игры на гитаре.

Харрисон вспоминал: «Мы разучили несколько аккордов и попытались сыграть «Don't You Rock Me Daddy O». Это был популярный в начале 1957 года хит Лонни Донегана - короля скифл, этих зародившихся в Англии на основе народных песен предшественников рок-н-ролла, исполняемых на стиральных досках, гитарах и басах, сделанных из чайных ящиков, что впервые и пробудило у Маккартни интерес к попмузыке. Это было началом длинной, но сейчас уже оборвавшейся дружбы.

Луиза Харрисон страстно любила танцы, она поощряла увлечение сына гитарой, подбадривала его, когда у него что-то не выходило. «Джордж никогда не считал, что у него получается хорошо», - вспоминала миссис Харрисон. Она просиживала с сыном до двух или трех часов ночи, пока он упорно тренировал аккорды. Вскоре Луиза на заработанные с трудом 30 фунтов купила Джорджу электрогитару, и, чтобы вернуть ей эти деньги, он вынужден был разносить заказы в мясной лавке. Однако его мастерство, приобретенное упорными тренировками, поначалу не произвело впечатления на Леннона. Ну и, уж конечно, он не произвел впечатления на тетю Мими, которую стильная одежда Харрисона шокировала даже больше, чем одежда Маккартни. Она спрашивала у племянника: «Вы всегда выглядите как типы из самых низших слоев общества, не так ли, Джон?»

Конечно, Леннон ничего не имел против розовых рубашек и длинных волос Харрисона, и, если только тетя разрешала, он и сам не прочь был так одеваться. Возражения у него вызывал возраст Харрисона. Маккартни познакомил их в «Вильсон-холле» в Гарстоне, где «Куорри мен» выступали 8 февраля 1958 года. Леннон не хотел знакомиться с младшим приятелем своего молодого друга. «Джордж был слишком молод, совсем почти

ребенок», - говорил Джон.

Однако Харрисона это не отпугнуло. Он посещал каждое выступление ансамбля, восторгался Ленноном (что было главным), соглашаясь с ним во всем, заменял кого-нибудь из участников ансамбля, если те не являлись, и никто толком не заметил, как он стал постоянным участником ансамбля. По мере возрастания профессионального мастерства ансамбля отношение к нему Джима Маккартни становилось все более благожелательным. «Они не просто колотили по струнам, - говорил он, - слушать их становилось все более приятно». Когда они собирались дома, Джим приходил к ним и предлагал использовать его музыкальный опыт, а когда получал отказ, то отправлялся разогревать еду, чтобы покормить их.

Впрочем, для Пола рок-н-ролл не был единственным смыслом жизни. Харрисон в 16 лет бросил школу, не получив никакой квалификации. Леннон частенько выпивал, а после смерти матери стал хулиганить еще больше, и у него не было никаких желаний, кроме как жениться на миллионерше. Пол же продолжал учиться в школе, и отец считал, что он должен оставаться там до тех пор, пока не получит необходимую квалификацию, чтобы можно было «честно жить, имея постоянную работу».

Однако теперешнему Полу сделать это было гораздо труднее, чем тому умному мальчику, который в первый год обучения в «институте» имел хорошую оценку по латыни. Прогулянные дни вместе с нежеланием выполнять домашние работы проделали такие дыры в его образовании, что даже с его способностью мобилизовываться на время экзаменов залатать их было невозможно. Отец расстроился, когда Пол провалил все экзамены, кроме рисования, и был вынужден остаться на второй год.

В одном классе с Маккартни учился Пол Фишер, который сейчас является администратором компании «Форд моторз». Им с Полом случалось вместе покуривать дешевые сигареты, приобретенные в соседней табачной лавке. Делали они это во время перемен за трибунами верхней спортивной площадки. «Институт был благополучным, строгим учебным заведением, и мы должны были носить форму, включая фуражку, - вспоминает Фишер. - Курить запрещалось, но существовала традиция, такое неписаное правило, по которому старосты держались подальше от этого курительного уголка. Я часто встречал там Маккартни во время перерывов».

В школе Маккартни производил впечатление приятного, обладающего чувством юмора парня. И действительно, он не хулиганил и носил школьную фуражку. По словам Фишера, Пол был «в меру популярен и для

его возраста у него был необычайно хороший почерк». Фишер также вспоминает, что у Пола была склонность к рисованию и талант к игре на гитаре. По окончании семестра, когда Пол перед экзаменами занимался в классе для отстающих, ребятам было разрешено устроить концерт для учащихся. Он состоялся в школьном музыкальном классе. Маккартни и Харрисон играли на гитарах, парень по имени Дафф Лоу на пианино, и кто-то подыгрывал на басы, сделанном из чайного ящика.

«Они действительно хорошо играли, особенно Харрисон, говорит Фишер. - В класс набилось тридцать или сорок человек, но, когда остальные ребята услышали музыку, они тоже захотели попасть туда. Некоторые парни пытались с боем прорваться в класс, и мы вынуждены были забаррикадировать дверь». Это было первым нарушением «битлами» общественного порядка.

Летом 1957 года, сразу после пророческой встречи Пола с Ленноном, Джим Маккартни повез сыновей в дом отдыха «Батлинз» в Файли, в Йоркшире, где Пол принял участие в конкурсе. Ведущего программы звали Майк Роббинс, он только что женился на племяннице Джима Маккартни - Бетт. Майк даже не мог себе представить, насколько он оказался прав, когда объявил: «Дамы и господа, время от времени вы встречаетесь с выдающимися музыкальными талантами, и сегодняшняя встреча не является исключением. Итак, поприветствуем молодого человека из Ливерпуля... Пол Маккартни!» Майкл, который за несколько недель до этого сломал руку в бойскаутском лагере, с неохотой согласился помочь брату, и Пол исполнил хит «Эверли бразерс» «Bye Bye Love», а затем свою интерпретацию песни Литтл Ричарда «Long Tall Sally». Публика хорошо приняла Маккартни, и у него появилась первая поклонница - девушка по имени Анжела, приехавшая из Гулля (как выяснилось позже, к большому огорчению Пола, который тайком читал ее письма, адресованные Майклу, Анжела симпатизировала младшему брату).

Однако в этот период Маккартни несколько ослабил занятия музыкой и налег на учебу, что позволило ему со второй попытки сдать четыре экзамена. Майкл говорил: «Пол обошелся без шпаргалок... Просто он всегда умело использовал ситуации и людей, что успешно делает и сейчас». Пол подумывал о том, чтобы оставить школу и устроиться на работу, так как школа «совсем надоела», но в Ливерпуле было мало работы, тем более интересной. А кроме того, отец хотел, чтобы он продолжал учебу. Помня о желании покойной жены, Джим мечтал о том, чтобы их первенец стал учителем. Из уважения к отцу и при отсутствии подходящей альтернативы Пол остался в «институте», перешел в шестой класс и стал на повышенном

уровне изучать живопись и английский язык.

На самом деле эта учеба была скорее данью долгу, чем действительным желанием получить образование. Если бы Пол хотел воспитать в себе разумную самодисциплину, необходимую для успешного продолжения учебы, то это помогло бы ему в дальнейшем удержаться от написания довольно слабых стихов к своим песням и таких откровенных неудач, как «Magical Mystery Tour» и «Give My Regards to Broadstreet». Но в то время это мало занимало Маккартни, так как можно было покупать пластинки, разучивать песни, выступать, заводить новых друзей и ухаживать за девушками. Это был большой мир без учебы и книжек, которым молодой парень, как и большинство его сверстников, восхищался.

Джон стал встречаться со студенткой художественного колледжа Синтией Пауэлл, тихой строгой девушкой из Хойлейка, гораздо более престижного района Ливерпуля, чем те, в которых проживали Джон, Пол и, конечно, Джордж. Они стали собираться в «Джекаранде» - одном из тысяч кофейных баров, которые появились в то время по всей Великобритании. Здесь они и познакомились с его владельцем Алланом Уильямсом - коренастым, словоохотливым и энергичным человеком, который как раз начал работать театральным агентом, обслуживающим постоянно появляющиеся рок-группы.

В старомодном доме в викторианском стиле, расположенном в окрестностях Уэст-Дерби, музыканты познакомились с Питом Бестом, чья мать Мона в порыве великодушной материнской любви превратила подвал дома в кофейный бар и танцевальный зал под названием «Касба», где ее сын развлекался со своими сверстниками-подростками. Ансамбль «Куорри мен» стал почти регулярно (у них до сих пор были проблемы с ударником) выступать в этом клубе. Ребята помогли перекрасить помещение, а Синтия расписала стены рисунками в виде паутины.

К этому времени в ансамбле был еще один участник. Его звали Стюарт Сатклифф, он, как и Джон с Синтией, учился в ливерпульском художественном колледже. Его неземная загадочность, худая, хрупкая фигура, сходство с Джеймсом Дином и неизменные темные очки стали для студентов колледжа, а в дальнейшем и для участников ансамбля, образцом для подражания. Леннон, который проявлял живой интерес к людям и идеям, часто оставался ночевать у Сатклиффа в студии (ветхий, закопченный чердак, расположенный недалеко от колледжа), где они пили и разговаривали. Леннон уговаривал его стать полноправным членом ансамбля, и положительное решение Сатклиффа впоследствии стоило ему жизни.

У Сатклиффа был истинный талант художника, он выставил несколько своих картин на конкурс, проводившийся фирмой «Литтлвудз», которая занималась торгово-посылочными операциями и футбольным почтовым тотализатором. Работы Сатклиффа были отмечены премией в 60 фунтов - большая сумма в то предынфляционное время. Леннон уговорил его купить на эти деньги бас-гитару. Харрисон предпочел бы, чтобы он потратил деньги на ударную установку, а Маккартни вообще не хотел, чтобы Сатклифф стал участником ансамбля. Пол не одобрял дружбу Леннона с Сатклиффом, его раздражало, что Стюарт никак не может научиться играть на инструменте, который стоил столько, сколько Джим Маккартни зарабатывал почти за два месяца. Но, кроме этого были и другие серьезные причины, в силу которых Пол и Стюарт не любили друг друга.

Однако Маккартни не обладал правом вето, ведь это все-таки был ансамбль Леннона и им нужен был бас-гитарист, чтобы аккомпанировать соло-гитаре Джона и ритм-гитарам Пола и Джорджа. Ко всем опасениям Маккартни прибавлялся еще и тот факт, что Стюарт, несмотря на свою музыкальную некомпетентность, имел незаурядную внешность и свой стиль. Как объяснял это Питер Бест «это была сильная личность, что главным образом объяснялось его Божьим даром».

Именно Сатклифф придумал название ансамбля. Обыгрывая варианты названия группы Бадди Холли «Crickets» («Сверчки»), он предложил сначала «Beetles» («Жуки»), а затем «Beatals» (от слова «beat» - ритм, удар). Леннон, который всегда был не прочь скаламбурить, превратил это в «Beatles» (комбинация этих слов) «просто ради шутки, чтобы это слово имело отношение к попмузыке».

Это название не очень понравилось Кейси Джонсу, у которого был собственный ансамбль под названием «Cas and the Casanovas». Он объяснял, что в рок-н-ролле были модны более длинные названия, как например, «Marty Wilde and the Wildcats», «Cliff Richard and the Shadows», «Tommy Steele and the Steelmen» и наиболее популярный в то время в Ливерпуле ансамбль «Rory Storm and the Hurricanes». Джонс сказал, что «The Beatles» - это слишком коротко и просто, и предложил название «Long John and the Silver Beatles». Леннон отказался называться «Long John» [*«Лонг Джон» - название фирменного шотландского виски*], но потом ради пользы дела согласился на название «The Silver Beatles», и именно под этим названием они выступили на прослушивании, организованном Ларри Парнсом, в новом, только что открывшемся клубе Аллана Уильямса «Blue Angel».

Человек сомнительной репутации даже по неприязнительным меркам

антрепренерства в области поп-музыки, Парнс был в то время наиболее значительной фигурой в британской попмузыке. В районах новостроек и в портовых притонах он набирал симпатичных солистов с ярко выраженным сексапиллом и давал им имена типа Пауэр или Фьюри [*Эти псевдонимы можно перевести как «сила» и «ярость»*]. В этот раз он приехал из Лондона, чтобы развлечься и подобрать группу музыкантов для Билли Фьюри, который в то время был постоянным участником передачи «Oh Boy!» и вообще одной из крупнейших рок-звезд в стране. Когда майским днем 1960 года Парнс пришел в клуб «Blue Angel» на прослушивание групп для предстоящего турне Фьюри, среди соискателей оказался и ансамбль «The Silver Beatles».

Уильямс, выступивший в роли менеджера, нашел им ударника по имени Томми Мур, который в свои тридцать шесть лет годился им в отцы, но ударник был необходим, и тут уж было не до выбора. Однако по уже сложившейся злой традиции Мур опоздал на прослушивание, и они вынуждены были начать выступление с ударником из «Casanovas» Джонни Хатчинсоном. И только во время десятиминутного перерыва в выступлении в зал вбежал запыхавшийся Томми Мур.

В этот раз «Битлз» не получили работу. По одной версии, Парнс хотел заключить с ними контракт, но без Сатклиффа, который явно был слабым музыкантом. Говорят, что Леннон решительно вступился за друга и отказался от предложения Парнса, что сильно разозлило Маккартни. Как вспоминает Парнс, и это ближе всего к истине, дело было не в Сатклиффе (если большинство солистов не умели петь, то стоило ли обращать внимание на бас-гитариста, который не умел играть?), а в возрасте Мура. Парнса вполне удовлетворило увиденное и услышанное, поэтому через неделю он вернулся и предложил «Битлз» по 18 фунтов каждому за восьмидневное турне по Шотландии с двадцатилетним бывшим подмастерьем плотника по имени Джон Аскью, превращенным Парнсом в певца Джонни Джентла.

Все пришли в восторг - по их мнению, это был большой успех - и находились в состоянии радостного возбуждения. Джордж получил на работе отпуск и взял себе псевдоним Карл - в честь Карла Перкинса, композитора из группы «Blue Suede Shoes». Сатклифф назвался Стюарт де Сталь - в честь русского художника Николаса де Сталя, Леннон остался Джоном Ленноном и усадил Синтию готовить ему шпаргалки для письменных экзаменов. Маккартни, которому всегда нравились внешние эффекты, назвался Полом Рамоном - его привлекало звучание этого имени.

Проблема состояла «лишь» в том, что Маккартни учился в школе и

якобы готовился к экзаменам, которые ему предстояло сдавать через несколько дней. На то, что отец разрешит ему отправиться в турне, шансов не было. Но Пол был молод, стоял на пороге совершеннолетия, и его обуревало единственное желание - идти своим собственным путем (в последующие годы эта черта его характера получит яркое проявление). Бывший бойскаут решил эту проблему, прибегнув к обыкновенному обману. И его отец, честный, порядочный и доверчивый настолько, что ожидал этого же от других людей, поверил, когда сын сообщил, что в школе ему предоставили двухнедельный отпуск для отдыха. Пол сказал, что поездка в Шотландию как раз и будет хорошим отдыхом, а к экзаменам он вернется домой. Таким образом, он получил разрешение Джима Маккартни на эту поездку.

Лучше бы Пол остался дома. Это было ужасное турне - 300 миль на автомобиле по дорогам Шотландии. Они выступали и в ратушах, и в захудалых танцзалах, спали в гостиницах, где была только холодная вода, питались в день всего тарелкой супа. Леннон поругался с Сатклиффом и все время проводил в фургоне, придираясь к нему.

Новоиспеченный певец Джентл был, конечно, не чета Фьюри, к тому же гастролерам пришлось выступать в тесных помещениях верхних этажей, потому что в силу экономической выгоды танцевальные залы в нижних этажах предоставлялись более популярным «старым» оркестрам. Деньги кончились, и из «Роял-отеля» в Форресе они сбежали, не уплатив по счету. Однажды вечером Джентл, который сидел за рулем, разбил фургон, и Мур с двумя выбитыми зубами попал в больницу. Леннон вместе с местным антрепренером вытащил его из больничной койки и заставил выступать в «Далримпл-холл» в Фрейзерборо.

Ко всем неприятностям добавилось и то, что местным антрепренерам не нравилась игра ансамбля. Джентл отрицает, что он тоже жаловался на «Битлз», но, когда ансамбль вернулся в Ливерпуль, Ларри Парнс не стал заключать с ними контракт. Пол вернулся в школу, попытался сдать два экзамена, и неудивительно, что сумел сдать только английский язык.

Это было совсем не то, о чем мечтал его отец, и, уж конечно, не то, чего хотела мать. И только один человек увидел просвет в тучах, нависших над ансамблем «Битлз». Этим человеком был Аллан Уильямс. Бум бит-музыки становился все очевиднее, и Уильямс, бывший торговец-разносчик, ухватился за это. Он стал антрепренером двадцати ливерпульских групп, среди которых была «Gerry and the Pacemakers». Знакомством с Парнсом подогрело его интерес к этому бизнесу, хотя в душе он был просто мелким дельцом, который мечтал о многом, но ничего не видел дальше одного

фунта, получаемого с десяти, заработанных его клиентами. Лондон был столицей британского шоу-бизнеса, а Ливерпуль - провинциальными задворками, и человек, подобный Уильямсу, был вынужден довольствоваться случайными мелкими сделками, которые удавалось заключить.

В одном из ливерпульских районов, где размещались публичные дома, Уильямс открыл стриптиз-клуб. Когда одна из его артисток по имени Дженис поставила условие, что будет выступать только под музыку, исполняемую оркестром, Аллан пригласил на работу «Силвер битлз». Это была не слишком удачная работа. Воображая себя большой артисткой, Дженис желала раздеваться под музыку Бетховена и Хачатуряна. «Силвер битлз» не могли прочесть ни одной ноты на тех листах, которые она дала им, поэтому в результате компромисса Дженис раздевалась под звуки «It's a Long Way to Tipperary» и темы из «The Third Man». Как утверждает один из историков «Битлз», «это был самый неудачный период в их карьере».

Было и еще несколько неприятных моментов. Сразу после неудачного турне по Шотландии Мур, не сказав ни слова, ушел из ансамбля. Когда ребята пришли к нему домой, чтобы попытаться уговорить его изменить решение, подружка Томми высунулась из окна и крикнула: «Можете пойти пописать. Он больше не будет играть с вами, у него теперь есть другая работа, в Гарстоне». Так, перебиваясь случайными заработками, играя со случайными ударниками, «Силвер битлз» скатились до самых хулиганских танцевальных залов Ливерпуля, но они никогда не были такими сплоченными, как тогда. Субботние вечера не проходили без драк, и танцевальные площадки превращались в поля сражений соперничавших бандитов и неистовых пижонов. А ведь Джима Маккартни так беспокоило, чтобы Пол не попал в их число.

И Пол, конечно, не попал. К их числу относились выходцы из бедного низшего класса, которые по социальному положению были гораздо ниже честолюбивого и благополучного Маккартни. У Пола Маккартни, носившего фуражку и форму студента ливерпульского «института», не было даже самой отдаленной вероятности стать членом «Bath Hall Bloods», «The Tanks» или любой другой банды городских хулиганов. Пол следовал примеру стилиг и не более того. Брюки-дудочки и прическа «помпадур» были просто юношеским стремлением подражать рабочему классу и своего рода внешним бунтом, популярным в конце 50-х годов, и примером ему служили искривленные зубы и злая усмешка Элвиса и бравада затянутого в кожу Марлона Брандо. Единственная имевшаяся в доме по Фортлин-Роуд, 20 велосипедная цепь всегда была прикреплена к трехскоростному

велосипеду «Ралли», принадлежащему Полу. То же самое можно сказать о Ленноне. Он сам говорил: «Я не был стилигой, я просто претендовал на это».

А вот у Ричарда Старки не было возможности «просто претендовать». Выходец из хулиганского района Ливерпуля Дингл, он в раннем возрасте вступил в банду. «Иначе было нельзя, - говорил он. - В нашем районе если ты не являлся членом банды, то не мог поручиться за свою собственную жизнь, потому что неоткуда было ждать защиты. Когда ты проходил мимо них, то тебя спрашивали: «Ты смотришь на меня?». Если говорил «нет», то спрашивали: «А почему?». Если говорил «да», то все равно придирались. На этот вопрос не было ответа». Его молодые годы прошли в драках и торчании на углах улиц: «Или мы били кого-нибудь, или нас били, мы все время дрались».

Из мрачной скуки улиц подобная жестокость проникала и в танцевальные залы. Там собирались соперничающие банды, летали бутылки, в ход шли ножи, цепи, окованные железом ботинки. Пытались вмешаться вышибалы, приезжала полиция, а по уже устоявшейся традиции «Силвер битлз» продолжали играть. Маккартни говорил, что некоторые стычки были просто ужасными. Во время одного из выступлений в танцзале «Гросвенор» в Уолласи разразилась страшная драка между сотней местных стилигов и примерно такой же бандой, прибывшей из соседнего Сикомба. Когда Маккартни кинулся спасти свой усилитель, один из стилигов схватил его и сказал: «Не дергайся, парень, прибьют». И Маккартни остался стоять как вкопанный. У него была причина всерьез воспринять эту угрозу - во время выступления в танцзале в Нестоне они видели, как перед сценой забили насмерть шестнадцатилетнего паренька.

Это была беспричинная жестокость, которой почти невозможно было избежать, и однажды на стоянке машин возле «Лизерленд Таун-холл» с этой жестокостью пришлось непосредственно столкнуться «Силвер битлз». Уильямс подрядил их играть там, и во время выступления или кто-то что-то сказал, или одна из подружек бандитов улыбнулась кому-то из ансамбля, а может, это было просто проявлением своеобразной традиции, по которой вечер не считался завершенным, если не кончался дракой...

Как бы то ни было, бандиты поджидали участников ансамбля на выходе. Спасая свои жизни, «Силвер битлз» бросились бежать, но Стюарт Сатклифф бежал недостаточно быстро. Его поймали, свалили на землю и стали бить ботинками по голове. Его забили бы насмерть прямо там, на месте, но Леннон, единственный участник ансамбля, который мог постоять за себя, орудуя кулаками и ногами, отбил Сатклиффа и оттащил его в

безопасное место. Но было уже поздно. Спустя два года, в апреле 1962 года, Стюарт Сатклифф, художник, который никогда не хотел быть рок-музыкантом, умер от кровоизлияния в мозг, что наверняка явилось последствием травмы головы, полученной в тот вечер. Но тогда, после этого случая, Сатклифф, казалось, поправился, и группа вернулась к выступлениям в танцзалах, расположенных вокруг Ливерпуля. А Уильямса уже манила перспектива зарубежных гастролей.

В то лето Уильямс, соблазненный словами проезжего германского бизнесмена, обещавшего ему кучу фрейлейн и марок, с ансамблем «Royal Caribbeans» вылетел в Гамбург. Бизнесмен не соврал, Германия действительно была хороша, и их письма подтверждали это: они пестрели красочными рассказами о легких деньгах и доступных женщинах.

Как и Ливерпуль, Гамбург является портовым городом с давней историей, помнящим времена процветания. Оба города расположены на одной параллели - 53 градуса северной широты. На этом их сходство заканчивается. Харрисон впоследствии скажет: «Когда мы росли в Ливерпуле, то видели множество домов со следами бомбежки, и эти следы все еще сохранялись, когда я, в возрасте семнадцати лет, выехал из Ливерпуля. А когда мы приехали в Германию, то увидели, что немцы уже восстановили страну».

Немецкий историк и поэт Генрих Гейне писал: «Всю свою боль она могла выразить только в музыке... все муки собственного бессилия, вся тоска по былому величию, страстные надежды, ожидание помощи - все это отражается в ее мелодиях». Это Гейне писал об Италии эпохи Возрождения, но этими словами вполне можно было бы описать Ливерпуль конца 50-х годов - город, охваченный депрессией.

В противоположность Ливерпулю Гамбург смело пошел навстречу меняющейся экономической обстановке. Если Ливерпуль связывал свои надежды на будущее с громоздкой, финансируемой государством промышленностью, то Гамбург поощрял развитие мелкого, специализированного бизнеса, в котором редко бывало занято больше шести человек. И как результат этого Ливерпуль нищал, а Гамбург процветал, превращаясь в один из богатейших городов Европы. Жители города, попавшие в струю послевоенного бума, имели деньги, которые могли тратить, и город с его традициями в области организации развлечений готов был дать им все, что они хотят, как бы странно и причудливо это ни выглядело.

Заинтригованный тем, что он услышал о Гамбурге, Уильямс прилетел туда вместе со своим помощником, выходцем из Вест-Индии, присвоившим

себе титул лорда Вудбина. Он сам хотел убедиться во всем, а заодно и покутить на пользующейся дурной славой улице Репербан. Уильямс захватил с собой записанные дома пленки с выступлениями ансамблей, которые он опекал, среди них был «Силвер битлз». Но когда он пришел к владельцу клуба Бруно Кошмидеру, чтобы прослушать эти записи, то оказалось, что пленки были пустыми.

Однако закаленный в предыдущих неудачах оптимизм ливерпудлийца [*Ливерпудлиец - шутливое прозвище жителя Ливерпуля*] произвел впечатление на Кошмидера, и вскоре он сам приехал в Англию, чтобы подобрать несколько ансамблей для выступления в своем клубе «Кайзеркеллер». Кошмидер приехал, конечно, не в Ливерпуль, а в Лондон, в бар «Ту Из», где в свое время нашли Томми Стила. Бар до сих пор пользовался репутацией источника неизвестных, а следовательно, дешевых талантов. В силу счастливого стечения обстоятельств там в это же время оказался и Уильямс, который искал работу для другого своего ливерпульского ансамбля «Derry and the Seniors». Кошмидер немедленно заключил контракт с этой группой и они в течение недели выступали на сцене «Кайзеркеллера».

Как и «Royal Caribbeans», они были ошеломлены тем, что увидели в этом районе Гамбурга, славящемся своими увеселительными заведениями и публичными домами, и тоже писали домой восторженные письма, приглашая других музыкантов присоединиться к ним. Кошмидеру нравилась игра ансамбля - это был высококачественный англосаксонский рок, который немцам никогда не удавалось копировать, и ансамбль стал очень популярным в среде посетителей «Каизеркеллера». Количество посетителей клуба значительно возросло, и вскоре Кошмидер попросил Уильямса прислать ему другой ансамбль.

Уильямс принялся подыскивать ансамбль. «Rory Storm and the Hurricanes» были заняты. Он предложил эту работу «Gerry and the Pacemakers», но они отказались. Очутившись в безвыходном положении, Уильямс сделал предложение «Силвер битлз», несмотря на то что у них снова не было ударника. Однако на этот раз проблему с ударником решили быстро. Пол позвонил Питу Бесту и пригласил его присоединиться к ансамблю. Ответ Пита - молчаливого, болезненно-застенчивого юноши, только что закончившего школу, - был заранее предопределен. Он сразу согласился на это предложение.

Но оставался еще Джим Маккартни. Пол был полон энтузиазма, но, как вспоминает Майкл, «папу трудно было убедить, так как он действительно хотел, чтобы Пол поступил в педагогический колледж, и

если бы мама была жива, то это стало бы началом конца «Битлз». Однако с помощью Аллана Уильямса его все-таки удалось убедить». Позднее Джим говорил, что Полу уже исполнилось восемнадцать и он мало что мог предпринять, чтобы удержать его от этой поездки. 14 августа 1960 года «Битлз», как представители зарождавшегося в Ливерпуле самого доходного малого бизнеса, находились на пути в Германию, где их ждало признание.

«Семья». Это слово часто употреблялось «Битлз» и их окружением. Оно постоянно, зачастую бессознательно мелькало в их разговорах, да и сейчас продолжает присутствовать. Как понятие это слово означает «семью «Битлз», в которую люди или входили, или нет.

Пол Маккартни, чья юность была трагически омрачена смертью матери, очень привержен этому понятию. Он постоянно вспоминает детство и атмосферу надежности семьи, и эти воспоминания играют определяющую роль в его настоящей жизни. В то яркое десятилетие его жизни, когда он вышел из-под родительской опеки, но еще не завел собственную семью и не стал отцом, семьей Маккартни были «Битлз», и особенно Джон Леннон. Их дружба стала еще сильнее перед лицом пугающего и греховного Гамбурга.

Из Ньюхейвена «Битлз» переправились на пароме в Хук-ван-Холланд, а дальше на потрепанном зеленом фургоне «Остин», принадлежащем Аллану Уильямсу, отправились в Гамбург, куда и прибыли 17 августа 1960 года. По дороге они исключили из своего названия слово «силвер», и уже в этот же вечер как «Битлз» выступали на маленькой сцене гамбургского клуба «Индра». Все участники ансамбля выглядели усталыми, голодными и напуганными - ведь они совсем еще были юнцами, впервые уехали по-настоящему далеко от дома, впервые вообще были за границей. Пятеро мальчишек из Ливерпуля, не знавших ни слова по-немецки, были встречены публикой довольно прохладно.

Условия проживания оказались ужасными, в их распоряжении была комната, в которой стояли две кровати и софа, и два маленьких грязных закутка размером 8х6 футов (2,5х1,8 м). Эти помещения находились в задней части порнографического кинотеатра «Бемби», которым владел Кошмидер. Умываться приходилось в туалете кинотеатра. Иногда постоянные посетители кинотеатра предпочитали справлять нужду в том помещении, где спали «Битлз». Кабальный контракт, который они подписали, предусматривал, что они будут выступать семь дней в неделю, получая при этом по тридцать марок каждый.

Клуб «Индра» располагался в тесном, старом и грязном помещении, недавно превращенном в стриптиз-клуб. Посетители, в основном пьяницы и проститутки, были равнодушны к музыке, и «Битлз» не удавалось поднять их настроение. Имевшие уже достаточный опыт небольших

выступлений в провинциальных танцзалах перед толпой подростков, они совершенно не были подготовлены к выступлениям перед уставшими от жизни обитателями квартала, где были сосредоточены публичные дома. Леннон вспоминал: «В Ливерпуле мы обычно давали часовые концерты и всегда играли одни и те же лучшие вещи. В Гамбурге мы были вынуждены играть в течение восьми часов, и надо было искать какой-то выход».

Однако найти выход было не так-то легко, а ситуация еще более осложнилась, когда Кошмидер перевел их выступать в более крупный клуб «Кайзеркеллер», так как спустя шесть недель он вынужден был закрыть клуб «Индра» из-за жалоб жителей соседних домов, возражавших против бит-клуба. Неопытные ребята, столкнувшись с публикой, состоящей из торговцев наркотиками и вооруженных головорезов, упали духом. Их бесцветные выступления встречали, по словам Леннона, «довольно холодный прием» со стороны публики, и это поставило под сомнение продление ангажемента.

«Derry and the Seniors» - другая ливерпульская группа, которая в это время выступала в «Кайзеркеллере», не оказала им никакой поддержки. Они свысока смотрели на «Битлз» и считали их, как говорило старшее поколение, «второсортным гаражным ансамблем». И именно Уильямсу, который продолжал находиться в Гамбурге и следил за получением своих десяти процентов, удалось устроить тот кавардак, который по ночам возникал на большой, не брезгующей ничем сцене «Кайзеркеллера». В один из октябрьских вечеров он, потеряв терпение, крикнул им: «Ребята, сделайте шоу!» Этот призыв был услышан как «больше шума», и клуб огласился дикими воплями, что подхлестнуло музыкантов, в особенности Леннона. Он начал прыгать на сцене, как сумасшедший, иногда изображая судороги, а иногда копируя хромого Джина Винсента, у которого нога была повреждена в результате несчастного случая с мотоциклом. Леннон вскидывал вверх правую руку и кричал: «Зиг хайль!», что было запрещено в Германии, ходил по сцене гусиным шагом и кричал публике: «Нацисты!»

Публике это понравилось. «Кайзеркеллер» отнюдь не был клубом, где собирались, чтобы попить чаю и потанцевать. Собирался там вульгарный и шумный народ, но драки были более кровавыми, чем в танцзалах Ливерпуля, где играли «Битлз». В то время Гамбург являлся европейским центром контрабанды оружия и был очень опасным городом, а Репербан был самым опасным районом этого города. При приеме официантов на работу оценивалось их умение обращаться с дубинкой и пружинным ножом. Леннон называл их убийцами, на площадке для танцев регулярно валялись полумертвые тела.

Именно там «Битлз» проверили свои способности. Пол Маккартни говорит: «Я считаю, что если ансамбль может играть в пивной, то это хороший ансамбль». Гамбургские пивные погребки как раз и были таким местом. В течение последующих двух лет во время нескольких визитов в Гамбург «Битлз» действительно встречали как хороший ансамбль.

Леннон говорил: «Чтобы заставить немцев приходить к нам и развлекать их иногда по двенадцать часов, надо было действительно много трудиться. Мы никогда бы не добились такого прогресса, оставаясь дома». Пит Бест вспоминает: «В конце концов, мы играли без всяких ограничений. Это была свобода музыки, и мы играли так, как хотели, как, нам казалось, должны играть».

Сначала у ансамбля было очень мало контактов с публикой вне сцены. По-немецки они знали всего несколько слов и совсем не стремились изучать язык или заводить друзей среди немцев. «Они все были придурковатыми», - отмечал Леннон, поэтому участники ансамбля общались только друг с другом. Позднее их навестили Синтия и Дороти Роне - белокурая студентка художественного колледжа, которая встречалась с Полом и на которой он одно время собирался жениться. Группа «Derry and the Seniors» уехала домой, и на ее место приехала «Rory Storm and the Hurricanes», ударником в которой был Ричард Старки, называвший себя Ринго Старром. Участники ансамблей подружились и составили «семью» ливерпульцев в эмиграции, и, как во всех семьях, у них случались споры и скандалы.

Особенно склонен к этому был Маккартни. Он часто ругался с Харрисоном, спорил с Ленноном по поводу лидерства в группе, что в конечном итоге стало предвестником более серьезных грядущих конфликтов. Однако больше всего от приступов его дурного настроения страдал Сатклифф. Поездка в Гамбург не улучшила их отношений. Леннон вспоминал: «Пол всегда придирался к нему».

Однажды их антипатия друг к другу вылилась в драку на сцене. Художник Сатклифф, никогда не страдавший такой ксенофобией, как другие, вскоре завел себе подругу - загадочную и очаровательную помощницу фотографа Астрид Кирхгер, у которой была спальня в черных тонах. («У меня сейчас период увлечения Жаном Кокто», - объяснила она ошеломленным участникам ансамбля. Имя Кокто не упоминалось в доме на Фортлин-Роуд.) Астрид не очень интересовалась Маккартни. Однажды она сказала с хорошо продуманной сдержанностью: «Я поняла, что Пол трудно сходится с людьми». Она говорила, что с подозрением относилась к его обаянию: «Меня настораживало, что кто-то все время может быть таким

привлекательным». Сейчас Астрид вообще не желает говорить о нем.

Привлекательность Маккартни не всегда была ярко выраженной. Когда Астрид приходила в клуб, Сатклифф подходил к микрофону и нежным голосом исполнял для нее хит Пресли «Love Me Tender», что вызывало доброжелательные насмешки со стороны других участников ансамбля. Однажды Пол высказал что-то, не слишком приятное. Пит Бест вспоминал: «Пол сказал что-то, что рассердило Стюарта, который повернулся и ударил Пола, а потом повалил его на сцену. Мы разняли их, Стюарт был в бешенстве». Со временем мир восстановили и противники успокоились, единство ансамбля скрыло остатки антагонизма. И несмотря на длительную неприязнь между Маккартни и Астрид, она осталась в «семье» и стала одной из тех, кто повлиял на развитие «Битлз».

Сатклифф познакомился с Астрид через ее приятеля, молодого художника-дизайнера Клауса Формана, который как-то забрел в «Кайзеркеллер» после ссоры с Астрид. Его покорила грохочущая музыка «Битлз» и их необычный пижонский вид. «Я не мог оторвать от них глаз», - вспоминал он. Клаус снова и снова заходил в клуб и однажды пришел с Астрид. Несмотря на черную спальню, Астрид была типичной представительницей благополучного среднего класса, но ей понравилась вульгарная атмосфера «Кайзеркеллера». Как и Формана, ее покорили «Битлз». «Меня всегда приводили в восхищение пижоны, а тут передо мной их было сразу пять. Я просто сидела с открытым ртом». Астрид с первого взгляда влюбилась в Сатклиффа.

«Битлз», преодолевая свои антигерманские предубеждения, тоже заинтересовались спокойным, непринужденным артистическим стилем Формана, Астрид и их друзей, которых они стали приводить с собой в клуб. В Германии в это время был очень распространен экзистенциализм, и эта компания была лидером этого движения в Гамбурге. Они со смыслом рассуждали о жизни, зачесывали волосы вперед, одевались в черное и были не похожи ни на кого из тех, кто окружал «Битлз». Леннон называл их «экзи» - от экзистенциализма. Любопытный Маккартни, вдохновленный их примером, прочитал основополагающий роман битников «На дороге» Джека Керуака. В перерывах выступлений все вместе выпивали, объясняясь на общечеловеческом языке знаков и жестов. Сатклифф и Астрид, используя дополнительно для общения немецко-английский словарь, вскоре стали любовниками.

Влияние, которое Астрид и «экзи» оказали на «Битлз», имело впоследствии поистине мировое значение. По правде говоря, у «Битлз» было мало чего совсем оригинального - философия их представляла собой

немецкое понимание американского движения битников, прическа с зачесанными вперед волосами пришла из Парижа, пиджаки без воротников - от Пьера Кардена. Но когда все это было приложено к группе молодых ребят, говоривших с акцентом, которых никто не слышал за пределами Ливерпуля, когда все это было подано на музыкальный рынок вкупе с гениальным песенным творчеством Леннона и Маккартни, то результат оказался феноменальным.

По словам Артура Кестлера, «различные элементы, будучи собранными вместе, осуществляют процесс создания». В случае с «Битлз» это было истинной правдой. Маккартни, который всегда делал быстрые социальные, обобщения, замечал: «Эпоха королевы Елизаветы I ассоциируется с Ролли, а эпоха Елизаветы II - с «Битлз». И в этом заслуга музыки».

Экзистенциализм как популярное движение, противоположное философии избранных Сартра, в те времена находил свое музыкальное выражение в современном джазе. «Битлз» не любили джаз. «Мы были против джаза, джаз никому ничего не давал», - говорил Леннон. Однако им нравился стиль «экзи», и они стали считать его своим. Привнося этот стиль в грохочущий рок-н-ролл, смешивая Керуака с Литтл Ричардом, «Битлз» вытащили экзистенциализм из стен университетов и колледжей и превратили его в массовое движение, достигшее своего апогея в конце 60-х годов, в период движения хиппи «Власть цветам». Но в те бурные гамбургские дни, конечно, ни Леннон, ни Маккартни даже не представляли себе грядущих последствий, они просто каждый вечер по двенадцать часов выступали перед шумной публикой.

Маккартни всегда был честолобив и считал, что ансамблю нужно уехать в другое место, желательно подальше от скандальной гамбургской публики. Насколько он иногда мог быть замкнутым в личной жизни, настолько обаятельным, улыбающимся и доступным - на сцене, поэтому среди поклонников ансамбля Пол считался наиболее популярным его участником. Астрид говорила: «Он всегда что-то говорил на сцене, объявлял песни и раздавал автографы. Уже тогда у него проявлялись задатки импресарио». «Пол - единственный из них, кто всегда волновался о будущем и спрашивал: «Что мы будем делать?» - вспоминал Бест.

Однако в мире «экзи» Репербан будущее было неопределенным и могло зависеть от необузданного нрава бандитов, вооруженных ножами и пистолетами, поэтому надо было играть и заботиться только о себе. Чтобы выжить в этом Дантовом аду, «Битлз» прибегли к помощи местных проституток, таблеток и алкоголя.

Если выступление ансамбля нравилось публике, то клиенты присылали для них выпивку прямо на сцену. «Спойте «Hound Dog» за два ящика пива», - кричал кто-нибудь из публики, и они пели. Пили они много, а иногда слишком много. Бест вспоминал, как после одной из пьянок Харрисон блевал с кровати на пол, усугубляя и без того ужасающую грязь их спального помещения.

В качестве химического противодействия алкоголю и под предлогом того, что это помогает им выдерживать ночные выступления, «Битлз» стали употреблять таблетки. «Немцы говорили, что можно поддерживать бодрое состояние, принимая таблетки для похудения. Мы так и делали», - говорил Леннон. Первым поставщиком таблеток стала Роза, работавшая в туалете клуба «Индра». Таблетки хранились у нее в коробке из-под леденцов, и она всегда с готовностью их предлагала. Сначала они принимали «прелюдин», а потом перешли к «пурпурным сердцам» и «черным бомбардировщикам». «Это был единственный способ выдержать все это», - уверял Леннон.

И вскоре «Битлз» (за исключением Пита Беста, который всегда держался в сторонке) стали глотать эти таблетки горстями. Они утверждали, что никогда не испытывали зависимости от этих таблеток, но это было началом их знакомства с наркотиками. Употребление таблеток в таких количествах в сочетании с алкоголем часто приводило к тому, что языки у «Битлз» заплетались, они спотыкались на сцене, а иногда и падали с нее.

Поведение Леннона никогда не отличалось скромностью, а под воздействием таких потенциально смертельных коктейлей стало еще хуже. Будучи как-то без денег и под воздействием большой дозы таблеток, он попытался обчистить пьяного матроса. В другой раз он появился на сцене голый, с сиденьем от унитаза на шее. Говорят, что он однажды помочился из окна на проходивших мимо монахинь, но Маккартни не подтверждает эту историю. О тех днях ходит еще много различных баек.

Об употреблении таблеток вспоминает и менеджер Спенсер Мейсон. Впервые он познакомился с Ринго, когда работал затейником в летнем лагере «Батлин» в Северном Уэльсе, а Ринго был ударником группы «Rory Storm's Hurricanes», выступавшей в этом лагере. В начале бума бит-музыки Мейсон стал антрепренером другой ливерпульской группы «The Mojos», которая тоже выступала в Гамбурге и в составе которой одно время был Льюис Коллинз, ставший впоследствии актером и снявшийся в «Профессионалах». Мейсон говорит: «Все принимали таблетки. Они слегка поднимали тонус и отбивали аппетит, к тому же все группы вынуждены были ограничивать себя в пище. Но таблетки в определенной степени

нарушали психику, а Леннона приводили в неистовство. Однажды он купил на рынке поросенка и гулял по Гамбургу, держа его на поводке». Правда, знакомство поросенка с «Битлз» оказалось недолгим. В стороне от Репербан находился отель «Феникс», в котором иногда останавливался Аллан Уильямс. Леннон завел туда поросенка и выбросил его из окна верхнего этажа. Мейсон вспоминал: «Леннон был не в себе и кричал: «Смотрите, летящий поросенок!». Конечно же, поросенок разбился.

По словам Мейсона, «Маккартни был гораздо спокойнее. Вне сцены он вел себя крайне сдержанно, почти вежливо». Но не настолько вежливо, чтобы отказать себе в общении с женщинами, которые составляли суть Репербан. Тот же Мейсон говорил, что любимым напитком Пола был шнапс с фантой, которым он запивал «голубенькие» таблетки. Это была умопомрачительная смесь, но, похоже, она не сказывалась отрицательно на сексуальной активности «Битлз». Позже, оправдывая их, Брайан Эпстайн скажет, что они были молоды, достигли половой зрелости, а жизнь на Репербан в этом плане можно было сравнить с тем, как если бы их запустили в кондитерский магазин. «Женщин можно было иметь сколько угодно», - говорил Мейсон, а Бест вспоминал: «У нас было много девушек».

Подобные случайные связи со свободными от работы проститутками, девицами легкого поведения, старыми, молодыми, за сценой, в подъездах не могли обойтись без заболеваний, и «Битлз» приобрели опыт венерических инфекций. Для определения диагноза приглашали Аллана Уильямса, который вскоре получил прозвище «маленький доктор-сифилис». «Битлз» встречались с ним в баре «Гретель и Альфонс», который стал постоянным местом встречи заезжих английских ансамблей. Там Уильямс отводил их в туалет и осматривал на предмет «опухолей в паху и выделений из члена», а также спрашивал, не больно ли им мочиться. Если симптомы соответствовали «тому, о чем я читал», он отправлял их в клинику сделать укол пенициллина. Но проходило немного времени, и кто-нибудь снова заболевал. Питер Браун вспоминал: «Только по возвращении из Гамбурга венерологу удалось окончательно вылечить их».

Уильямс был более щепетилен в выборе партнерш, но не настолько осторожен, чтобы избежать неприятного приключения, в которое его втравил Маккартни (по крайней мере, он ничего не предпринял, чтобы избежать его). Однажды вечером Уильямс зашел в пивной бар, где Маккартни, Мейсон и еще несколько человек сидели и выпивали. С ним было существо, которое Мейсон описал как «очень привлекательная шлюха» - в туфлях на высоком каблуке, в облегающем платье с низким

декольте.

Маккартни знал спутницу Уильямса и понимал, чем все может закончиться, но, решив позлить Уильямса, Пол стал приставать к ней и отстал только тогда, когда Уильямс начал злиться. Пол поздравил его с хорошим выбором и пожелал удачи. Когда Уильямс с подругой вышли из бара, чтобы отправиться в отель, Пол разразился диким смехом. Он все еще продолжал хихикать, когда спустя час Уильямс ворвался в бар с криком: «Это мужчина!»

Но даже в этом угаре Маккартни как-то находил время и, что еще более примечательно, энергию, чтобы заниматься сочинением песен. После полудня, в перерыве между очередными любовными утехами и подготовкой к выходу на сцену, он играл мелодии на любом подвернувшемся под руку пианино. «I'll Follow the Sun» - одна из композиций, следы создания которой ведут в Гамбург.

Бест вспоминал: «Пытаясь произвести впечатление на публику, он говорил: «Послушайте, я написал песню, что вы о ней думаете?» При этом он получал маловразумительные ответы. Они пели стандартные песни в стиле рок, такие, как «Long Tall Sally» Литтл Ричарда, «Roll Over Beethoven» Чака Берри, «Match Box» Карла Перкинса и «Dizzy Miss Lizzie» Ларри Уильямса, которые составляли костяк их репертуара, и за возможность их услышать клиенты платили деньги. Во время всех поездок «Битлз» в Гамбург в течение последующих двух лет они исполняли не более шести композиций Леннона - Маккартни, да и те были малозаметны.

Однако когда «Битлз» четыре месяца спустя вернулись в Ливерпуль, оказалось, что их сценическое мастерство, исполнительская манера и способность самобытной интерпретации значительно возросли. Они не планировали возвращаться так рано, но были вынуждены сделать это под угрозой репатриации. В конце октября открылся конкурирующий клуб под названием «Горячая десятка». Его владелец Петер Экхорн решил потеснить Кошмидера и стал переманивать от него всех, кого мог. Главный вышибала, бывший боксер по имени Хорст Фашер, о котором ходили слухи, что он убил в драке человека, перешел к Экхорну, то же самое сделала и Роза, прихватив с собой свою коробку из под леденцов с таблетками. Затем Экхорну удалось переманить Тони Шеридана - главного английского певца в «Кайзеркеллере», репутация звезды, которого подкреплялась тем фактом, что у него вышло несколько пластинок и он выступал в передаче «Oh Boy!». Битлз подружились с ним и вскоре аккомпанировали ему в импровизированных выступлениях в «Горячей десятке»

Это было неосторожным шагом со стороны Битлз. Бывший цирковой

клоун Кошмидер, хотя и был маленького роста, вполне мог постоять за себя и подобное покушение на его бизнес отнюдь не вызвало у него радости. Вскоре между конкурентами разгорелась борьба, и одной из первых жертв этой борьбы стали «Битлз». Кошмидер живо заинтересовался судьбой ансамбля и предложил им переехать в Западный Берлин. Когда он обнаружил, что они намерены перейти в «Горячую десятку», Кошмидер аннулировал односторонний контракт, и теперь «Битлз» не имели права выступать где-либо в радиусе 25 миль от «Кайзеркеллера» без его специального разрешения.

Затем в полицию поступило сообщение, что Джорджу Харрисону только семнадцать и он слишком молод, чтобы вообще находиться по вечерам на Репербан. Харрисону было предложено покинуть пределы Западной Германии, что он со слезами и сделал спустя двадцать четыре часа. Остальные продолжали выступать в «Кайзеркеллере» с месячным уведомлением, но в соответствии с предложением Экхорна строили планы окончательного перемещения в «Горячую десятку». Кошмидер предупредил их, что если они сделают это, то уже никогда не смогут выступать в Германии. И это не было пустой угрозой. Владельцы клубов таких районов, как Репербан, всегда отличались жесткостью при заключении контрактов. Спенсер Мейсон вспоминает, как видел возле соседнего клуба «Блю Петер» мертвого человека: «Он лежал там долгое время, и никто не осмеливался подходить к нему». Здесь была вотчина Кошмидера, жившая по собственным законам. Бест говорил: «Он мог бы переломать нам ноги или, того хуже, вообще убить - это было в его власти».

Чувствуя себя под защитой Экхорна, «Битлз» решили перебраться из кинотеатра «Бемби» на чердак, расположенный над «Горячей десяткой». Леннону удалось перейти незамеченным, Маккартни же и Бест оказались не столь удачливы. Когда они пришли за своей одеждой и установкой Беста, то обнаружили, что в их закутке не работает освещение.

Бест вспоминал: «Единственное, что попало нам под руку, чтобы осветить помещение, были презервативы. Мы прикрепили их на стенку и подожгли. Презервативы вспыхнули и задымили, но нам было достаточно этого света, чтобы собрать вещи». Через несколько часов Маккартни и Беста арестовали и отвели в полицейский участок, где им предъявили выдвинутое против них Кошмидером обвинение в попытке поджога кинотеатра. На следующий день им предложили покинуть Германию, и они улетели вечерним самолетом. Вскоре за ними последовали Леннон и Сатклифф.

Грязный и жутко голодный Маккартни вернулся на Фортлин-Роуд. Те

четыре месяца, которые Пол провел вне дома и без денег, он вынужден был питаться кукурузными хлопьями, и лишь иногда ему удавалось выклянчить дешевый обед у англичанина-управляющего в клубе моряков. Майкл так описывал возвращение блудного сына: «У этого изнуренного скелета, который когда-то был моим братом, лодыжки оказались тоньше и белее, чем ершики, которыми папа чистил свою трубу».

Заботами отца с помощью домашней пищи и рыбьего жира, который Пол, по словам Майкла, «ежедневно принимал после обеда», тело было восстановлено, но гораздо больше времени потребовалось, чтобы вернуть к жизни его дух. Тяжелая и изнурительная жизнь в Гамбурге закончилась унижительной депортацией, и только спустя несколько недель после возвращения домой «Битлз» снова собрались вместе.

По настоянию отца Пол записался на биржу труда и начал работать: сначала в посылочной фирме, а потом в компании «Масси энд Коггинз», где он наматывал электрические катушки за семь фунтов в неделю. Из-за его длинных волос приятели по работе называли его «Мантовани». В это время ансамбль собрался снова. Пол вспоминал: «Я не знал, стоило ли мне все время посвящать ансамблю... Мне вполне нравилось быть рабочим». Компанию устраивало, что он имеет образование и что добросовестно относится к работе. Ему дали понять, что при таком отношении к делу он сможет добиться руководящей должности. Возможно, что благодаря своей честности и трудолюбию он и сделал бы карьеру в этой области, но, как вспоминает Джим Маккартни, «работа не интересовала его по-настоящему, он делал это просто из уважения ко мне». Через два месяца Пол уволился и вновь стал играть рок-н-ролл.

И в этот раз у Маккартни была причина для оптимизма. Спустя два дня после Рождества 1960 года «Битлз» выступали в танцевальном зале «Лизерленд Таун-холл». Реакция публики была неистовой; когда Пол заиграл «Long Tall Sally», все непроизвольно бросились к сцене. Четыре месяца неустанных тренировок в Гамбурге превратили не более чем средний, местного значения ансамбль в мощную рок-группу. «Тогда мы впервые подумали, что играем хорошо», - сказал Леннон.

В тот период в рок-музыке, когда-то дикой и необузданной, наблюдалась депрессия. Бадди Холли погиб в авиационной катастрофе, Эдди Кокрэн - в автомобильной. Чаку Берри грозила тюрьма за провоз через границу штата проститутки-индианки, что являлось нарушением закона. Литтл Ричард стал священником, а Джерри Ли Льюис женился на тринадцатилетней девочке («но мы-то, деревенские ребята, знали, что ей только двенадцать», - вспоминал Джонни Кэш), которая к тому же

оказалась его двоюродной сестрой, и подобное сочетание возраста и родственных отношений оборвало его карьеру. Пресли вернулся из армии, стал сниматься в фильмах и петь баллады (Леннон говорил, что армия загубила Пресли задолго до того, как наркотики окончательно добились его). Армия, закон и смерть снова грубо усмиряли южан, как век назад - конфедератов. Повсюду пестрели щиты рекламой зубной пасты, названия которой не отличались разнообразием: «Джонни» или «Бобби».

Британская индустрия развлечений следовала американскому образцу. Передачу «Oh Boy!» сняли и заменили более прозаической «Boy Meets Girl». Вместо ревущих рок-н-роллов типа «Mean Streak» Клифф Ричард пел теперь миторные баллады типа «Living Doll». Две из десяти лучших пластинок года принадлежали четырнадцатилетней школьнице по имени Элен Шапиро, носившей прическу «паж». Группа «Shadows», которая аккомпанировала Ричарду, установила стандарт чистенького, тщательно отрепетированного, слаженного сценического искусства.

Однако подобные музыкальные новшества не имели успеха в шумном ночном мире Репербан, и затянутые в черную кожу «Битлз» продолжали играть, вовсю притопывая ногами, что заводило публику «Лизерленд Таунхолл».

«Публика совсем ошалела», - вспоминал Бест. Ошалел и импресарио Брайан Келли, который по настоятельному совету матери Беста, подписал с «Битлз» контракт на тридцать пять последующих выступлений. Мона Бест, жена ведущего ливерпульского импресарио боксеров, начала проявлять повышенный собственнический интерес к «Битлз». Она называла их «группа моего сына» и, оттеснив на задний план Уильямса, проявила большую энергию в подборе контрактов для «Битлз». Клуб «Касбах», который размещался в подвале ее дома, стал их штаб-квартирой. Именно там они познакомились с другом Пита Нилом Аспиолом, который вскоре оставил карьеру общественного бухгалтера и присоединился к «семье» в качестве «дорожного менеджера», а впоследствии стал директором фирмы «Эпл».

Именно Мона устроила «Битлз» первый ангажемент в клубе «Каверн». Помогал ей в этом Боб Вулер, который сначала был ведущим программы в «Лизерленд Таунхолл», а потом перешел работать в старый, переделанный из овощного склада в центре города клуб, которому суждено было стать самым знаменитым бит-клубом в мире.

Вулер вместе с публикой был покорен выступлением «Битлз» в «Лизерленд Таунхолл». Летом в одном из музыкальных журналов он опубликовал статью, в которой писал: «Они ворвались на сцену тогда, когда

она была изнежена такими личностями, как Клифф Ричард, и когда из музыки исчезли напор и экспрессия, которые будоражили эмоции. «Битлз» взорвали эту пресытившуюся сцену, их музыка опять стала вызывать буйную реакцию слушателей». Мона попросила Вулера, а тот в свою очередь уговорил владельца «Каверн» Рея Макфолла взять «Битлз» на работу.

Первый их дебют в клубе «Каверн» состоялся в январе 1961 года, платили им тогда всего лишь по пятнадцать фунтов. Вскоре «Битлз» стали ведущей группой клуба. Они продолжали выступать в «Каверн» до августа 1963 года, получая в то время уже по 300 фунтов. За эти два года они появлялись на сцене «Каверн» 274 раза и стали самой популярной группой в Ливерпуле, а также свидетелями создания первого клуба поклонников «Битлз».

«В «Каверн» можно было показать себя и вдоволь поиграть», - вспоминал Вик Хьюз, ударник группы «The Blackwells», которая выступала в «Каверн» одновременно с «Битлз». Потом Хьюз аккомпанировал Шейну Фентону, впоследствии ставшему Алвином Стардастом. Затем он ушел из шоу-бизнеса, переехал в Шотландию, где в настоящее время владеет магазином ковров. Хьюз говорит: «В «Каверн» частенько приходили антрепренеры, он был витриной Ливерпуля». Причем очень грязной витриной. «Это был настоящий притон», - вспоминала мать Джорджа Харрисона. Сырость, грязь, табачный смог, в воздухе витали запахи «Вулвортс» [*Вулвортс - магазины, специализирующиеся на продаже дешевых товаров*], но «Битлз» все это нравилось.

Хьюз говорит: «Они понимали свое превосходство, так как действительно были хороши. Леннон был простым, доступным парнем даже на пути к вершине славы. Маккартни же понимал, что талантлив, и знал, чего стоит. Пол был суперзвездой еще до того, как стал ею».

Выступления в «Каверн» не давали каких-либо очевидных преимуществ. «Битлз», как и другие ансамбли, выступавшие там, вынуждены были привозить с собой собственные инструменты, загружая их в багажник старенького фургона, купленного Аспиномом за восемьдесят фунтов (за это Аспинолу платили 5 шиллингов). Хьюз вспоминает: «Пока инструменты после выступления загружали в фургон, все хорошенькие девушки расходились с кем-нибудь из публики». Иногда Маккартни оставался в клубе на ночь, пил теплую кока-колу и развлекался с какой-нибудь подружкой в тесной костюмерной за сценой, а рано утром садился на автобус N 86 и ехал домой на Фортлин-Роуд. Репутацию Пола как суперзвезды рок-н-ролла слегка подрывал его отец, который частенько

заходил в клуб во время ленча и кормил сына сосисками.

Джим Маккартни продолжал проявлять отцовскую заботу о здоровье и благополучии сына. Ему не нравился клуб «Каверн». «Там должны доплачивать за вредность», - говорил он, но понимал при этом, что молодежи нравится этот шум, дискомфорт и то, что его младший сын Майкл называл «крутым, тяжелым рок-н-роллом, от которого вытягивались шеи». И все замечания отца редко долетали до деревянной, высотой в два фута сцены под промокшим потолком. Джим пытался кричать сыну, чтобы тот, придя домой, включил обогреватель и обсох, но его слова тонули в шуме рукоплесканий беснующейся молодежи. А кроме того, в хорошую неделю Пол теперь зарабатывал больше отца.

Отношение Пола к отцу обусловлено его личными качествами, и Пол всегда считал себя послушным сыном. Но тогда он был молод, и, вопреки советам отца, ему казалось более привлекательным зарабатывать на жизнь рок-н-роллом, чем наматывать электрические катушки. Это был период, когда Маккартни искал себя. Его поведение на сцене внешне стало более изысканным. Пол стал исполнять баллады. Майкл Маккартни вспоминает: «Пол вместе с девушками и несколькими музыкантами спел песню из бродвейского шоу 1957 года «The Music Man», которая называлась «Till There Was You». На-фоне шумного рок-н-ролла это была необычная, ориентированная на старшее поколение мелодичная песня». Пол также вспомнил старый хит Джуди Гарланда «Over the Rainbow», к очевидному неудовольствию Леннона, который предпочитал более жесткую музыку.

Несмотря на такие отклонения, взаимопонимание между Ленноном и Маккартни становилось все более тесным, а имевшие место стычки на сцене всегда заканчивались смехом. Но если споры были серьезными и со стороны Леннона дело доходило до непристойных ругательств, то именно Маккартни всегда делал первый шаг к примирению, чтобы разрядить обстановку.

Синтия Леннон вспоминает: «Уже в том раннем возрасте у Пола замечались дипломатические способности, что помогало ему предотвращать потенциально взрывоопасные ситуации». Но, конечно, не в тех случаях, когда он сам их провоцировал, как это бывало в отношениях с Сатклиффом. По словам брата, Пол «здорово соображал», он уверенно чувствовал себя в спорных ситуациях и всегда оборачивал их себе на пользу даже в жесткой атмосфере ливерпульских танцзалов, где они продолжали играть параллельно с выступлениями в «Каверн». И чем больше раздражался Леннон, тем более утонченным дипломатом становился Маккартни.

Пол утверждает: «Я нормально сносил язвительные выпады в мой адрес. Если у меня было довольно плохое настроение, то я старался не показывать этого. Я не всегда был обаятельным, а Джон не всегда язвительным. Но кому-то проще связывать песню «Helter Skelter» с Чарльзом Мейсоном [*Чарльз Мейсон и его «семья» - безжалостные убийцы Шарон Тейт, заявившие, что на это убийство их вдохновили стихи песни «Helter-Skelter»*], нежели со мной, который написал ее. А Джон слишком часто зазнавался». Однако Пол соглашается, что «элемент соперничества между Ленноном и Маккартни принес огромный положительный результат». Этот результат как раз основывается не на их сходстве, а на их различиях: Маккартни - всегда улыбающийся, элегантный, пользующийся успехом у женщин, Леннон навевающий мрачные мысли (Майкл Маккартни назвал его «зверь в клетке»). Леннон - это бесконечная импровизация, Маккартни - приверженность традициям.

И если в результате подобной несхожести открывались новые качества или обстоятельства, то они научились с выгодой их использовать в своих целях. Это соперничество позволило им здорово преуспеть. Оно не помешало им извлекать выгоду из остальных участников ансамбля, в особенности из Пита Беста, которого ни Леннон, ни Маккартни не любили. Сатклифф развлекал Леннона и придавал надлежащее звучание его идеям («по правде говоря, я зависел от него», - говорил Леннон). Харрисон, играя на соло-гитаре, занимал прочное положение в ансамбле, а позиция Беста была более уязвимой. Когда «Битлз» отправлялись в Гамбург, Леннон сказал, что им нужен «зрелый ударник», а Бест до сих пор считался зеленой порослью в этом саду. Но, несмотря на отрицательные мнения о нем, они были более чем рады позволить Питу и его матери предоставить «Битлз» в качестве штаб-квартиры клуб «Касбах» и заняться организацией их контрактов. А когда «Битлз» решили вновь вернуться в Гамбург, именно Мона и Пит Бест писали бесконечные письма германским властям, в которых умоляли отменить решение о депортации и обещали, что на сей раз «Битлз» действительно будут вести себя надлежащим образом.

После того как Экхорн заплатил 158 марок за депортацию Маккартни и Беста (потом он вычел эти деньги из их заработка), разрешение на въезд в Германию наконец было получено, и 27 марта 1961 года «Битлз» вновь вернулись в этот греховный город. Это был их второй из пяти визитов в порт на Балтике, и каждый раз они выступали все в более престижных клубах. В этот раз это была «Горячая десятка», а впоследствии совершенно новый клуб «Звезда». За свои выступления они по-прежнему получали не слишком много (Экхорн платил каждому всего по 35 марок в день), но для

них это не имело значения.

Насколько удалось подсчитать, «Битлз» провели на сценах Гамбурга 998 часов, это был неоценимый опыт, процесс становления. Он сплотил их в единое целое, дал жизненно важную уверенность для самовыражения. Кроме того, он дал им то, чего не мог дать Ливерпуль, а именно - стиль.

Создателем их имиджа была Астрид, а проводником ее идей стал Сатклифф. Она одела его в черную кожу, сначала в пиджак, а затем в длинную куртку и узкие брюки. Джон и Джордж немедленно последовали его примеру, а чтобы убедить Пола, понадобилось немного больше времени. Он и тогда, как и сейчас, очень бережно относился к своим деньгам, поэтому через некоторое время остальные участники ансамбля силком привели его в магазин и сказали продавцу: «Этот парень хочет такую же куртку, как у нас, только сорокового размера».

Следующим шагом была прическа. Астрид вымыла своему любовнику голову, подрезала волосы и зачесала их вперед на французский манер. Когда Сатклифф с новой прической вернулся в клуб, все покатались со смеху, но вскоре примеру Сатклиффа последовал Джордж. Пол попробовал было носить такую прическу, но вскоре вернулся к привычной «пижонской» челке, потому что, как писал официальный биограф «Битлз» Хантер Дейвис, «на это еще не решился Джон».

Следующим новшеством стал пиджак без воротника, который Астрид сшила Сатклиффу по модели Кардена. По крайней мере, в первое время этот пиджак не понравился остальным участникам ансамбля. «Стюарт, на тебе же мамина кофта», - шутили они. Астрид придумала им и образ для фотографий, она фотографировала их в глубоко контрастных черно-белых тонах. Но и в этом не было особой изобретательности, как и в большинстве того, что делали «экзи». Эти фотографии они скопировали из фильма, который десять лет назад шел в Голливуде, хотя в них чувствовалась мастерская интерпретация, ухватившая имидж ранних «Битлз». Возможно, «экзи» и не были оригинальны, но они внесли что-то свежее, более современное в тот избитый, напoмаженный юношеский образ, который «Битлз» привезли с собой из танцевальных залов Ливерпуля.

Однако жизнь их протекала довольно скучно. Кроме дурачества вокруг причесок и одежды да нескольких сотен изнурительных часов на сцене в их карьере не произошло никаких реальных сдвигов.

Стюарт Сатклифф ушел из ансамбля, поступил в гамбургский художественный колледж и собирался жениться на Астрид. Его уход произошел к великой радости Маккартни, который оставил ритм-гитару и пианино и полностью переключился на бас-гитару. Отношения между

ними так никогда и не наладились, и Пол относил это целиком на счет музыкальной некомпетентности Сатклиффа. Маккартни говорил: «Любому было понятно, что он не умеет играть. Он убирал звук усилителя и просто создавал какой-то басовый шум. Большею частью он даже не знал, в какой тональности мы играем».

Услуги Аллана Уильямса были отвергнуты, об этом ему в письме сообщил Сатклифф как раз перед уходом из ансамбля. На самом же деле для «Битлз» это не имело никакого значения. Несмотря на его последующие заявления, что он тот самый человек, который порвал с «Битлз», Уильямс всегда был не более чем театральным агентом, а всю практическую деятельность осуществляла Мона Бест.

Джон получил в наследство от тетки из Эдинбурга 40 фунтов, и они с Полом поехали отдохнуть в Париж. Там они случайно встретили одного из «экзи», Юргена Воллмера, который уговорил их постоянно носить прическу, названную впоследствии прической «битлз» (хотя родилась она в Латинском квартале Парижа). По пути домой в Ливерпуль Пол и Джон зашли в обувной магазин на Ковент-Гарден и купили ботинки на каблуках, которые уже вошли в моду в Лондоне, (потом их стали называть ботинки «битлз»).

Уже к статусе профессионалов «Битлз» подписали контракт на запись пластинок. Их пригласила фирма «Полидор» - дочернее предприятие крупной компании «Дойче грамофон». «Битлз» аккомпанировали Тони Шеридану при исполнении трех песен: рок-варианта песен «My Bonnie Lies over the Ocean» и «When the Saints Go Marching in» и баллады Шеридана «Why» («Can't You Love Me Again»). Леннону была предоставлена возможность продемонстрировать свои вокальные данные, и он исполнил быстрый вариант старой песни Эдди Кантона «Ain't She Sweet» - пародия на группу Клиффа Ричарда, которую «Битлз» ни во что не ставили, но чей соло-гитарист Хэнк Марвин мог переиграть Харрисона с закрытыми глазами (Нил Янг говорит, что Марвин был одним из лучших рок-гитаристов).

Но это был довольно призрачный успех. Они получили в качестве гонорара по 300 марок каждый и никаких доходов от продажи. На пластинках даже стояло другое название ансамбля. Название «Битлз» было слишком созвучно с «пидлз», что на местном сленге означало «пенис», поэтому на пластинках их называли «Бич бойз». Пластинка с песнями «My Bonnie» и «The Saints» стала хитом в Германии, но «Битлз» от этого не намного полегчало. Они имели успех в Ливерпуле и в Гамбурге. Ну и что из этого? В Манчестере, Ньюкастле и Западном Берлине было «много

популярных групп, а кто слышал о них за пределами их вотчины? Рок-индустрия полностью зиждется на пластинках и известности, а то и другое было еще далеко от «Битлз».

Даже Маккартни, успокоенного собственным талантом и не страдавшего недостатком самоуверенности, начали одолевать сомнения. Подавленный Леннон писал Сатклиффу: «Что-то должно произойти, но где это что-то?» 9 ноября 1961 года это чудо появилось в образе молодого человека в отлично сшитом костюме, выпускника частной средней школы. Его звали Брайан Эпстайн. «Битлз» были близки к тому, чтобы заполучить богатого дядюшку, в котором они так нуждались.

Пол Маккартни был обаятельный, с привлекательной внешностью юноша, и, по общему мнению, самый симпатичный участник ансамбля. Но Брайана Эпстайна заинтересовал не Пол Маккартни, его заинтересовал грубый, скандальный Джон Леннон. «Ему нужен был Джон», - говорит Питер Браун.

В буквальном смысле это оказалось физическим желанием. Когда Эпстайн нерешительно вошел во время ленча в клуб «Каверн», его удивило то, что он увидел на сцене: четверо затянутых в кожу рокеров шутили, ругались, хлопали друг друга в той грубоватой манере, которая присуща молодым ребятам. Брайан был ошеломлен, особенно его поразили хриплый ритм-гитарист, который осыпал бранью примерно две сотни подростков, жующих бутерброды, пьющих теплую кока-колу, аплодирующих и дымящих сигаретами в заплесневелом подвальном помещении клуба «Каверн».

Нельзя сказать, что Брайан упивался этим зрелищем, глотая слюнки. Пол Маккартни твердо заявляет по этому поводу: «До меня доходили слухи о нравах артистической среды, но в данном случае это было глупостью». Однако Питер Браун говорил, что вид Леннона в кожаной куртке произвел необычайный эффект на Эпстайна: «Это был наиболее подходящий образ воплощения его тайных сексуальных наклонностей».

Отпрыск двух преуспевающих еврейских семей, разбогатевших на торговле мебелью, Эпстайн был молодым одиноким неудачником. К пятнадцати годам он успел поучиться в семи школах и из нескольких был исключен. В те дни его мать, Куинни, защищая его, говорила: «Если ты им не нравишься, то они просто вышвыривают тебя». И им не нравился маленький Эпстайн, типичный образец маменькиного сынка. Позже он напишет: «Я был из разряда неуживчивых мальчишек, ребята и преподаватели издевались, дразнили и изводили меня».

Да и учеником он оказался слабым. В тринадцать лет Брайан провалил вступительные экзамены в среднюю школу, и даже родительские деньги не помогали ему удерживаться в частных школах, таких, как Рагби, Рептон или Клифтон. В итоге он остановился на Рекин-колледж в Шропшире, но, чувствуя, что будет не в состоянии сдать экзамены, ушел оттуда в возрасте шестнадцати лет и пошел за 5 фунтов в неделю работать продавцом в мебельный магазин отца. Ему хотелось заниматься совсем не этим, он

мечтал быть модельером женской одежды, и эта его мечта приводила отца в ярость.

Через два года Брайан был призван на военную службу и отправлен в части снабжения и транспорта. Ему, единственному из выпускников средней школы его призыва, не было предложено сдавать экзамены на офицерское звание. По его словам, он всегда был «самым плохим солдатом», который поворачивался налево, когда звучала команда «направо», и стоял «вольно» по команде «смирно». Казалось, что он так и прослужит свои два года, оставаясь забитым, но всегда опрятно одетым рядовым. Однако спустя десять месяцев рядовой Эпстайн был уволен из армии «на почве психиатрии». Согласно его утверждениям, он был «непьющим и абсолютно надежным солдатом», но в армии вскрылось, что он гомосексуалист.

Уволенный из армии за свои сексуальные наклонности, Эпстайн вернулся в Ливерпуль и стал управляющим магазина в Хойлейке, который принадлежал его отцу. Это дало ему возможность проявить чутье предпринимателя, в чем у него действительно был талант. Эпстайн со вкусом украсил витрины модной тогда мебелью в «скандинавском» стиле, и в течение года его доходы превысили доходы главного магазина фирмы. Но если родители радовались такому неожиданному повороту дел, то Брайана это не радовало. Он расстроился, впал в депрессию, ушел с работы и через несколько месяцев поступил в Королевскую академию драматического искусства. Это приоткрыло еще одну сторону его таланта. На вступительных экзаменах Брайан читал отрывки из «Макбета» Шекспира и «Доверенного лица» Элиота. Экзамен прошел успешно, и ему предоставили место в престижной актерской школе. Он был хорошим актером, но чересчур эмоциональным (выступления заканчивались для него судорожными рыданиями). По его словам, директор школы Джон Фернольд, который воспитал такие таланты, как Альберт Финни и Питер О'Тул, «глубоко верил в меня».

Но все дело в том, что Эпстайн мало верил сам в себя. Он не мог заниматься чем-нибудь долго и всерьез и впадал в депрессию. Будучи не способным легко заводить друзей, он вскоре заявил, что презирает актеров, их жизнь и «ложную дружбу», хотя актеры никогда и не приглашали его в свой круг. Его мать никогда не одобряла того, что он уходил от ее материнской опеки, и в результате ее настойчивых просьб Брайан, проучившись в актерской школе три семестра, вернулся домой, в Ливерпуль. Там он снова стал работать в отцовской фирме, на этот раз в качестве заведующего отделом грампластинок фирмы NEMS. Это была

старая фирма (Джим Маккартни вспоминал, что играл на пианино этой фирмы еще во время первой мировой войны), которую в качестве недвижимости приобрел еще дед Брайана, иммигрант из Польши.

Вернувшись к коммерческой деятельности, Эпстайн вновь проявил свои предпринимательские способности. Когда он начинал, в штате у него было два человека, а спустя два года у него работали уже тридцать человек, включая молодого Питера Брауна, который уволился из универмага «Льюис». Благодаря внимательному отношению к вкусам покупателей, введению новой системы учета, при которой можно было дополнительно заказывать пластинки до того, как продан тираж, а также благодаря обещаниям, которые, как правило, выполнялись, о том, что магазин может обеспечить покупателя любой выпущенной пластинкой, магазин Эпстайна превратился в самый преуспевающий магазин грампластинок в северо-западной Англии. Брайан много работал, гордился своими успехами и, казалось, нашел работу, которая его удовлетворяла.

Вне работы все было иначе. Все, кто знал его, вспоминают о нем как о симпатичном, обаятельном, добром человеке, у которого, однако, было второе лицо, проявлявшееся довольно часто. Он так и оставался таким же неуравновешенным и одиноким, каким и был всегда. Брайан часто здорово выпивал, слишком чувствительно относился к тому, что он еврей, во всех своих бедах обвинял антисемитов, которые, по его мнению, окружали его. Он был подвержен неожиданным эмоциональным взрывам, которые сменялись длительными периодами ледяного молчания. Малейшая обида, реальная или воображаемая, могла вызвать бурю грязных оскорблений с его стороны. К неуравновешенной психике добавлялись его сексуальные наклонности. Гомосексуализм преследовался законом, и Эпстайн, заклеянный и гонимый, был обречен тайком получать удовольствие лишь там, где мог найти.

Во время учебы в Королевской академии драматического искусства Брайана арестовали за приставание к мужчинам в общественном туалете. Семейный адвокат Эпстайнов Рекс Мейкин примчался в Лондон, и только благодаря его вмешательству дело не попало в суд. Вскоре снова понадобилась помощь Мейкина. Уже в Ливерпуле Эпстайн частенько посещал общественный туалет в Уэст-Дерби, где человек с определенными склонностями мог найти анонимного платного партнера. Однажды вечером Брайан совершил ошибку в выборе партнера, его избили, украли часы и бумажник. Вскоре после этого, когда побитый Эпстайн находился дома, окруженный заботами матери, грабитель позвонил по телефону и потребовал еще денег. Мейкин настоял на том, чтобы позвонить в полицию,

и с помощью Эпстайна незадачливый шантажист был обнаружен и арестован.

Этот случай только усилил его чувство одиночества и отверженности. Однако он не прекратил свою активность в этом плане и продолжал посещать злачные места Ливерпуля, отыскивая тех, кого привлекал его кошелек и новая темно-бордовая машина марки «Хиллман Калифорния». И вот теперь, в начале ноября, Брайан Эпстайн стоял в зале клуба «Каверн» и, как он сам впоследствии признался, не мог оторвать глаз от «Битлз».

Как считал сам Эпстайн, он впервые решил взглянуть на этот ансамбль после того, как в его магазин зашел симпатичный юноша по имени Реймонд Джонс. Он был одет в узкие джинсы и черную кожаную куртку, и Эпстайну самому захотелось обслужить его. Джонс спросил пластинку с песней «My Bonnie». «А кто исполняет?» - спросил Эпстайн. «Битлз», - услышал он в ответ. Эпстайн честно признался, что никогда не слышал о них. Когда спустя несколько дней в магазин зашли две девушки и спросили ту же пластинку, Эпстайн, верный своему принципу «удовлетворять вкусы всех клиентов», начал наводить справки. Он выяснил, что на пластинке поет Тони Шеридан, пластинку крутят в клубе «Каверн», который находится всего в двухстах ярдах от его магазина (Стюарт Сатклифф прислал пластинку Вулери), а сами «Битлз» являются ведущей группой клуба. Будучи хорошим бизнесменом, он решил пойти и посмотреть, вокруг кого создается такая, хотя и не слишком сильная, шумиха.

На самом деле Эпстайн встречал «Битлз» задолго до того, как Реймонд Джонс возбудил его интерес к ним. Одетые в кожу участники группы постоянно заходили в его магазин, торчали там, слушая пластинки, которые не в состоянии были приобрести. Магазин являлся также одной из крупнейших точек, где продавалась газета «Мерсийский бит». Во втором ее выпуске на первой странице была помещена фотография группы под заголовком во всю ширину полосы, гласившим: «Битлз» подписали контракт на запись пластинок!» Фотография сопровождалась статьей, в которой значительно преувеличивался факт сотрудничества «Битлз» с фирмой «Полидор». Брайан способствовал появлению названия «Битлз» в хит-парадах, которые он составлял для газеты «Мерсийский бит», заметки о них стали появляться в каждом выпуске газеты. Боб Вулер писал на ее страницах, что их музыка «возбуждает физически и духовно, символизируя протест молодежи».

Пророческая похвала Вулера появилась в августовском выпуске газеты, а спустя пять недель, договорившись предварительно с ее владельцем, Эпстайн пришел в «Каверн». «А что привело сюда мистера

Эпстайна?» - задал со сцены вопрос Харрисон, разглядев в тени задней стены фигуру в костюме в тонкую полоску.

Познания Эпстайна в попмузыке, особенно в авангардных стилях, были весьма ограничены. Его любимым композитором был Сибелиус, и живьем музыку он слушал только на концертах в ливерпульской филармонии, куда его водила мать. Его колонка в «Мерсийском бите» ограничивалась откровениями типа «популярность группы «Shadows», похоже, постоянно растет...»

Внезапно Эпстайна заинтересовали ритмичные песни Литтл Ричарда и Элвиса Пресли, которые раньше критики называли «дьявольской музыкой». В рок-н-ролле слышался секс, и эта музыка, надо заметить, уже в довольно зрелом возрасте захватила его. Брайан был слишком осторожным, не хотел, чтобы его симпатии стали достоянием публики, но желание познакомиться с «Битлз» было слишком велико, и он решил, что лучший путь для этого - стать их менеджером.

Эпстайн снова и снова заходил в «Каверн» посмотреть на них. Потом он отправился к Уильямсу, который все еще таил зло на «Битлз» за то, что они отказались от его услуг. Уильямс посоветовал ему не связываться с ними и не быть для них «шестом для отталкивания баржи», но Брайан проигнорировал его совет. «Его словно загипнотизировали», - вспоминал Уильямс и добавлял, что Эпстайн покрывался потом и краснел при малейшем упоминании их имени. Бест говорил: «Основная его цель состояла в том, чтобы добиться расположения «Битлз»... стать одним из них». Вскоре Эпстайн стал подражать им, зачесывая волосы вперед и одеваясь в черную кожу, но, когда окружающие осмеяли его, он быстро отказался от этого. Эпстайн постоянно говорил о «Битлз» с персоналом своего магазина, возил их в своем автомобиле. Следуя их примеру, он стал принимать таблетки, Вот так случайная встреча превратилась в страстное увлечение.

Рекс Мейкин был обескуражен. Семейный адвокат пытался выяснить у своего клиента, который торговал мебелью и грампластинками, что тот понимает в менеджменте поп-групп. В ответ он, конечно, слышал, что ничего не понимает. Однако это печальное обстоятельство не остановило Эпстайна.

«Я был очарован ими, - признавался Эпстайн - Одеты они были довольно небрежно, но это был их лучший наиболее привлекательный вид - черные кожаные куртки, джинсы и, конечно, длинные волосы... Как бы то ни было, они выглядели великолепно». И как бы то ни было, лучше всех выглядел Джон.

Питер Браун вспоминает: «Он был без ума от Джона и поэтому так предан ансамблю. Нельзя сказать, что он не верил в их музыкальный талант - он верил в него, но Эпстайн преклонялся перед Джоном. Он вовсе не интересовался хорошеньким мальчиком Полом, потому что Пол не привлекал Брайана в физическом плане».

Подобное равнодушие было взаимным, потом оно переросло в антипатию. Браун говорил: «У Пола не было необходимости что-либо предпринимать, чтобы понравиться мужчине, женщине или даже животному, он и так был очень обаятельным. Но в, сексуальном плане его влекло только к партнерам противоположного пола». Леннона, конечно, тоже интересовали представительницы противоположного пола, но его всегда привлекали эксперименты, он всегда стремился попробовать чего-нибудь новенького и верил, что в жизни надо поступать именно так. Он находил забавным тот интерес, который проявлял к нему Эпстайн, и подыгрывал ему в свое удовольствие.

Маккартни, будучи папенькиным сыном, держался в стороне от этого, однако у Эпстайна было кое-что еще, чем он мог заинтересовать Пола. Концерты в Ливерпуле и Гамбурге, так привлекавшие «Битлз» вначале, стали превращаться в бесцельный механический труд. Маккартни искал какой-то выход, и именно Эпстайн этот выход обещал. Он говорил: «У меня есть деньги, машина, магазин грампластинок, думаю, это вам поможет». Кроме этого, у него был энтузиазм, связи и неподдельная заинтересованность в процветании «Битлз», что в музыкальном плане означало процветание Леннона и Маккартни.

После того как «Битлз» расстались с Уильямсом, у них не было менеджера, и, когда Эпстайн предложил им взять их под свое крыло, они согласились, хотя и без особого желания. Харрисон, Леннон, Бест и Вулер, который всегда подозрительно относился к этой идее, приехали по приглашению Эпстайна к нему в NEMS, опоздав при этом на час. Однако Маккартни не явился и к этому сроку, так как... принимал ванну. Подобное пренебрежение разозлило Эпстайна. «Он опаздывает, это неприлично», - сердито заявил Эпстайн.

«Зато будет очень чистым», - ответил Харрисон.

Когда чисто вымытый Маккартни все же явился, Эпстайн уже поостыл, и соглашение было подписано. Это произошло через месяц после первого визита Эпстайна в «Каверн». К этому времени ансамбль уже целиком пленил его, и он напоминал одержимого любовника. Когда Мейкин отказался иметь дело с тем, что считал безнадежной затеей несчастных юнцов, Эпстайн составил стандартный контракт, и именно этот

формальный контракт четверка «Битлз» подписала в клубе Моны Бест «Касбах» спустя шесть недель после того «знаменательного» дня, когда Маккартни принимал ванну.

Джим Маккартни с подозрением относился к этой сделке, но Эпстайн пришел к нему домой и своим энтузиазмом убедил Джима. Эта история повторилась и с теткой Леннона Мими. Эпстайн сказал ей: «У Джона не будет никаких неприятностей, остальные меня не волнуют, но я всегда буду заботиться о нем».

Однако этот контракт не имел законной силы, Харрисон и Маккартни были несовершеннолетними, а кроме того, в порыве радости Эпстайн забыл поставить под контрактом свою подпись. По мнению Пита Беста, этот контракт не стоил бумаги, на которой был написан, но для остальных троих участников ансамбля он определял основу их взаимоотношений с Эпстайном на протяжении последующих шести лет вплоть до его смерти.

Условия Эпстайна были стандартными для того времени, и даже по многим позициям лучше, чем «Битлз» смогли бы добиться, если бы кто-то еще пожелал заключить с ними контракт. Но других предложений не было. Маккартни вспоминал: «В то время нам приходилось выслушивать примерно одно и то же: «Откуда вы? Из Ливерпуля? Так вы там никогда ничего не добьетесь». В «Каверн» заходили агенты и менеджеры, но это была местная публика, и работу они могли предложить только в Ливерпуле.

Эпстайн обещал, что их заработки возрастут вдвое, хотя сам не знал, как это сделать. Но самое главное заключалось в том, что он посулил «Битлз» обеспечить выпуск их пластинок в Великобритании. В обмен на это он потребовал 25 процентов от доходов, «Битлз» попытались урезать эту цифру до 20 процентов, но Эпстайн твердо стоял на своем, объясняя это тем, что дополнительные 5 процентов необходимы ему для покрытия расходов по стимулированию сбыта пластинок.

И это было с его стороны не столько надувательством, сколько просто упрямством. Синтия Леннон вспоминала, как Джон пришел домой и объявил, что у них теперь есть менеджер-еврей, который поклялся, что «Битлз» будут популярнее Элвиса Пресли.

Отец Эпстайна был очень недоволен последним капризом сына, но Брайан заверил его, что будет заниматься этим между делом, а основное время целиком посвятит NEMS. Это его обещание оказалось таким же пустым, как и остальные, которые он давал родителям на протяжении многих лет. С того момента, как ансамбль согласился вручить ему в руки свою судьбу, Эпстайн полностью посвятил себя «Битлз». Он сам стал вместо Моны Бест подыскивать ангажементы, убедил их изменить

поведение на сцене, то есть прекратить скандалить и есть на сцене, заставил составить часовую программу, состоящую из тщательно отрепетированных номеров.

Но самые значительные изменения Эпстайн внес в их одежду. 24 марта 1962 года, как раз перед выступлением на сцене Барнстонского женского колледжа, Брайан подарил каждому из участников ансамбля сшитый на заказ костюм из серого твида с узкими лацканами и галстук в тон костюму, что обошлось ему по 40 фунтов на каждого. С этого момента «Битлз» должны были одеваться и вести себя как профессиональные исполнители.

Леннону не нравились подобные перемены, и еще более они не понравились ему, когда группы типа «Роллинг стоунз» стали выходить на сцену одетые так, как им хотелось, а их непринужденная манера поведения на сцене позволяла им добиваться почти такой же популярности, какой достигли «Битлз». Было что-то жалкое, немужское в четырех взрослых мужчинах, одетых одинаково, вплоть до ботинок «Челси» на высоком каблуке. Билл Уайман, бас-гитарист из «Роллинг стоунз», насмешливо замечал: «Четыре стереотипных парня, они выглядели абсолютно одинаково». Они были больше похожи на кукол Барби, чем на рокеров, и Джон Леннон, жизненным кредо которого было бунтарство, решил, что это наносит ущерб всему делу.

Маккартни был более послушным и ответственным. Когда Эпстайн предложил изменить внешний вид, Маккартни немедленно согласился и отклонил возражения остальных. Затем он набросал несколько эскизов костюмов с узкими лацканами, которые и были потом сшиты на заказ. Питер Браун вспоминал: «Полу очень хотелось добиться успеха, и он считал, что Брайан поступает правильно. В решении вопроса внешнего вида главная роль принадлежала Брайану, и, будучи аккуратным, послушным представителем среднего класса, Пол согласился с ним». Затем Пол убедил и Леннона.

Браун говорит: «Леннон с самого начала был противником подобного прилизывания, но согласился, потому что хотел стать звездой. Другая причина, по которой он пошел на это, состояла в том, что Джон, используя свое влияние на Брайана, мог прекратить это в любое время».

Как оказалось впоследствии, это был мастерский ход, но их звездный час наступил гораздо позже, чем они ожидали. Репутация Эпстайна как одного из крупнейших розничных торговцев грампластинками в северной Англии позволила ему договориться о прослушивании «Битлз» на одной из крупнейших фирм звукозаписи «Декка», но прослушивание все откладывалось, и Эпстайн понял, что, какой бы влиятельной фигурой он ни

считался в Ливерпуле, в Лондоне он имел очень маленький вес.

Прослушивание было назначено на 1 января 1962 года, Нил Аспинол повез их в Лондон в своем фургоне. По дороге они заблудились и провели новогодний вечер, шляясь по лондонскому Уэст-Энду, где им предлагали марихуану, от которой они отказались. Прослушивание состоялось в студии фирмы «Декка» в Уэст-Хампстеде. Поскольку их старенький усилитель оказался нестандартным, «Битлз» пришлось при записи использовать незнакомую аппаратуру. Они повторили репертуар своих первых выступлений, состоявшихся в «Кайзеркеллере» восемнадцать месяцев назад, при этом сильно нервничали и чувствовали себя неуверенно.

Не помог и репертуар из пятнадцати песен, отобранных Эпстайном. Это был беспорядочный набор старых шлягеров типа «Red Sails in the Sunset» и «Besame Mucho», в котором оказались всего лишь три оригинальные композиции Леннон-Маккартни. Но это был последний раз, когда Леннон и Маккартни позволили Эпстайну вмешиваться в их музыкальные дела.

«Пол не мог исполнить ни одной песни, - вспоминал Аспинол. - Он слишком нервничал, и голос постоянно срывался».

«Декка» отказала «Битлз» и предпочла им «Brian Poole and the Tremeloes». Эпстайн пришел в ярость и отправился к Дику Роу - начальнику отдела записи, который отвечал за поиск новых талантов. «Эти мальчики будут популярнее Элвиса», - напыщенно заявил Брайан. Роу снисходительно улыбнулся и выставил его. Та же картина повторилась и на фирмах «Филипс», «Хиз мастерз войс», «Пай» и «Колумбия». «Битлз» стали разочаровываться в своем менеджере, а Брайан потихоньку начал подумывать о том, чтобы бросить это дело и вернуться в Королевскую академию драматического искусства. По словам Питера Брауна, только желание находиться рядом с Джоном удержало его от этого шага.

«Он был буквально ослеплен Джоном, его взглядами, умом и даже жестокостью, - вспоминал один из близких к Эпстайну людей - Брайан порвал все свои прежние связи и тешил себя призрачной надеждой, что когда-нибудь сумеет добиться благосклонности Джона». Чтобы не дать угаснуть этой надежде, Эпстайн был вынужден целиком посвятить себя работе на «Битлз», но их последующий успех следует целиком отнести на счет таланта Маккартни, а не усилий Эпстайна.

В апреле «Битлз» снова поехали в Гамбург, на этот раз уже под руководством Эпстайна. Там их встретило известие о смерти Сатклиффа. Мать Сатклиффа передала тело сына медицинским экспертам, которые спустя два года окончательно установили, что причиной смерти явилась

небольшая опухоль - следствие травмы черепа в результате удара по голове.

Брайан, как мог, утешил «Битлз», огорченных потерей друга, которого Эпстайн никогда не знал, и улетел назад в Англию, где снова начал обивать пороги фирм грамзаписи. Чтобы произвести лучшее впечатление на равнодушных к «Битлз» работников студий, Брайан переписал три песни Леннона-Маккартни с пленки, которую таскал с собой, на гибкую пластинку. Сделал он это в магазине фирмы «Хиз мастерз войс» на Оксфорд-стрит. Автором двух песен - «Love of the Loved» и «Like Dreamers Do» был Маккартни, и эти песни так понравились инженеру звукозаписи, что он посоветовал Эпстайну зайти в офис фирмы «Ардмор энд Бичвуд», являющейся дочерним отделением крупной компании EMI.

В «Ардмор энд Бичвуд» записи также понравились, и они в свою очередь посоветовали Эпстайну обратиться к Джорджу Мартину - главе отдела звукозаписи фирмы «Парлофон рекордз», которая тоже, являлась дочерним предприятием EMI. Это была удивительно нужная для обеих сторон по времени встреча. Эпстайн обошел уже все звукозаписывающие фирмы, а Мартин возглавлял компанию, находящуюся на грани закрытия.

Фирма EMI меньше всего уделяла внимания своей компании «Парлофон», которая постоянно была объектом насмешек частично из-за того, что выпускала пластинки с записями выступлений «Гунз» [*«Гунз» - группа актеров-комиков, выступавших по радио в 60-е годы, отличалась своеобразным юмором на грани абсурда*], а главным образом из-за малого выпуска действительно популярных пластинок. У компании был контракт с Адамом Фейтом, который щеголял укороченным вариантом прически «битлз» еще в то время, когда они сами носили прически «помпадур». Он записал несколько хитов, но затем его популярность упала. Другим певцом, сотрудничавшим с «Парлофон», был Шейн Фентон, но в течение следующего десятилетия в его карьере не наблюдалось заметных взлетов. Поэтому Мартин нуждался в клиентах, которые помогли бы ему сохранить марку фирмы и свою зарплату, которая составляла 1100 фунтов в год. В поисках талантов он даже обходил лондонские бары, но безуспешно. Именно в этот момент и подвернулся Эпстайн.

Эти два человека встретились на следующий после записи день - 9 мая. Мартин не пришел в восторг от того, что услышал на гибкой пластинке, записанной двадцать четыре часа назад. «Это было отвратительно, - вспоминал он. - Я понял, почему это не взяли другие». Однако Мартин оказался стеснен обстоятельствами, и ему уже не приходилось выбирать. «Я искал что-то, - признался он, - и решил рискнуть».

Они заключили соглашение, и Эпстайн помчался на почту, чтобы отправить две телеграммы. Одна, адресованная в газету «Мерсийский бит», гласила: «Заключил контракт для «Битлз» на запись пластинок с фирмой ЕМІ под маркой «Парлофон». Первая запись назначена на 6 июня». Вторая телеграмма направлялась в Гамбург «Битлз»: «Ребята, поздравляю. ЕМІ предлагает записать вас. Пожалуйста, подготовьте новые песни».

Согласно официальной истории ансамбля «Битлз», Эпстайн несколько опередил события, так как на 6 июня была назначена не запись, а только прослушивание, но на самом деле компания «Парлофон» согласилась на запись, даже не видя участников ансамбля. 2 июня «Битлз» вернулись из Гамбурга, а через два дня приехали в Лондон и заключили контракт с фирмой ЕМІ, поэтому, когда они впервые появились в студии звукозаписи, расположенной на улице Эбби-Роуд в лондонском предместье Сент-Джонз-Вуд, они уже считались ансамблем, законно нанятым компанией «Парлофон» для записи грампластинок. Понятно, что Мартин был в отчаянном положении, но в таком же положении был тогда и Эпстайн, поэтому контракт, который он заключил для своих «мальчиков», был самым худшим, который мог когда-либо заключить менеджер.

Компания «Парлофон» обязалась выпускать четыре пластинки в год, при этом «Битлз» полагался смехотворный доход в 1 пенни с каждой проданной пластинки, что, по словам Мартина, составляло «громадную сумму на пятерых». Мартин, который, по его же словам, «прошел хорошую школу промывания мозгов» в ЕМІ, при составлении контракта предусмотрел ежегодное повышение дохода от реализации пластинок на 1 фартинг в течение пяти лет. Он говорил: «Такая система годовых премиальных означала, что они в течение пяти лет будут связаны с ЕМІ. При такой системе их доход с продажи пластинок к концу пятилетнего срока составил бы 2 пенни с пластинки. Эпстайна, который никогда не мог сдать экзамены по математике и собирался стать модельером, ловко надули ребята из большого города». Именно этот контракт заметно ухудшил в дальнейшем отношения между Маккартни и Эпстайном и значительно повлиял на поведение Пола во время будущих финансовых сделок.

Однако летом 1962 года «Битлз» были еще слишком неопытны, чтобы возражать против текста контракта. Их устраивало уже то, что после нескольких лет изнурительной работы и несбыточных мечтаний у них появился контракт на выпуск их пластинок. А в лице Мартина они увидели человека, который сразу разделил их веру в собственный талант и имел возможность что-то сделать для них.

«Они были нахальными, но с большим чувством юмора, - говорил

Мартин. - Мне это нравилось. Я знал, что в них есть искра Божья». Ярким примером такого чувства юмора послужил ответ Харрисона на вопрос Мартина, который спросил: «Вас что-нибудь не устраивает?» - на что Харрисон ответил ему: «Да. Для начала ваш галстук».

Такая шутливая непочтительность стала отличительной чертой «Битлз», хотя Маккартни никогда не придавал этому особого значения. «Как и все уличные мальчишки, мы называли это просто остротами, - говорит Пол, - ведь 50-е годы как раз и были этим знаменательны, и подобные шутки очень поощрялись, во всяком случае, в Ливерпуле».

В тот день подобная острота могла бы и не вызвать восторга. Харрисон вспоминал, что после его ответа все остальные стали уверять Мартина, что им все здесь нравится и они хотят записывать пластинки. Но Мартин тоже обладал чувством юмора, и инцидент был исчерпан.

Однако возникли музыкальные проблемы. Сначала Мартин хотел, чтобы их записи представляли собой выступление певца в сопровождении ансамбля на манер Клиффа Ричарда и группы «Шедоуз», а солистом должен был быть самый симпатичный из них - Пол Маккартни. «К счастью для меня и для всего мира, я на это не согласился, - говорил Маккартни и тут же добавлял: - Да и Джону это бы не понравилось».

Но когда дело коснулось техники записи, «Битлз» были вынуждены прислушиваться к тому, о чем им говорил Мартин. Он был экспертом, а они исполнителями. Мартин вспоминал: «Сначала они очень нуждались во мне, потому что ничего не знали в этом деле, и при постановке звучания следовали моим указаниям». Но даже тогда у них уже были свои определенные условия. Первая запись прошла удачно, они записали песни Маккартни «PS I Love You» и «Love Me Do», Леннона «Ask Why» и неувядающую «Besame Mucho», но для выпуска пластинки качество записи было недостаточно хорошим. Когда в сентябре они снова пришли на Эбби-Роуд, Мартин захотел, чтобы они записали песню известного поп-композитора Митча Мюррея «How Do You Do It», но «Битлз» отказались, чем вызвали недовольство Мартина (впоследствии другая ливерпульская группа «Gerry and the Pacemakers» заняла с этой песней первое место в хит-параде). Он сказал: «Эта песня может сделать название «Битлз» таким же популярным в стране, как «Харпик» [*«Харпик» - фирменное название порошка для чистки сантехники*]. Когда сможете сами написать такую песню, я ее запишу».

Но Леннон и Маккартни твердо стояли на своем. Они хотели записывать только свои собственные песни, и песня Митча Мюррея так и не прозвучала в их исполнении. Пол говорил: «Мы ненавидели эту песню и

не хотели ее исполнять. Мы чувствовали, что у нас есть свой стиль, стиль «Битлз», который знали в Гамбурге и Ливерпуле. Когда мы приехали в Лондон, у нас не было желания взбудоражить его, превратившись в одну из забойных групп, но при этом пожертвовав собственным стилем. Мы понимали, что «How Do You Do It» была одной из лучших песен, и Джордж настаивал на ее записи, но мы хотели исполнять только свои песни. Мы сказали, что будем жить и умирать с песней «Love Me Do», хотя понимали, что она менее привлекательна, но идти нам надо было своим путем. Ведь мы старались сохранить собственное лицо».

Больше всех на этом настаивал Пол. Он писал песни с четырнадцати лет и был убежден, что они звучат совсем не хуже других. К тому же эти две песни «Love Me Do» и «PS I Love You», которые они хотели записать как «Леннон-Маккартни», были написаны Полом.

Обозначение авторства песен «Леннон-Маккартни» было выбрано для удобства обоих авторов. Мартин подчеркивал, что они никогда не представляли собой команду типа «Роджерс энд Харт», а «просто были авторами песен, в чем-то помогавшими друг другу». Поначалу более продуктивным из них в этой области был Маккартни, он мог писать песни буквально по заказу. «Я просто очень удачлив, - говорит Пол. - У меня дар. Если вы предложите мне прямо сейчас написать мелодию, я выйду на пять минут и гарантирую, что вернусь назад с новой мелодией».

«Он может стать первоклассным халтурщиком, - говорил Мартин и добавлял: - Я не думаю, что он сильно гордится этим». Но рядом с ним был Леннон, который обрывал Пола и часто добавлял в его песни слова, очищающие их от банальности и дающие им определенную направленность. Это был знаменательный процесс, и, даже не подозревая этого, они зачастую приближались к эталону гениального содружества. Один из них предлагал ряд аккордов, другой что-то добавлял, и затем все проигрывалось снова и снова, пока не рождалась готовая песня. Джон и Пол считали, что при такой системе справедливо было делить авторство.

Сначала Маккартни хотел, чтобы его имя стояло первым, но потом его убедили, что Леннон-Маккартни звучит лучше. Именно здесь проявились первые признаки конкуренции между ними, но это была здоровая и продуктивная конкуренция, результатом которой явился величайший в истории поп-музыки сборник песен. По словам Мартина, Маккартни все время «старался быть лучше, особенно он старался сравняться в таланте с Джоном в плане написания стихов к песням». Пол также вел тщательный учет того, чьи песни записывались (что делал и Леннон), и никогда не стремился протолкнуть вперед свои собственные. И в те безоблачные дни,

до того как проявилось различие их талантов и стилей, именно простые мелодии Маккартни привлекли внимание Мартина.

Нельзя сказать, что Мартину действительно нравились песни «Love Me Do» или «PS I Love You». Мелодии песен он считал банальными, а стихи Маккартни типа «любви меня, ты знаешь, что я люблю тебя» - примитивными. Он говорил, что те первые песни были «просто ужасными». По его словам, он выбрал «Love Me Do» для стороны «А» их первого сингла только потому, что она была лучшей из предложенных. Однако существовала еще одна проблема, требующая решения, - извечная проблема ударника.

Пит работал с ансамблем уже два года. «Я был с ними в самые трудные времена», - с горечью подчеркивал Пит. А теперь, когда в судьбе ансамбля наметился поворот к лучшему, дверь в ансамбль была для него закрыта. Но почему? На этот счет существует несколько предположений, но истина, наверное, состоит в единстве всех этих предположений.

Бест никогда в действительности не был частью «семьи «Битлз»». Его пригласили в группу в силу необходимости, накануне первой поездки в Гамбург, и Пит так и не прижился в ансамбле. Он продолжал зачесывать волосы назад, не принимал таблетки, как это делали остальные. «Он действительно был сам по себе», - вспоминала Астрид. Существовала проблема и с его мастерством. Джордж Мартин считал его не очень хорошим ударником, этой же точки зрения придерживался и Пол. Однажды Мартин сказал Эпстайну: «Этот ударник не очень хорош, при таком ударнике ухудшается общая картина». Эти слова только подтвердили всегдашнюю убежденность в этом Пола.

Джим Маккартни как-то предупредил Беста, что не стоит концентрировать на себе все внимание публики, поскольку это «слишком эгоистично» с его стороны. Но Пол не считает, что Беста уволили за то, что он был симпатичным и пользовался большим успехом. Мона Бест была все же другого мнения, она настаивала на том, что ее сын - самый популярный член ансамбля и остальных это якобы злило. «Они выгнали его просто из зависти, так как именно мастерство Пита определило их успех».

Джон Леннон рассказывал фотографу Гарри Бенсону, который поехал в США с «Битлз» по поручению газеты «Дейли экспресс» и вскоре стал одним из лучших американских фотографов, что они были утомлены Монай Бест, пытавшейся руководить группой и направлять их деятельность. И, чтобы избавиться от нее, они вынуждены были избавиться от ее сына.

Нил Аспинол винил во всем Харрисона. Харрисон был самым

младшим из трех основных участников ансамбля, он горячо восхищался Ринго, подружился с ним и хотел, чтобы тот играл в ансамбле. Среди «Битлз» царило единодушие, в котором не находилось места для Пита. По словам Ринго, «Джордж был главным инициатором моего приема в группу, потому что ему нравилась моя игра».

Спенсер Мейсон говорит, что это была работа Брайана Эпстайна. «Брайану нравился Пит, и он стал его помогать. Однажды Эпстайн посадил Беста в свой новенький «форд-зодиак» и предложил ему провести ночь в гостинице, но Пит настоял на том, чтобы Брайан отвез его домой. С тех пор Брайан невзлюбил его. Конечно, игра Ринго отличалась большой строгостью, но строгость Беста как мужчины привела к тому, что Эпстайн выгнал его».

Эпстайн настаивал на том, что ему всегда нравился Бест. «Он был очень симпатичным, его ожидало большое будущее, и я очень расстроился, когда однажды вечером трое «Битлз» пришли ко мне и сказали, что не хотят выступать с Бестом».

Эпстайн пригласил Беста к себе в кабинет во вторник утром 16 августа. «Он был очень встревожен, - вспоминает Бест. - Он все крутил вокруг да около и, наконец решившись, сказал: «Пит, у меня для тебя плохая новость. Ребята хотят вместо тебя взять Ринго». В качестве извинения он привел мнение Джорджа Мартина об игре Ринго. «Но если я был не очень хорошим ударником, то почему продержался в ансамбле два с половиной года? Почему они не взяли другого ударника после нашего первого возвращения в Ливерпуль? Почему Ринго не попросился в ансамбль тогда, а сделал это спустя два года, когда мы были на пути к успеху?» Ответ на этот печальный вопрос заключается в том, что «Битлз» всегда испытывали трудности с ударником. Найти его было довольно трудно, а удержать еще труднее, но Пит не собирался уходить, и «Битлз» держали его до момента подписания контракта, согласно которому участники ансамбля не имели права уходить из ансамбля и переходить в другой.

Нельзя сказать, что Ринго играл лучше. «В то время в Ливерпуле было много таких ударников, как Ринго», - говорил Мейсон. И вначале Эпстайн намеревался заменить Беста Джонни Хатчинсоном, но тому не нравились «Битлз», и он отверг это предложение. Только тогда Эпстайн позвонил Ринго и соблазнил его уйти из «Rory Storm's Hurricanes», предложив для начала 25 фунтов в неделю и пообещав, что если он подойдет, то вскоре станет полноправным участником ансамбля.

Отставка Беста вызвала большое недовольство среди посетителей

клуба «Каверн». У Эпстайна разбили машину, Ринго освистали, а Харрисона избили, и он явился для записи в студию на Эбби-Роуд с синяком под глазом. Как выяснилось впоследствии, Ринго, этот болезненный уличный мальчишка, чье детство прошло главным образом в больницах, был просто необходим «Битлз» для покорения Америки. Не подозревая этого - да и как можно было тогда об этом догадываться! - они получили именно того ударника, который им так давно был нужен, просто жизненно необходим в самом начале успеха.

Но при встрече с Ринго Мартин сказал, что ему нужен ударник, а не объект для материнских инстинктов влюбленных девиц зрелого возраста, и оставался непреклонным в своем мнении. Потерпев неудачу с Бестом, он не хотел еще раз испытывать судьбу, ему надо было спасти свое дело, иначе его могли обойти Бадди Рич и Джин Крупа. Поэтому для записи пластинки «Love Me Do» Мартин пригласил студийного ударника Энди Уайта, а Ринго доверили бубен - да и то только потому, что он сильно приуныл. «Я ужасно расстроился, - вспоминал Ринго. - Я подумал, что это конец и меня ждет участь Пита Беста. Еще я понял, что бизнес звукозаписи - это сплошной обман».

Пол же, наоборот, сразу заинтересовался студией и возможностями, которые она предоставляла. Мартин поощрял его интерес, с самого начала подключая к процессу записи. Он придал другое звучание песне «Love Me Do», используя игру Леннона на губной гармонике, которую тот стащил в магазине в Голландии по пути в Гамбург. Ускорив темп исполнения и сделав новую аранжировку, он полностью изменил звучание «Please Please Me».

Звукоинженер этих первых записей Норман Стоун вспоминал: «Уже в самом начале Пол почти всегда выступал в роли музыкального директора. Конечно, много замечаний делал и Джон, но последнее слово оставалось за Полом. И это было прекрасно, потому что он был истинным музыкантом и уже на той стадии настоящим продюсером».

В то время как остальные еще только пытались понять, что означает красная лампа над входом в студию, Пол уже осваивался с пультом управления, прослушивал записи, задавал вопросы, пытаясь разобраться в предназначении тех или иных выключателей. В глазах Эпстайна Леннон был главной движущей силой, лидером группы, однако у Мартина не было абсолютно никаких сомнений насчет того, кто обладал настоящим музыкальным талантом. Это был Маккартни, и именно его песни познакомили с «Битлз» публику, покупающую пластинки.

2 октября 1962 года - через шесть месяцев после смерти Стюарта

Сатклиффа, через семь недель после ухода Пита Беста, через пять недель после благородного поступка Леннона, который женился на своей беременной подруге Синтии, через два дня после подписания «Битлз» окончательного официального контракта с Эпстайном и за десять дней до того, как Литтл Ричард попытался переманить к себе Маккартни, - была выпущена пластинка «Love Me Do». С помощью Эпстайна, который выкупил несколько тысяч пластинок, чтобы помочь ей попасть в хит-парад, пластинка заняла семнадцатое место.

Маккартни говорил: «В Гамбурге мы пользовались успехом, в «Каверн» мы тоже пользовались успехом, но если вы хотите знать, когда мы поняли, что появились как группа, то это произошло, когда «Love Me Do» попала в хит-парад. Это была первая пластинка, но она проложила нам путь». 11 января 1963 года вышла пластинка «Please Please Me», которая заняла первое место в хит-параде. «Битлз» по-настоящему обрели себя.

В первом официальном интервью в печати, вышедшем в октябре 1962 года, Пол Маккартни заявил, что мечтает заработать много денег, а после этого отойти от дел. Прошло тридцать лет, он заработал несколько сотен миллионов фунтов, а его уход - все еще вопрос будущего. Он говорит: «Люди спрашивают меня: «Почему ты до сих пор занимаешься музыкой? У тебя много денег, почему бы тебе не оставить все и не отдохнуть?» Отвечаю: «Я все еще очарован». Его покорила бизнес, который сделал его богатым, и он до сих пор стремится создать что-то новое.

Он заработал денег больше любого поп-музыканта, однако деньги дались не так легко, как это можно предположить, судя по его таланту. Эпстайн позаботился об этом. После «Please Please Me» была выпущена пластинка «From Me to You», тоже занявшая первое место в хит-параде. Следующим был сингл «She Loves You», написанный в комнате отеля в Ньюкастле, в основе которого лежала простая идея Пола о замене слова «меня» на «тебя». Пластинка разошлась рекордным тиражом в 1 300 000 экземпляров.

В ноябре вышла «I Want to Hold Your Hand», которую Леннон и Маккартни написали, уединившись в подвале родительского дома Джейн Эшер в Лондоне. Как и предыдущая «She Loves You», она побила все рекорды по продаже. Пластинку «Twist and Shout» продали тиражом свыше 250 000 экземпляров, первый альбом «Please Please Me» в течение двадцати девяти недель занимал верхнюю строчку в хит-параде альбомов, уступив затем место пластинке «With the Beatles», предварительный заказ на которую составил 270 000 экземпляров. Это было мировым рекордом, побившим рекорд предварительного заказа на пластинку Элвиса Пресли «Blue Hawaii». К концу 1963 года пластинок «Битлз» было продано на сумму 6 250 000 фунтов, и доходы фирмы ЕМІ подскочили на 80 процентов. В следующем году доход от продажи пластинок «Битлз» превысил 40 миллионов долларов.

Что касалось наличных денег на текущие расходы, здесь «Битлз» рассчитывали на коричневые бумажные пакеты, набитые банкнотами, которые Эпстайн собирал после каждого выступления. Даже при тех смехотворных ставках дохода, которые Эпстайн обговорил в контракте, Леннон и Маккартни вскоре попали в тиски 94-процентного подоходного налога, установленного лейбористским правительством для граждан с

самыми высокими доходами, Чтобы восполнить этот урон и обеспечить своих «мальчиков» деньгами, Эпстайн ударился в махинации, требуя и получая от управляющих заведениями, где выступали «Битлз», по тысяче фунтов наличными за вечер, а те были только рады заплатить за самое популярное в Великобритании зрелище. Затем Брайан аккуратно делил эти незаконные подношения между четырьмя участниками ансамбля, предварительно изъяв свои 25 процентов. «Впервые в жизни мы были заняты делом и зарабатывали деньги», - вспоминал Маккартни.

Вряд ли это был разумный путь ведения самого прибыльного малого бизнеса в Великобритании. А все другие источники доходов, которые можно было извлечь из «Битлз», или игнорировались, или уступались за смехотворно малые доли прибыли. Производители разного рода товаров быстро воспользовались повальным увлечением «Битлз» и стали выпускать парики «битлз», пиджаки без воротника, ботинки «битлз» и вообще все, к чему можно было прицепить название «Битлз». Но обычно они делали это, не имея никакого на то разрешения.

«Брайан был очень слаб в коммерческих сделках», - сдержанно высказывался по этому поводу Браун.

Пытаясь навести порядок в финансовых поступлениях, Эпстайн нанял солидную бухгалтерскую фирму «Брайс-Хамнер», у которой был довольно маленький опыт в сфере шоу-бизнеса. Доктор Уолтер Страх, который был старшим партнером по бухгалтерским делам «Битлз», ничего не знал о коричневых конвертах с наличными, иначе бы он пришел в ужас. Он посоветовал пускать деньги в оборот, раз уж они поступают, и приготовиться к выплате предстоящих больших налогов. Однако никто, и в первую очередь сами «Битлз» не верили, что смогут получать большие деньги.

Ринго считал, что ему необходимо заработать определенное количество денег для покупки нескольких салонов-парикмахерских. Харрисон говорил, что собирается купить автобус для своего отца, работавшего водителем автобуса. Даже Маккартни, наиболее разумный и, по словам Брауна, наиболее «буржуазный», похоже, не знал, как поступать с деньгами. Маккартни вспоминал: «Я всегда думал, что деньги надо положить в банк, заплатить налоги, и пусть они спокойно себе там лежат. Но мне сказали, что лучше всего деньги во что-нибудь вложить». А самой очевидной сферой помещения капитала был их собственный талант.

Эпстайн был разочарован неудачными попытками фирмы «Ардмор энд Бичвуд», которая в свое время направила его к Мартину и получила за это право на выпуск «Love Me Do», расширить производство пластинок. Он

жаловался, что ему все приходится делать самому (Маккартни рассказывал, что вскоре после выхода пластинки Брайан даже как-то не ел целый день «потому что кто-то ведь должен был заплатить за те десять тысяч пластинок, которые он сам приобрел»). Брайан решил подыскать кого-то еще.

Мартин направил его к Дику Джеймсу, который в прошлом был эстрадным певцом. Под руководством Мартина он записал песню для телевизионного сериала о Робин Гуде. До появления «Битлз» это была их с Мартином единственная удача. Мартин сказал Эпстайну, что Джеймс голодает, что ему нужна работа, нужны деньги, очень нужны популярные песни.

Однако, каким бы голодным ни был Джеймс, он достаточно хорошо ориентировался во всех закоулках шоу-бизнеса, чтобы понять, какую выгоду может извлечь из сделки, которую ему преподнесли прямо на блюде. Прослушав пленку с записью «Please Please Me», он мгновенно оценил открывающиеся возможности и предложил создать компанию, в которой он будет владеть половиной доходов, - а второй половиной - Эпстайн и «Битлз». Кроме того, новая компания должна была находиться под руководством фирмы «Дик Джеймс мьюзик» и доля фирмы должна была составлять 10 процентов основного дохода,

Эпстайн был доволен, как в свое время был доволен контрактом с «Парлофон». А Пола это не устраивало по вполне понятным причинам. По условиям Джеймса Леннон и Маккартни, чей талант лежал в основе всей сделки, получали каждый по 15 процентов, а Харрисон и Ринго по 1,6 процента. А Джеймс, после того как его фирме отходило 10 процентов, имел еще и 50 процентов прибыли. И Эпстайн совсем ни за что отдал 50 процентов прибыли, которую приносило самое плодотворное в истории музыки сотрудничество Леннон-Маккартни. Через восемнадцать месяцев Джеймс стал миллионером, и его доход значительно превысил доход любого автора песен, чьим музыкальным талантом этот доход создавался.

Маккартни говорит: «Мы с Джоном сочиняли песни, когда пришли все наши дельцы и спросили: «Хотите быть владельцами собственной компании?» Мы ответили: «Хотим, только не половины компании». А когда компания была создана, мы внезапно поняли, что это будет вовсе не наша компания: она входила в какую-то еще компанию. Мы совершили большую ошибку. Надо было сказать: «Раз это наша компания, то пусть она полностью будет наша, а вам мы выделим небольшую долю». Но мы были слишком наивными и ничего не понимали в этих делах с акциями». Пол с усмешкой добавляет: «Думаю, что нас просто обчистили».

Компанию называли «Нозерн сонг», «потому что мы приехали из Ливерпуля и здесь уже была компания с названием «Саузерн сонгз». В течение последующих тридцати лет эта компания, созданная для защиты сотрудничества Леннона и Маккартни, была объектом бесконечных юридических споров. По иронии судьбы она станет впоследствии одной из причин их размолвки.

Однако понимание того, что произошло, пришло гораздо позже. А когда заключалась эта сделка, они были молоды и, как говорил Маккартни, наивны. Они были на гребне славы и купались в ее лучах. Пластинки «Битлз» занимали верхние строчки хит-парадов, их появления сопровождалось буйными выступлениями поклонников, а к концу 1963 года их имена не сходили с первых страниц всех английских газет. Денежными вопросами, по их мнению, занимался Эпстайн.

Маккартни вспоминал: «Мне говорили: «Но ведь «Битлз» равнодушны к деньгам». Это просто миф. Мы часто сидели с Джоном и рассуждали: «А теперь давай сочиним плавательный бассейн». И говорили мы это не дурачась, поскольку знали, что, сочинив песню, можем заработать на плавательный бассейн».

По словам музыкального критика Уильяма Манна, статья которого была помещена в августовском номере «Таймс», они могли «сочинять» не только «плавательные бассейны». 27 декабря 1963 года была напечатана его статья по поводу второго альбома «Битлз» «With the Beatles», в которой особое внимание критик уделил композиции Леннона «Not a Second Time». Манн писал: «Создается впечатление, что они одновременно думают и о гармонии, и о мелодии, так четко вплетается в мелодию основная тоника септим и нон, а нижняя медианта звучит так естественно, как Эолов каданс в конце «Not a Second Time» (секвенция, завершающая «Песнь о земле» Малера)». Сейчас подобная оценка кажется довольно нелепой, однако, с точки зрения сегодняшнего дня, вообще многое из происходившего тогда кажется нелепым.

Объяснений тому, что происходило в то время, существует множество, в зависимости от точек зрения обозревателей. Это связывают и с сексуальным взрывом, и с пробуждением социального сознания, символизировавшим начало новой эпохи. Объясняют это реакцией на связь военного министра Профьюмо с проститутками по вызову и на шпионский скандал, который непосредственно был связан с приходом к власти партии лейбористов. Называют это циничным раздуванием популярности, устроенным средствами массовой информации в отсутствие настоящего интересного материала, а также музыкальным протестом

поколения в условиях нависшей тени атомной бомбы.

А может быть, это просто был старомодный рок-н-ролл, всегда вызывавший истерию, но на этот раз в оригинальном исполнении четверки молодых людей с чувством юмора, составлявших единый ансамбль, привлекательных, раскрепощенных, внешне похожих, с оригинальными прическами и провинциальным акцентом, очаровавших всех своим стилем и остроумием.

В то время «Битлз» сами не понимали, в чем секрет их популярности, и даже не знали, что об этом говорят. Эоловы кадансы? Спустя семнадцать лет Леннон скажет: «Тогда я даже и не знал, что это такое. Это были просто аккорды, такие же, как и другие». Они были слишком заняты, чтобы беспокоиться о всяких заумных вещах, хотя и выискивали какие-то эффекты, воодушевлявшие публику. Кенни Линч, который ездил с ними на гастроли в начале 1963 года, вспоминал: «Джон и Пол сказали, что хотят вместе подходить к микрофону, тряся при этом головами и напевая «о-о-о». Я сказал, что их посчитают за пару гомиков, но они не послушали меня и сделали по-своему, и это стало очень важным и чрезвычайно популярным моментом их выступления». Элвис Пресли крутил задом, а «Битлз» в ответ на это сделали отличительным знаком своего ансамбля припев «йе-йе-йе», который Джим Маккартни упрашивал Пола заменить более приличным «да-да-да».

Вскоре все разговоры и песни «Битлз» стали тонуть, в какофонии воплей, возникающих при каждом их появлении на сцене. Ансамбль, который гордился своими музыкальными способностями, стал жертвой собственного успеха. Они купили новые усилители «Voks AC60» взамен старых «AC30S», но это лишь немного улучшило положение, они по-прежнему не слышали своей музыки. Невозможно даже было вести отсчет, чтобы одновременно начать песню, - такой стоял бедлам, и часто они не могли синхронно закончить композицию. Однако для фанатов, охваченных массовой истерией и доводивших себя криками до неистового экстаза, это не имело значения.

Но в то время, когда вышла их первая пластинка «Love Me Do», никто не мог себе такого представить. Когда «Битлз» давали свой первый крупный концерт в Питерборо вместе с поющим йодлем [*Йодль - манера пения у альпийских горцев*] Айфилдом, то были встречены гробовым молчанием. Ненамного лучшей была реакция публики и во время их турне в начале 1963 года, когда их пятый, последний по счету номер завершал концертную программу Элен Шапиро. Единственный заслуживающий внимания инцидент произошел, когда «Битлз» выставили из танцзала

гольф-клуба при отеле «Краун энд Майтэ» в Карлайзле за то, что они были одеты в кожаные куртки.

Для крупномасштабной зрелищной индустрии «Битлз» по-прежнему оставались бандой лохматиков из Ливерпуля, и все попытки убедить крупных менеджеров ангажировать ансамбль были так же трудны, как и возможность получения контракта на запись грампластинок. По этой причине Эпстайн начал организовывать собственные концерты. Вместе с братом Клайвом он основал компанию, которой дал громкое название «NEMS Enterprises». Контора компании располагалась в комнате над семейным фирменным магазином. Громкого дебюта не получилось, первое выступление «Битлз» компания организовала в приморском кафе в Чешире. После подсчета всех расходов оказалось, что доход Эпстайна составил немногим более одного фунта, однако к октябрю 1962 года дела пошли лучше.

«Чтобы добиться для «Битлз» настоящих концертов, необходимо было привлечь звезд, на которые бы шла публика», - говорил Питер Браун. 12 октября NEMS организовала концерт в «Тауэр Баллрум» в Нью-Брайтоне. Программа состояла из одиннадцати номеров, включая, к великому смущению Эпстайна и «Битлз», группу «Lee Curtis and the All Stars», в составе которой недавно появился ударник Пит Бест.

Гвоздем программы был один из юношеских кумиров Маккартни Литтл Ричард, чьей вокальной манере исполнения Пол подражал несколько лет. К тому времени Литтл Ричард оставил поприще священника и взялся за старое. Маккартни испытывал перед ним благоговейный страх: «Я не думал, что когда-нибудь встречусь с Литтл Ричардом, и мы никогда не представляли себе, что будем выступать в одном концерте с такой крупной звездой. Поэтому, когда Брайан сказал, что устроил нам выступление в Нью-Брайтоне вместе с Ричардом и десятью другими группами, мы были ошеломлены. Мы встретимся с Литтл Ричардом!»

Певец из американского города Мейкон, штат Джорджия, был также возбужден встречей с Полом Маккартни. Браун вспоминал: «Ричард считал, что Пол самый миловидный из всех людей, которых он встречал, и что он и сам был такой, когда ему было двадцать лет. Он буквально гонялся за Полом по костюмерной, а Пол держался от него на расстоянии».

Раскрашенный до кончиков ногтей, с завитыми волосами, Литтл Ричард нашел общий язык с Эпстайном, что вызвало сильное возмущение Дона Ардена, который сопровождал Ричарда в его турне по Великобритании и которому темперамент рок-звезды доставлял одни неприятности. Эпстайн и Арден обменялись грубостями, а в конце этой

перепалки Арден сделал прозрачный намек на отношения Эпстайна и Литтл Ричарда, на что Эпстайн прокричал в ответ: «В понедельник я позвоню в вашу контору, мистер Арден. Не думаю, что после этого вы останетесь работать здесь».

На вопрос о гомосексуальных наклонностях Эпстайна Маккартни отвечал: «Мы чувствовали себя скорее сконфуженными, чем ошеломленными, в действительности мы, тогдашние мальчишки, не понимали точно, что это означает». Этот ответ характеризует нейтральный стиль Маккартни при публичных заявлениях. Маккартни мог при этом, конечно, невинно улыбаться, но он-то к тому времени повидал достаточно, чтобы понимать, кто такие Литтл Ричард и Брайан Эпстайн.

Браун говорит: «Пол жил в Гамбурге в жутких условиях и насмотрелся на многое. Он и остальные в свои семнадцать-восемнадцать лет уже познали все стороны жизни, и ничто не могло привести их в ужас или расстроить. В костюмерной Пол не сбежал от Ричарда и не избил его, а просто держался от него на расстоянии».

Леннон тоже не был невинным младенцем и прекрасно понимал причину интереса, проявляемого к нему Эпстайном. Когда Брайан еще только пробивал контракт на запись грампластинок, Леннону посоветовали согласиться на предложение Эпстайна поехать с ним вдвоем отдохнуть в Копенгаген, на что Леннон ответил: «Заткнитесь. Вы что, не видите, что он подбирается ко мне?» Преследование со стороны Эпстайна продолжалось, и наконец в апреле следующего года Джон согласился поехать с ним на отдых в Барселону.

Брайан впервые посетил Испанию в 1959 году, вскоре после скандальной истории в общественном туалете в Уэст-Дерби. С тех пор он побывал там несколько раз и проявил глубокий интерес к корриде, а точнее, к молоденьким матадорам.

Синтия была против этой поездки. Она только родила сына, которого в отсутствие отца назвала Джулианом, и хотела, чтобы муж остался с ней. А муж на манер всех поп-звезд того времени скрывал, что он женат, и относился к ней на публике с нарочитым равнодушием. Леннон сказал жене, что он устал от турне, что ему требуется отдых, да и Эпстайну надо составить компанию. Несмотря на ее протесты, Леннон все же поехал в Испанию.

У Питера Брауна нет никаких сомнений насчет того, что произошло между Ленноном и Эпстайном в номере гостиницы, в котором они жили вместе. «Об этом ходили слухи», - уклончиво заявляет Маккартни и ничего не добавляет к предположению, которое сразу же тогда стало предметом

общих разговоров в «семье «Битлз» и за ее пределами. «Мы все знали, что произошло», - говорил Спенсер Мейсон.

О слухах, ходивших за его спиной, Леннону напомнил Боб Вулер. В июне Маккартни отмечал свое 21-летие в Биркенхеде, в доме своей тетки Джинни, которая помогала семье Маккартни после смерти матери. На вечеринке играла группа «The Fourmost», которая недавно подписала соглашение с NEMS, и оркестр, в который входил брат Пола Майкл, изменивший фамилию на Макгир, чтобы избежать разговоров о том, что он пользуется популярностью брата. Выпито было много. Когда Вулер, диск-жокей, игравший главную роль в устройстве «Битлз» в «Каверн», предположил, скорее всего в шутку, что Леннон и Эпстайн более близки, чем то позволяют нравы Ливерпуля, Леннон пришел в бешенство.

«Я измолотил его и поломал ему ребра, - вспоминал Леннон. - Он обозвал меня паршивым гомиком». Если быть точным, то Джон сломал Вулеру три ребра.

Вулер подал на него в суд, и Джон был вынужден уплатить двести фунтов. Это было печальное завершение сотрудничества, очень выгодного для «Битлз». «Боб Вулер был одним из самых первых, кто так много сделал для «Битлз» в самом начале их пути, - говорил Макгир. - Не мог быть совсем плохим человек, написавший в 1961 году, за два года до начала битломании, в газете «Мерсийский бит»: «Битлз» - это настоящий феномен. Думаю, что таких, как они, больше не будет».

Однако команда «Битлз» была уже укомплектована и двигалась вперед, оставляя позади как Вулера, так и сам Ливерпуль. Они переросли этот город. «Нам не хотелось уходить от Ливерпуля, но и возвращаться в него нам уже не хотелось, - говорил Леннон. - Гастроли были хорошим выходом, они давали возможность уехать из него и завоевать новые города. Мы начинали чувствовать, что Ливерпуля нам уже мало». Первым вырвался из Ливерпуля Эпстайн. Он в последний раз распрощался с семейным бизнесом и в октябре переехал с компанией NEMS в Лондон. Там он нанял слугу, заказал красный «роллс-ройс» и поселился в фешенебельном районе Найтсбридж. Квартиру он украсил белым ковром и обставил черной кожаной мебелью. Вскоре за ним приехали и «Битлз», но поселились они не с такой роскошью, доктор Страх строго контролировал их финансы.

Леннон с Синтией и сыном Джулианом сняли довольно скромную квартиру в районе Кенсингтон рядом с Эрлз-Корт. Джордж и Ринго поселились в одной квартире в квартале, куда недавно переехал Эпстайн. Только Маккартни не перебрался в столицу. В мае, вскоре после того, как он с Джорджем и Ринго провел отпуск на Канарских островах, «Битлз»

выступали с концертом в «Роял-Алберт-холл». Там он познакомился с актрисой по имени Джейн, дочерью доктора Ричарда Эшера - известного лондонского психиатра. Мать Джейн была известным профессором музыки и, как оказалось, в свое время обучала игре на гобое Джорджа Мартина, когда тот был студентом лондонской музыкальной школы.

Джейн Эшер уже пользовалась определенной известностью. В возрасте пяти лет она снялась в фильме «Mandy», исполнив роль глухонемой девочки, затем снялась в «Принце и нищем» в постановке Уолта Диснея. Джейн постоянно выступала в телевизионной передаче «Juke Box Jury» и нравилась обоим братьям Маккартни. Она принадлежала к состоятельным слоям общества, что было чрезвычайно важно для социальных амбиций Маккартни. Ей было всего семнадцать, но держалась она уверенно и независимо, как раз такую девушку искал парень из Ливерпуля. Майкл говорил, что она «была очень культурной, а ее говор приводил папу в восхищение». Именно такому говору пыталась научить Пола покойная мать, заставляя его повторять звуки за диктором «Би-би-си». Ко всему прочему Джейн, как все единодушно утверждали, была девственницей, а это имело важное значение для нравов Англии того времени.

После концерта «Битлз» отправились отдыхать в отель «Роял-Корт» на Слоун-сквер в Челси, и Джейн поехала с ними. С того момента Пол и Джейн стали постоянно встречаться, а миссис Эшер вскоре пригласила Пола переехать жить в их большой дом на Уимпол-стрит. Этот переезд имел большое значение для молодого Маккартни. Полу шел двадцать второй год, его манеры были здорово испорчены гамбургским опытом, и до сих пор в нем проглядывали грубые черты провинциала, выходца из среднего класса. Маккартни решил избавиться от этих манер и налета провинциальности, в чем ему с радостью помогала семья Эшеров - интеллигентные, культурные городские жители. Они познакомили Пола с классической музыкой, пробудили в нем интерес к литературе, долго беседовали за столом во время обеда, что было внове для Пола, который привык быстро съесть свою порцию и убежать из-за стола. От случая к случаю Пол стал цитировать поэтов, посещать театр и балет. Так началось развитие и совершенствование его вкусов, интеллектуальное выражение которых нашло место три года спустя в «Sgt Pepper».

Их связь представляла огромный интерес для публики, которая постоянно задавалась вопросом, почему же они не женятся. Так продолжалось до того момента, когда Джейн застала его в постели с другой женщиной и, рыдая, ушла из его жизни, послав потом мать за своими

вещами и посудой. Но в те времена женские рыдания как во время выступлений, так и вне сцены постоянно присутствовали в жизни молодого Маккартни.

Синтия Леннон вспоминала, что связь Маккартни и Дороти Роне закончилась следующим образом: Пол как-то вечером забежал к ней, сказал, что все кончено, и быстро ушел, оставив ее в слезах. Вскоре Пол сошелся с сестрой Рори Сторма Ирис, но и эта связь оборвалась в результате его непостоянства, а Ирис впоследствии вышла замуж за Алвина Стардаста. Пол считался одним из самых завидных в мире женихов и пользовался этим в свое удовольствие.

Джейн пришлось отказаться от карьеры актрисы, о которой она мечтала с детства, так как ей много приходилось ездить. В последние годы их отношений она много времени проводила в Америке с театральной труппой «Олд Вик». Браун говорит: «Пол чувствовал одиночество». Джейн или действительно не знала, какой образ жизни ведет Пол, или делала вид, что не знает этого. Подготовка к окончательному разрыву длилась долго, но когда Джейн застала в собственной постели Пола с другой женщиной, обратного пути уже не было.

До того как произошел этот разрыв, Джейн окружала Пола любовью и заботой, в которых он так нуждался. Маккартни был недоволен ее независимостью, но в самом расцвете их романа он гордился тем, что их видели вместе, гордился настолько, что даже привез ее домой в Ливерпуль, а раньше за ним таких поступков никогда не наблюдалось. Майкл вспоминал, какая суматоха поднялась в доме, когда Пол позвонил из Лондона и сообщил, что привезет Джейн на Фортлин-Роуд. Такую новость трудно было сразу переварить молодому парню и трудяге - торговцу хлопком из Ливерпуля, поэтому, немного придя в себя, они стали дожидаться приезда принца из «Битлз» и его высокопоставленной спутницы.

Конечно, Джейн Эшер стала подарком для неотесанных ливерпудлийцев. Хорошие манеры были ее второй натурой, причем эти манеры включали доброжелательное отношение к людям, которые всегда чувствовали себя с ней свободно. Она сглаживала неприятности, возникавшие у Джима Маккартни и Пола с их многочисленными братьями, сестрами, дядюшками и тетусками, и всегда была желанным гостем во время поездок на север. Но эти поездки оказались не такими частыми, так как наступил этот сумасшедший, безрассудный год, когда Англия была покорена «великолепной четверкой».

«Битлз» все отбросили на второй план - семью, друзей, обычную

жизнь, подружек, детей. Начавшийся относительно спокойно год закончился безумными воплями поклонников, но и это было только начало. Отдыхать было некогда: Эпстайн, решивший заключать контракты на выступление на любых условиях, расписал программу их выступлений на много месяцев вперед.

После гастролей с Элен Шапиро они выступали в концертах с Томми Роу, Бадди Холли, записавшим популярную пластинку «Sheila», и еще с одним американским певцом Крисом Монте, попавшим в хит-парад с единственной песней «Let's Dance». Во время первого же выступления вопли и крики, требующие на сцену «Битлз», нарушили заранее спланированный порядок выступления, подобная картина повторилась и во время турне «Битлз» с Роем Орбисоном, который в отличие от Монте и Роу был настоящей звездой.

Орбисон вспоминал, что «Битлз» просили предоставить им право выступить в конце. «В Европе в конце дается гвоздь программы», - сказал Рой, на что «Битлз» ответили ему: «Ты получишь все деньги, только, пожалуйста, разреши нам выступить в конце». Понимая, что все дело здесь в популярности, Рой согласился. «Я всегда считал, что в Америке они будут столь же популярны, как и в Европе», - говорил он. Отныне «Битлз» стали гвоздем программы. Теперь уже Эпстайну не было необходимости приглашать Литтл Ричарда или кого-нибудь еще, чтобы собрать достаточную аудиторию. Теперь «Битлз» были в состоянии делать это сами.

Затруднения возникли только с могущественным семейством Грейд. Три брата - Лью, Лесли и третий брат, работавший под именем Бернанд Делфонт, - фактически управляли всем шоу-бизнесом в Англии. Делфонт управлял театрами в Уэст-Энде, Лесли был самым влиятельным в стране театральным агентом, а Лью владел независимой телевизионной компанией ATV, представлявшей самое популярное телевизионное эстрадное шоу «Sunday Night at the London Palladium».

Лесли Грейд предложил Эпстайну помощь в организации концертов «Битлз», но Эпстайн отверг это предложение, разозлив его и тем самым закрыв для «Битлз» двери, которые готовы были распахнуться.

Но даже Грейды были вынуждены капитулировать перед охватившей всех истерией. Они были достаточно опытны, чтобы понять, с каким феноменом им пришлось столкнуться, поэтому объявление о том, что 13 октября «Битлз» выступят в телевизионном шоу «Sunday Night at the London Palladium», было встречено улыбками и одобрением. В этот вечер «Битлз» смогли увидеть пятнадцать миллионов телезрителей - почти треть населения страны. Но не телезрители, наблюдавшие дома за выступлением

«Битлз», создали рекламу этому вечеру. Это были толпы беснующихся девиц, окруживших здание студии. Их фотографиями на следующий день пестрели все английские газеты.

Конечно, для красного словца количество девиц было значительно преувеличено, зато информация о «Битлз» не сходила теперь с первых страниц газет.

Спустя три дня Делфонт объявил, что «Битлз» будут участвовать 4 ноября в программе королевского варьете и что программа из зала «Палладиум» будет транслироваться по телевидению. Делфонт объяснил это тем, что «Битлз» понравились его десятилетней дочери. В Англии это считалось высшим успехом, эстрадных исполнителей, и «Битлз» добились этого успеха.

Успех пришел к ним не только в Англии. 23 октября «Битлз» отправились в семидневное турне по Швеции, дали там девять концертов и заработали свыше двух тысяч фунтов. Это было их первое настоящее зарубежное турне, повсюду их принимали восторженные толпы поклонников. По возвращении домой в аэропорту их встречали сотни фанатов. На прилетевшего этим же самолетом английского премьер-министра Алекса Дугласа Хьюма никто даже не обратил внимания. Все, к чему прикасались «Битлз», превращалось в золото если не в прямом, то в переносном смысле.

Пресса и публика теперь пристально следили за ними. Но истории об их «шалостях» с девочками в костюмерных, о жестокости Леннона, о том, как вышибала ансамбля Эванс силой вышвыривал инвалидов, пожелавших увидеть «Битлз», не попадали на страницы печати. Они были легендарными «Битлз», их неблагоприятные поступки и повседневная жизнь тщательно скрывались. Случилось то, чего всегда боялся Леннон, - они стали четырьмя улыбающимися куклами Барби. Теперь им предстояло проверить, свои чары на королевской семье во время выступления в программе королевского варьете. Они обязательно должны были добиться успеха, и они добились его.

Когда Леннон подошел к микрофону, чтобы исполнить «Twist and Shout», он сказал: «Мы хотим попросить вас, чтобы вы помогли нам во время исполнения этой песни. Кто сидит на дешевых местах - хлопайте в ладоши, а остальные, если желаете, побренчите своими драгоценностями». Когда они за сценой репетировали этот «экспромт», Леннон сказал: «Я предложу им потрясти своими паршивыми драгоценностями».

Но, к счастью, он этого так и не сказал. Это был не Гамбург, и они были совсем в другом образе - образе привлекательных молодых людей.

Именно Эпстайн предложил этот новый образ обаятельных эстрадных артистов. Маккартни оценил эту идею и, когда Джон начал возражать, уговорил его. Пол смотрел в будущее, и его надежды оправдались с лихвой. В программе королевского варьете их увидело свыше двадцати шести миллионов человек, они были покорены «Битлз». Газета «Дейли миррор» обозначила это явление одним словом - БИТЛОМАНИЯ.

7 февраля 1964 года «Битлз» рейсом 101 «Пан Америкен» вылетели в НьюЙорк. Маккартни нервничал и всю дорогу, пока самолет находился в воздухе, не расстегивал ремни безопасности. Ему говорили, что в Америке есть все, и тогда Пол спрашивал: «А зачем им нужны мы?»

Они действительно были нужны Америке. Подобно компьютерному вирусу, битломания проникла через мировые телекоммуникационные сети Маршалла Маклухана и почти заразила, словно эпидемия, самую богатую в мире и наиболее охваченную средствами массовой информации нацию. Однако был один неприятный момент, когда сомнения Маккартни, казалось, близки к подтверждению. Самолет приземлился в половине второго дня. «Битлз» первыми шагнули на трап, и их встретила тишина.

Фотограф Гарри Бенсон выходил из самолета пятым, он вспоминает: «Там стояла толпа, которая встречала их, но не та, которую они ожидали увидеть. Эту толпу составляли фотографы, служащие аэропорта и несколько полицейских, и, как могли видеть «Битлз», это было все. А ведь они надеялись увидеть тысячи вопящих фанатов, но их не было». По настоянию Бенсона при спуске по трапу и при вступлении на американскую землю «Битлз» позировали фотокорреспондентам, но в этих четырех лицах, улыбавшихся в объективы камер, чувствовалась какая-то печаль.

Английские артисты никогда не пользовались успехом в Соединенных Штатах, а для Маккартни он имел чрезвычайно важное значение. «Важно везде пользоваться успехом», - сказал он. Однако в этот момент замешательства от неожиданного приема казалось, что «Битлз» ожидает судьба Клиффа Ричарда, чья звезда бесславно закатилась на американском небосклоне четыре года назад.

Забеспокоился даже Эпстайн, чья вера в «Битлз» почти граничила с религией. Американское отделение фирмы ЕМІ «Кэпитл» долгое время отказывалось выпускать пластинки «Битлз», и уговорить та удалось совсем недавно. Чтобы добиться этого выступления в Америке, Эпстайн пошел на такое снижение концертных ставок, при котором казалось, что «Битлз» получают деньги только за размахивание гитарами и волосами. Этой манеры, вызывающей вопли публики, придерживались Леннон и Маккартни. Довольно быстро выяснилось, что Эпстайн снова серьезно недооценил коммерческую стоимость выступлений ансамбля. Но в этом

случае его трудно винить, потому что никто из собравшихся в то зимнее утро в только что переименованном аэропорту «Кеннеди» не мог предположить, что истерия битломании захватит нацию, еще носящую траур по президенту, застреленному в Далласе всего три месяца назад.

Однако в воздухе уже витали признаки надвигающихся событий, и многие усмотрели это. Уолтер Кронкайт, один из старейших ведущих программы американских новостей, в вечерних новостях «Си-би-эс» выступил с рассказом о битломании в Великобритании. Эд Салливан, ведущий самой популярной развлекательной программы американского телевидения, тоже увидел перспективу и сообразил, каким образом может обернуть это себе на пользу. Салливан славился тем, что открывал новые таланты, именно в его шоу появился Элвис Пресли, ставший впоследствии звездой. Кронкайт вспоминал: «У Эда был огромный талант в шоу-бизнесе. Еще не успел я закончить свою передачу о битломании в Англии, как он позвонил мне и спросил: «Кто такие эти четверо?» Я назвал ему имена, и он сказал: «Хочу попытаться заполучить их сюда». Это как раз и было началом будущей поездки «Битлз» в Америку. Я подумал, что до их приезда в Америку пройдет какое-то время. На самом же деле это произошло в исторически короткие сроки».

Однако еще раньше за эту идею ухватился Сид Бернстайн. Бывший управляющий танцевальным залом, он всегда мечтал стать настоящим концертным импресарио. В 1963 году Бернстайн прослушивал курс лекций в Школе социальных исследований в Нью-Йорке. В программу курса входило чтение английских газет. Сид вспоминал: «Из английских газет я узнал о группе из Ливерпуля, наделавшей столько шума. Как импресарио, я подумал, что мне следует взяться за это дело, я интуитивно почувствовал, что это может принести удачу».

Даже не прослушав пластинки с записями «Битлз», Бернстайн связался с Эпстайном, и, несмотря на протесты и сомнения Эпстайна, который сказал: «В Америке нас никто не знает, мы для нее просто пустой звук», был подписан контракт на два выступления «Битлз» в «Карнеги-холл» 12 февраля 1964 года. Когда Салливан узнал, что Бернстайн ангажировал «Битлз» на 12 февраля, он скорректировал свои планы и включил их выступление в свое шоу, назначенное на 9 февраля. Бернстайн вспоминал: «Салливан связался со мной и спросил, слышал ли я вообще записи «Битлз». Я ответил: «Нет, Эд, не слышал, но я следил, за ними по английским газетам и понял, что это просто феномен, поэтому и решил попытать счастья». «Я тоже», - ответил мне Эд».

Сначала Салливан предполагал что у «Битлз» будет просто номер в его

шоу, и Эпстайн пришел в ужас, когда получил такое предложение от продюсера шоу Боба Пречта, зятя Салливана. Эпстайн заявил, что если «Битлз» вообще появятся в этом шоу, то только в качестве основных исполнителей программы.

Конечно, «Битлз» хотелось принять участие в шоу Салливана, потому что это была лучшая телевизионная программа такого рода, но Эпстайн настаивал на самостоятельной программе. В итоге Пречт согласился, что «Битлз» будут гвоздем программы не в одном, а в двух воскресных шоу. Салливан, конечно, рисковал, но не так сильно, как намекал об этом Бернстайну. Будучи опытным бизнесменом, Салливан рассчитал, что если «Битлз» выступят успешно, то он выиграет, а если нет, то он просто представит их как некое новое странное явление, которое решил показать публике.

Эпстайн был очень доволен соглашением. Позвонив в фирму «Кэпитл», заручившись контрактом с Салливаном, он убедил руководство фирмы выпустить пластинку «I Want to Hold Your Hand», сказав, что песня написана в американском стиле. 13 января 1964 года фирма «Кэпитл» выпустила пластинку ограниченным тиражом, а спустя две недели, к великому смущению руководства фирмы, пластинка заняла первое место в хит-параде. В это время «Битлз» выступали в Париже, и эта новость застала их в роскошном отеле «Георг V», в котором они остановились. Они принялись кричать, поздравлять и колошматить друг друга, в этот вечер по номеру Харрисона летали подушки.

Альберт Гоулдман, биограф Джона Леннона, отрицает этот факт драки подушками и говорит, что спокойный и расчетливый Леннон никогда не позволял втянуть себя в такие детские глупости, как драка подушками, за исключением разве что случаев, когда они играли на публику. Однако Гарри Бенсон, знаменитый фотограф «Битлз», не согласен с этим мнением Гоулдмана. Он говорит, что фотографировал молодых ребят, изолированных от общества в силу своей известности. Кроме самых ближайших людей из их окружения и приятельниц, в номерах разрешалось присутствовать только проституткам и девицам легкого поведения. Они находились там с одной, совершенно определенной, простой целью и, выполнив свою задачу, уходили, снова оставляя «Битлз» одних.

«Такая возня, вроде драк подушками, была просто одним из способов разрядки, - говорит Бенсон. - Они часто устраивали такие буйные развлечения, и Пол не уходил спать, а принимал в них участие». Когда начиналась драка, Пол понимал, что фотограф не будет делать снимков, которые могли бы подорвать престиж ансамбля и его собственный

престиж.

Однако спустя три недели, когда их самолет приземлился в аэропорту «Кеннеди», «Битлз» уже не были такими жизнерадостными. Публика, покупающая пластинки, уже оценила «I Want to Hold Your Hand», а теперь ей предстояло оценить самих «Битлз». «Мы все ощущали некоторую подавленность», - вспоминал Ринго. Маккартни говорит: «Никто из нас не чувствовал себя уверенно». Эти несколько минут гробового молчания при их вступлении на американскую землю поколебали даже самоуверенность Маккартни, но это продолжалось недолго.

Нью-йоркская полиция, поднаторевшая в вопросах обеспечения безопасности, загнала всех поклонников «Битлз» в здание аэропорта, и, когда те вошли в зал, их встретил шум, которого они не слышали, сойдя на летное поле с трапа самолета. Более десяти тысяч человек в порыве массовой истерии кричали: «Мы любим вас, «Битлз», да, мы любим вас!», пытаясь при этом прорваться через полицейский кордон. По оценкам корреспондентов, 70 процентов встречавших составляли юноши, и если «Битлз» были для девушек объектом сексуального обожания, то для юношей они были образцом манеры поведения и одежды. Когда «Битлз» шли вдоль полицейских заслонов, девицы впадали в экстаз. Одна из них свесилась с четвертого этажа, ее поддерживали два парня, а она кричала: «Я здесь! Мы вас любим!» Это был самый горячий прием, которого не ожидали даже сами «Битлз».

Свою роль в подобном приеме сыграли и закулисные махинации, проводившиеся за спиной «Битлз». Фирма «Кэпитл» хоть и поздно спохватилась, но все-таки сообразила, что на «Битлз» можно заработать хорошие деньги, и, вдохновленная небывалым успехом пластинки «I Want to Hold Your Hand», распространила бесплатно пять миллионов рекламных афиш и автомобильных наклеек «К нам едут «Битлз», что было частью беспрецедентной программы «завоевания общественного мнения» стоимостью 50 тысяч долларов. Их торговые агенты были прочно связаны с популярными радиостанциями, и влиятельная нью-йоркская радиостанция WMCA перешла на «время «Битлз», передавая поминутно подробности их прилета, употребляя выражения типа «температура тридцать два градуса по «Битлз».

Дело дошло даже до того, что Никки Берна, ответственного за коммерческие вопросы гастролей «Битлз», обвинили в том, что он «создал» толпу встречающих в аэропорту, а на следующий день в газетах появились заметки о том, что учащимся средних школ Бронкса были заплачены деньги за то, что они приехали в аэропорт и кричали, приветствуя «Битлз».

Однако нельзя полностью относить подобный прием на счет ловких рекламных трюков. Нью-йоркские полицейские подсчитали, что вдоль дороги от аэропорта до отеля «Плаза» «Битлз» приветствовали двести пятьдесят тысяч человек, а устроить это было не под силу даже самому энергичному дельцу. Просто Эпстайн вместе с «Битлз» выбрали очень подходящий момент для своих гастролей.

Американская поп-музыка, обескровленная в результате скандала вокруг взяток, который произошел четыре года назад и положил конец карьере диск-жокея Аллана Фрида, внесшего в терминологию поп-музыки понятие «рок-н-ролл», переживала трудные времена. После закрытия фирмы «Сан рекорд», открывшей эпоху рок-н-ролла, в американских хит-парадах стали доминировать кумиры подростков, такие, как Бобби Ви, Бобби Райделл, Джонни Тиллетсон и Фрэнки Эйвелон. Пожалуй, только группа «Бич бойз» с их песнями о калифорнийских морских приboях и длинноногих девушках могла составить конкуренцию свежим мелодиям «Битлз», проникавшим повсюду.

Аллан Гинсберг, поэт-битник и друг Джека Керуака, настолько восхитился, когда впервые услышал «I Want to Hold Your Hand» в ночном нью-йоркском клубе, что встал и пошел танцевать, и это был первый случай, когда Гинсберг танцевал на публике. Джерри Ли Льюис, пребывавший в забвении после своей скандальной женитьбы, был доволен, что на смену ему пришли эти «Бобби и Джонни», как он называл американских певцов, исполнявших грустные песни о человеческой любви. Но, по словам Киллера, все эти певцы «поникли перед «Битлз», как колосья пшеницы перед жнецом».

Внимание американцев к ансамблю привлекала не только их музыка. В аэропорт «Битлз» приехали встречать двести опытных журналистов, намеревавшихся похоронить четырех стилист вместе с их длинными волосами и смешной одеждой, но в конечном итоге они стали хвалить ансамбль. Нью-йоркская газета «Геральд трибюн» охарактеризовала «Битлз» как «семьдесят пять процентов рекламы, двадцать процентов прически и пять процентов ритмичных жалобных песен». Солидная радиостанция WNEW высказалась по-другому. Ведущий диск-жокей радиостанции Уильям Б. Уильямс проиграл несколько тактов пластинки «I Want to Hold Your Hand» и сказал своим слушателям: «Они хотят гладить вашу руку, а многие хотели бы погладить их носы». Но такие противоречивые мнения заглушались шумом других голосов, и все присутствующие на пресс-конференции были очарованы их юмором и нестандартным мышлением.

На пресс-конференции прозвучал вопрос: «Как вы относитесь к организованному в Детройте движению за уничтожение «Битлз»?»

«Мы организовали свое движение за уничтожение Детройта», - с очаровательной улыбкой ответил Пол.

Все рассмеялись. Даже когда ответы «Битлз» были язвительными, они преподносили их так, что вызывали скорее восхищение, чем неодобрение. До этого поп-звезды никогда не вели себя подобным образом. И, как ни странно, именно Ринго - малообразованный ударник, счастливый от того, что попал в состав ансамбля, - именно он в наибольшей степени выражал дух остроумия и простодушной грубости.

Маккартни удивляло, что американцы носились с Ринго, как со знаменитостью, Пол был невысокого мнения о Ринго и достаточно явно выражал свои чувства по отношению к нему. Гарри Бенсон относил это на счет социального честолюбия Маккартни, недолюбливавшего грубые уличные манеры Ринго. Питер Браун считает, что в основе этой неприязни лежало главным образом образование Ринго. Однако Браун настаивает на том, что, как бы там ни было, именно Ринго принадлежит значительная доля успеха «Битлз» в Америке. При первом рассмотрении основной троицы ансамбля такая точка зрения не лишена смысла.

Леннон и Маккартни писали песни, и, когда Америка окончательно разобралась, кто есть кто из «Битлз», Леннон в глазах американцев выглядел бунтарем. Харрисон считался стержневой фигурой в ансамбле, а Маккартни - наиболее симпатичному, наиболее талантливому и дисциплинированному - было моментально присвоено прозвище «звезда» (к его великому удовлетворению).

Ринго выглядел наименее значительной фигурой в ансамбле - новый человек, часто остающийся за спинами остальных «Битлз», не имевший большого количества поклонников в Англии. Однако американцы полюбили этого худенького, похожего на беспризорника парня, и Ринго, почти забытый теперь, тогда был для них самым популярным участником ансамбля.

С точки зрения долговременного успеха группы наиболее важным является тот факт, что Ринго играл роль связующего между остальными участниками ансамбля. Свою точку зрения на роль Ринго Браун иллюстрирует примером из пресс-конференции, где один агрессивно настроенный репортер обвинил «Битлз» в том, что они просто представляют собой четыре копии Элвиса Пресли. Харрисон, как всегда, «самый тихий», стоял молча, Леннон оцетинился внешне, Маккартни, стоявший ближе всех к микрофону, потерял дар речи от обиды, и, пока Пол

приходил в себя, к микрофону подошел Ринго.

Да, сказал он, так оно и есть, и нарочито вульгарно завихлял бедрами, а остальные послушно последовали его примеру. Это произвело забавное впечатление, и напряженная ситуация, приведшая в замешательство добропорядочного Маккартни и выведшая из себя язвительного Леннона, была благополучно снята. Суровые уроки, полученные Ринго на улицах Дингла, где юмор был последним рубежом обороны, принесли свои необычные плоды.

Но если Ринго был смешным клоуном, то Маккартни по-прежнему оставался инспектором манежа, превращавшегося уже в международный цирк. «Маккартни был настоящим «битлом», - говорит Гарри Бенсон. - Он представлял себе образ, который хотел продемонстрировать, был одним из тех, кто всегда играл на публику». Подобная готовность всегда изменять свое поведение в угоду публике привела к тому, что его стали обвинять в лицемерии, но Бенсон уверяет, что «это было лучше, чем вообще ничего не делать, как очень скоро решил поступать Леннон».

Именно Маккартни всегда с желанием позировал фотографам, которые могли заплатить за это приличную сумму, всегда старался произвести благоприятное впечатление на влиятельных людей, от которых зависела судьба ансамбля. В узком кругу Маккартни мог быть грубым, даже высокомерным, но во время публичных выступлений Пол всегда был очень учтивым и почти «подобострастным». На репетициях программы шоу Салливана Маккартни превзошел в вежливости самого себя. Бенсон вспоминает: «Он все время повторял: «Мистер Салливан, сэр». Опытный в шоу-бизнесе человек, Салливан, как, впрочем, и все остальные, был очарован «Битлз». Но к этому времени он, конечно, уже понимал, что открывает новую эпоху в попмузыке.

Отель «Плаза», в котором остановились «Битлз» (к большому неудовольствию владельцев отеля, которые думали, что у них останутся четыре английских бизнесмена), был осажден толпой вопящих поклонников. Все радиостанции подхватили пример WMCA и почти поминутно передавали записи «Битлз». Диск-жокей радиостанции WINS Мюррей Кауфман, назвавший себя «пятым из «Битлз», сумел пробраться в отель «Плаза» и вел передачу прямо из номера «Битлз», что позволило ему впоследствии завоевать наивысший рейтинг.

Этот водоворот захлестнул и Салливана, который получил заказ на 50 тысяч билетов, и это при том, что зал, из которого транслировалось шоу, вмещал всего семьсот человек. Салливан самоуверенно заявил, что подобный ажиотаж происходит благодаря публике, которая смотрит его

шоу. Он зачитал «Битлз» приветственную телеграмму от Элвиса Пресли (на самом деле «король» рок-н-ролла не имел отношения к этой телеграмме, она была послана в целях рекламы его менеджером «полковником» Паркером) и сказал: «Теперь слово за Америкой».

И Америка сказала свое слово. Около семидесяти трех миллионов человек - крупнейшая в истории телевизионная аудитория - смотрели в тот вечер в программе «Си-би-эс» выступление «Битлз», исполнявших «All My loving», «Till There Was You», «She Loves You», «I Saw Her Standing There» и «I Want to Hold Your Hand».

«Битлз» сами выбрали песни для выступления. «Брайан никогда не вмешивался в их музыкальные дела, - говорил Питер Браун. - Брайан говорил им, какие песни, с его точки зрения, будут пользоваться популярностью и какие песни хотят получить компании звукозаписи, но окончательное слово в определении репертуара всегда оставалось за «Битлз». Они сами очень хорошо во всем разбирались, потому что играли вместе долгое время и знали, что и где лучше всего исполнять».

Реакция на выступление «Битлз» превзошла все ожидания. «Я думал, что «Битлз» провалятся в Америке, и был удивлен встречей, которую им устроили. Однако я ошибся», - сказал Фрэнк Синатра. Да, он ошибся, да еще как. Второе шоу транслировалось из Майами спустя семь дней, и предыдущая рекордная цифра телезрителей, была побита - в этот раз их смотрели семьдесят пять миллионов зрителей. Ставка Салливана на «неизвестную» английскую группу в денежном выражении превзошла все самые смелые ожидания постоянных участников шоу, они не рассчитывали на это даже тогда, когда Эпстайн настойчиво требовал, чтобы «Битлз» выступали в шоу только в качестве основных исполнителей.

Финансовые аспекты гастролей «Битлз» были менее впечатляющими. Эпстайн попытался влезть в процесс подготовки шоу» но Салливан не позволил ему этого. Когда Эпстайн сказал: «Я хочу точно знать, какими словами вы будете представлять ансамбль», Салливан ответил ему: «Я предпочел бы, чтобы вы удалились». А когда дело дошло до денег, то Эпстайна просто обобрали. Салливан согласился на приезд «Битлз» в США, но это не стоило ему ни цента, так как билеты им в качестве «рекламной благотворительности» предоставила компания «Пан Америкен». Непосредственная плата за выступления была смехотворной - по три с половиной тысячи долларов каждому за два выступления плюс три тысячи долларов за запись. «Это был тот минимум, который мы платили даже совсем неизвестным исполнителям», - сказал Пречт.

Концерты, организованные Бернштейном, добавили еще семь тысяч

долларов, но если учесть, что реальные расходы на гастроли составили около пятидесяти тысяч долларов, то «Битлз» потеряли на этом более тридцати тысяч долларов - огромная сумма для ансамбля, который еще несколько месяцев назад был счастлив получать тридцать фунтов за вечер. Но деньги никогда не были сильной стороной Эпстайна. Только его нюх импресарио в сочетании с композиторскими способностями Леннона и Маккартни и стремлением Маккартни к театрализации шоу-бизнеса позволил создать феномен «Битлз». Тогда, на рассвете битломании, казалось, что Эпстайн может достичь очень многого. Если Том Паркер целиком посвятил себя Элвису Пресли, то Эпстайн, по примеру Ларри Парнса, набрал себе целую команду исполнителей.

У NEMS был подписан контракт с группой «Gerry and the Pacemakers» которая заняла первое место в хит-параде с песней «How Do You Do It», с той самой песней, которую отказались записывать «Битлз». А далее следовал еще ряд исполнителей, включая Билли Крамера и Присциллу Уайт - бывшую гардеробщицу из клуба «Каверн», которая как-то напросилась спеть на сцене клуба вместе с «Битлз» и с которой Эпстайн немедленно подписал контракт, дав ей псевдоним Силла Блэк. (Вик Хьюз, ударник группы «Blackwells», считает, что именно Маккартни убедил Эпстайна заключить с ней контракт, так как «симпатизировал» ей. Однако если быть честным, то больше никто не разделяет этого мнения Хьюза.) В команде Эпстайна был также брат Джейн Эшер Питер - выпускник Кембриджа, который пел в дуэте «Питер энд Гордон». Все подопечные Эпстайна, исполнявшие песни Леннона и Маккартни, занимали довольно высокие места в хит-парадах. И если Парнс успешно осуществлял свою деятельность в Великобритании, то Эпстайн делал это и за ее пределами.

Однако когда дело касалось денег, то у Эпстайна не хватало ни средств, ни опыта, ни «нюха». NEMS была компанией, известной успехами своих исполнителей в хит-парадах, но чрезвычайно некомпетентной в плане ведения своих дел. И если сделку с Салливаном можно как-то оправдать тем, что она дала возможность «Битлз» предстать перед громадной аудиторией телезрителей, то другим глупым поступкам Брайана, в результате которых на ветер улетали миллионы фунтов, нет никакого оправдания. Все «Битлз» должны были стать миллионерами уже после нескольких недель их первых гастролей в Америке, но не стали. Потребовалось много лет и масса судебных разбирательств, чтобы обеспечить их финансовую безопасность, которой они по праву своего таланта должны были бы обладать уже в самом начале своей карьеры. За четыре месяца до поездки в Соединенные Штаты Эпстайн заключил

соглашение с компанией «Юнайтед артистс» о съемке трех фильмов с участием «Битлз». Режиссер Уолтер Шенсон, специально нанятый для съемок этих фильмов, пришел к Эпстайну вместе с Бадом Оренстайном - директором английского отделения «Юнайтед артистс». За первый фильм они предложили «Битлз» гонорар двадцать пять тысяч фунтов плюс процент с проката. Шенсон вспоминал: «Эпстайн согласился на это, и тогда мы спросили его: «Мистер Эпстайн, какой процент с проката фильма вы считали бы справедливым?» Брайан подумал несколько минут и ответил: «На меньшее, чем семь с половиной процентов, я согласиться не могу». Представители «Юнайтед артистс» опешили, ведь они были готовы предложить двадцать пять процентов. За эту же цену «Юнайтед артистс» также приобрела права на записи песен из фильма (что непонятным образом забыла включить в контракт фирма EMI). Ошибку этого соглашения усугубил еще тот факт, что по контракту все права на фильмы через пятнадцать лет переходили к Шенсону.

Еще более ярким примером некомпетентности Эпстайна являлись его коммерческие контракты. Не зная и даже не пытаясь выяснить величину ставок от прибыли, Эпстайн поручил вести все переговоры своему новому лондонскому адвокату Дэвиду Джейкобзу, который, как и Эпстайн, был гомосексуалистом. Он оказался самым известным в Лондоне защитником с прочно устоявшейся репутацией человека, который доказывал законность поступков своих клиентов, не раздувая при этом никакого шума. Однако он не был специалистом по контрактам и, в свою очередь, выбрал в качестве формы сделок лицензионные соглашения. Эту работу он поручил симпатичному молодому человеку по имени Никки Берн, чья квалификация заключалась главным образом в том, что он как-то приглянулся Джейкобзу на одной из вечеринок.

Сначала Берн с большой неохотой принял это столь выгодное предложение, позволявшее буквально печатать деньги. Рынок был заполнен товарами с символикой «Битлз», начиная от париков и кончая коробками для завтрака и никто не мог с уверенностью сказать, имеется ли у производителей на это законное право. Берн жаловался: «В то время у Брайана Эпстайна была очень слабая репутация в деловом мире».

И только по настоянию Джейкобза Берн взялся за эту работу. Он создал компанию «Страмсакт», отвечавшую за ведение дел в Великобритании, и дочернюю фирму «Seltaeb» (если читать справа налево, получится «Beatles»), занимавшуюся коммерческими делами в Америке. Когда Джейкобз подписывал с Берном контракт от имени NEMS, он предложил ему самому проставить процент прибыли. Берн впоследствии

вспоминал: «Я поставил первую попавшуюся цифру, которая пришла мне в голову, - девяносто процентов. К моему великому удивлению, Джейкобз даже не задал мне ни одного вопроса. Он думал не о цифре девяносто процентов для нас, а о цифре десять процентов для «Битлз». Джейкобз сказал: «Ладно, десять процентов все же лучше, чем ничего».

Вся глубина финансовой катастрофы дошла до Эпстайна вскоре после появления «Битлз» в шоу Салливана. В день продавалось до тридцати пяти тысяч париков «битлз», а также в большом количестве игрушки «битлз», мороженое, маски, покрывала, пирожные, майки. Фирма «Woolworth and JC Penney» начала вести переговоры об открытии отделов «Битлз» в своих универмагах, разбросанных по всей стране.

Когда Берн, воодушевленный приемом «Битлз» в аэропорту, встретился в Нью-Йорке с Эпстайном, он вручил ему чек на девять тысяч семьсот долларов.

«Сколько я вам должен из этих денег?» - спросил Эпстайн.

«Нисколько, - ответил Берн. - Это ваши десять процентов». Это были десять процентов из первых девяносто семи тысяч долларов, уже заработанных Берном на бизнесе, который, по оценке «Уолл-стрит джорнал», к концу года мог вырасти до пятидесяти миллионов долларов.

Эпстайн явно остался доволен. Берн вспоминал, что Брайан сказал ему: «Вы должны работать на меня, Никки. Я буду платить вам тысячу в год». Берн подумал, что он просто шутит. «И вдруг я неожиданно понял, что Брайан просто сумасшедший».

Питер Браун приводит возражения в защиту Эпстайна; «Если вы сейчас собираетесь заняться почти любым видом бизнеса, вы по крайней мере знаете, с чего начать, вы видели, что в этом плане делалось раньше. Но в случае с «Битлз» все, что мы делали, мы делали впервые и поэтому точно не знали, как поступать. Они были ансамблем, исполнявшим рок-н-ролл, и никто не мог себе представить, какое время они будут пользоваться успехом, никто тогда не знал, что «Битлз» станут неотъемлемой частью истории второй половины двадцатого столетия».

Однако Эпстайн был не настолько сумасшедшим, чтобы не понимать, что если «Битлз», и особенно Маккартни, всегда критически относившийся к способностям Эпстайна, узнают, сколько денег он подарил чужим дядям, то его сотрудничество с группой на этом закончится. Маккартни говорил, что «Битлз» играли рок-н-ролл для поклонников, стараясь не превращать свою игру в «обычную работу». Однако, как он сам подчеркивал, они занимались рок-н-роллом и для денег тоже. А Эпстайн просто лишил их нескольких миллионов фунтов.

И Брайан сделал единственное, что он смог придумать, - он ничего не сказал им. В попытке спасти хоть крохи финансов Эпстайн начал сам заключать коммерческие контракты, но, поскольку он не согласовывал свои действия с Берном, получалось, что одну и ту же лицензию получали два, а то и более производителей. Это привело к судебным разбирательствам. Берну и NEMS был предъявлен иск на двадцать два миллиона долларов, но дело до суда не дошло и кончилось полюбовным соглашением, стоившим Берну десяти тысяч фунтов. Еще более опасными оказались расторгнутые контракты на сумму около восьмидесяти миллионов долларов. В последовавшей за этим панике над Эпстайном нависла угроза возмездия.

Эти просчеты Эпстайна стали основой дальнейшего враждебного отношения к нему Маккартни. То, что произошло тогда, Пол называет не иначе как грабеж. Пол слишком разумен и опытен, чтобы допустить повторение подобного, и не хочет, чтобы финансовые неудачи испортили ему остаток жизни.

Маккартни всегда бережно относился к деньгам. Пит Бест рассказывал, что Пол всегда самым последним предлагал сигареты или ставил выпивку. После тех финансовых неудач он стал еще более бережливым, более решительно следил за тем, что принадлежало ему, а иногда считал, что ему причитается больше, чем остальным. Это привело Маккартни в последующие годы к ожесточенным юридическим тяжбам с остальными тремя молодыми парнями, с которыми он был неразлучен в те безмятежные дни, когда мир только заболел битломанией и четверо парней из Ливерпуля, казалось, олицетворяли собой все новое, правдивое и привлекательное.

Обнажились также и непримиримые противоречия его характера, он хотел все делать по-своему, но при этом нравиться остальным. Это привело к тому, что его самые грубые и эгоистичные поступки соседствовали с явно несостоятельными словами одобрения и поддержки. Пол с удовольствием называл Ринго Старра «лучшим в мире ударником», но, когда Ринго уходил из студии, он сам садился за ударную установку и перезаписывал партию ударных. Во время работы над «White Album» Ринго, которого подвергли критике, ушел из ансамбля, и, по свидетельству Питера Брауна, именно Маккартни играл на ударных, по крайней мере, во время записи песни «Back in the USSR». Пол хвалил авторские способности Харрисона, но сотрудничать с ним отказывался. Он говорил, что все в «Битлз» являются партнерами, но одновременно пытался присвоить себе главную роль. Подобные поступки и явились почвой для обвинения его в лицемерии. Самому Маккартни все это представляется в ином свете, при этом он

возражает и говорит, что все, что он делал, он делал не для себя, а только для пользы своей «семьи», своего ансамбля, а позже для пользы жены, детей, целостности и чистоты музыкальных принципов, а с недавнего времени ради защиты животных.

Среди этого многообразия противоречий неизменным оставалась его решимость строго контролировать свои финансы. До сих пор считается, что в самом начале карьеры Маккартни мало интересовали деньги. Однако на заре битломании Пол, как и все остальные, был захвачен неудержимым потоком, суть которого он не мог понять, но, по его собственному признанию, он глубоко сожалеет, что суть этого потока не смог понять и его импресарио. Только Харрисон иногда спрашивал, сколько они зарабатывают и куда идут деньги, но не понимал, что означают получаемые ответы. Маккартни шел всего лишь двадцать второй год, он все еще был ошеломлен тем, что происходит с «Битлз» и с ним самим, и он все еще считал, хотя уже и с некоторыми оговорками, что денежной стороной дела должен заниматься Эпстайн.

Джилл Хауорт говорит: «Он буквально сиял, восхищаясь оказанным им приемом. Пол был ошеломлен, впрочем, так же как и остальные». Джилл Хауорт родилась в Великобритании, в Богнор-Риджис. Она была актрисой. Когда ей исполнилось всего лишь четырнадцать лет, режиссер Отто Премингер пригласил ее сняться в роли молодой узницы концентрационного лагеря в фильме «Исход». Позже она была неофициально обручена с актером Салом Минео, а в феврале 1964 года очутилась в одной компании с Полом Маккартни.

Познакомились они на пресс-конференции в отеле «Плаза», куда Джилл привел ее друг, писавший статьи для одного из музыкальных журналов. Маккартни моментально заинтересовался ею и вскоре с визитом явился к ней домой. «Хотите верьте, хотите нет, но он пришел выпить чашку чаю, - говорит Джилл. - Ему хотелось выпить чашку хорошего чаю, а в отеле он не мог ее получить, поэтому он пришел ко мне домой».

Это был отчаянный поступок. Отель «Плаза» был окружен поклонниками, и Джилл говорит, что «они не могли даже высунуть головы из окна, не вызвав при этом невообразимого шума». Выходя из отеля без охраны, Пол рисковал получить серьезные травмы, но он сделал это. «Он приехал на такси, - говорит Джилл, - а выходя из отеля, закутал голову шарфом».

Однако тщательно разработанный план сорвался. Джилл дома не оказалось, она в это время ехала к нему в отель «Плаза», поэтому Пол занялся именно тем, за чем пришел, - он пил чай, но не с Джилл, а с ее

матерью Нэнси. По-настоящему Джилл с Полом встретились только в Майами, куда она приехала к нему во время второго шоу Салливана.

Джилл вспоминает: «Пол позвонил и спросил: «Хочешь приехать?» Я ответила, что хочу. Он оплатил поездку или кто-то еще, я не знаю, знаю только, что я не платила». «Битлз» остановились в Майами-Бич в отеле «Бьювилл», а Джилл в целях предосторожности поселилась в другом отеле. «За мной приходила машина, которая отвозила меня в их отель», - рассказывает Джилл. Оставаться наедине им было довольно сложно. Во-первых, «Битлз» жили по двое в комнатах, и Пол обычно делил комнату с Харрисоном, а во-вторых, у Маккартни в Англии осталась девушка - Джейн Эшер, и он не хотел, чтобы их дружба с Джилл стала достоянием камер вездесущих фоторепортеров. Но, несмотря на эти трудности, они стали близкими друзьями. «Он был обаятельным, очень обаятельным и совсем не нахальным. Я предполагала, что Пол остроумный, но по-настоящему остроумным оказался Леннон, он из всего делал шутку. А Пол был более спокойным. Он был прелестен».

Во время первого турне по Америке у «Битлз» состоялось три выступления: одно в Вашингтоне на стадионе «Колизеум», вмещавшем восемь тысяч зрителей, и два выступления в знаменитом нью-йоркском «Карнеги-холл». Из-за шума «Битлз» сами не слышали себя, и вообще с того момента они уже никогда не слышали себя во время выступлений перед публикой. Вылазки из отелей, в которых проживали «Битлз», становились все более редкими. В Нью-Йорке Маккартни удалось сходить с Джилл в ночной клуб. Они посетили знаменитый «Пепперминт лонж», который считался местом рождения невероятно популярного в то время танца твист. Участники игравшего там ансамбля «The Epies» надели парики «битлз» и исполняли роли своих знаменитых гостей. В один из других вечеров Маккартни посетил клуб «Плейбой» и покинул его вместе с местной девицей. Мюррею удалось провести через охрану отеля двух певиц из трио «Ronettes» и познакомить их с Ленноном и Харрисоном,

Включая телевизор или просматривая газеты, «Битлз» непременно видели себя, но по мере роста своей славы они ощутили себя пленниками собственной известности. Теперь уже не могло быть и речи с чашке чая с Нэнси Хаурт. Из лимузинов «Битлз» пришлось пересест в бронированные автомобили. Когда они поехали на обед домой к Бадди Дреснеру - сержанту майамской полиции, приставленному к ним для охраны, они выбрались из отеля в кузове специально для этого вызванного фургона для перевозки мяса.

Вынужденные вариться в собственном соку, они стали

раздражительными. Пытаясь убить время и хоть как-то развлечься, «Битлз» заставляли Ринго звонить в службу сервиса и заказывать все самое дорогое, что приходило им в голову, например лучший коньяк «Реми Мартин». Когда приносили коньяк, они делали несколько глотков и заказывали что-нибудь еще. В отеле «Бьювилл» они звонили управляющему и просили его освободить бассейн, чтобы они могли прийти и поплавать. «Они считали это великолепной шуткой», - говорил Бенсон.

У «Битлз» появился дух какого-то глупого соревнования. Если у кого-то из них появлялась пластмассовая сабля или пушистая игрушка, все непременно хотели иметь такую же. Серьезные споры разгорались из-за девиц, которых допускали к ним в номер. Эпстайн, которого приводила в ужас мысль, что кто-нибудь из «Битлз» может связаться с несовершеннолетней поклонницей и нажить себе крупную неприятность, позволял им общаться только с проститутками. Прежде чем проститутки допускались к «Битлз», их осматривал Мэл Эванс с компанией, и на правах администрации они отбирали самых симпатичных девиц для себя, а потом уже выбирали «Битлз». Особенно это возмущало Леннона, для которого присутствие жены Синтии, ужасавшейся всему происходящему, не было большой помехой для связей на стороне. Он обвинил Эпстайна в том, что им достается «всякий хлам», но Маккартни удалось погасить страсти, и после этого разговора привлекательность их ночных посетительниц значительно возросла.

Возникали споры и более личного плана. Маккартни, который всегда имел собственное мнение на исполнительское мастерство, часто спорил с Харрисоном, критикуя его игру на гитаре и отводя при этом глаза в сторону. Остальные тоже ворчали, поначалу в шутку, а затем уже с раздражением в голосе, обвиняя Пола в том, что на фотографиях он всегда лезет на передний план. Маккартни в свою очередь был недоволен тем, что американская пресса называла Леннона лидером группы «Битлз». Но во время их самого первого интервью на радио, которое они дали 27 октября 1962 года на радиостанции университетского городка в Уирроле, Пол сам заявил: «Джон Леннон является лидером нашей группы». Но это было восемнадцать месяцев назад, а теперь у Маккартни уже вышло несколько пластинок и поэтому подобные заявления американской прессы ему были неприятны. «Он чувствовал себя оскорбленным, - говорит Бенсон. - Джон всегда отрицал это и говорил, что у «Битлз» нет лидера, но наверняка в душе считал иначе. Когда об этом зашла речь, Маккартни замкнулся, поднял бокал, который держал в руке, и стал смотреть сквозь него на свет».

В Майами Маккартни расстроился по другой причине. Через

несколько дней должен был состояться поединок между боксерами Кассиусом Клеем и Сонни Листоном за звание чемпиона мира среди тяжеловесов, и были попытки устроить встречу «Битлз» с Листоном. Однако этот похожий на громадного медведя человек отказался встретиться с «бандой нерях», как он назвал их. Поэтому вместо встречи с чемпионом и фаворитом их отвезли в тренировочный лагерь и представили будущему Мохаммеду Али.

В тот день Гарри Бенсон фотографировал. Он вспоминает: «Клей сразу же взял их в оборот и полностью подчинил себе. Он крикнул: «Ну-ка ложись, дохляки!» - и они все легли на брезент. Затем Клей сказал: «Вы чемпионы мира по песням, да? Правильно, что вы захотели «познакомиться со мной, потому что я величайший чемпион по боксу, которого предстоит узнать всему миру». «Битлз» совсем не хотели знать этого, да и вообще не хотели знакомиться с ним. Они ужасно разозлились».

Когда Маккартни спросили, кто, по его мнению, победит в матче боксеров, он ответил: «Думаю, что Клей, потому что он большой юморист». Пол ответил довольно тактично, так как всегда заботился о своем имидже, но на самом деле он был глубоко убежден, что победит Листон, и ругал Бенсона за то, что тот познакомил их с «проигравшим». Впоследствии Клей уверенно победил Листона, так что по счастливой случайности «чемпионы мира по песням» познакомились именно с тем, с кем следовало.

Путешествие в Вашингтон оказалось не слишком удачным. В Вашингтоне «Битлз» должны были дать свой первый концерт в Америке, в последнюю минуту организованный Эпстайном и его новым американским адвокатом Натом Вейсом в попытке как-то возместить расходы на гастроли. Они предполагали лететь самолетом, но начавшийся снегопад и мысли о том, что при таких обстоятельствах погиб Бадди Холли, вынудили их поменять вид транспорта. По настоянию Харрисона «Битлз» отправились в Вашингтон поездом. По пути всплыл один из любовных грешков Маккартни.

В Гамбурге одна молодая женщина сделала заявление, что Маккартни является отцом ее дочери, и эта история достигла Англии. Английская газета «Дейли экспресс» предложила своему нью-йоркскому корреспонденту Дэвиду Инглишу довести этот факт до сведения Маккартни. Инглиш ехал в Вашингтон в одном вагоне с «Битлз». Самый обаятельный из «битлов» был в отличном настроении, курил, выпивал, общался с сопровождавшими их людьми. Инглиш несколько раз пытался завести с ним разговор, но Маккартни уходил от него, все время повторяя:

«Потом, потом».

Инглиш, в настоящее время редактор «Дейли мейл», был хватким репортером и очень тонко выбрал момент. На вокзале «Битлз» встречала толпа журналистов, и, когда улыбающийся Маккартни ступил на платформу, Инглиш крикнул: «Пол, одна женщина говорит, что у нее ребенок от тебя. «

Маккартни повернулся к Инглишу: «Черт побери, почему об этом надо говорить сейчас?» Инглиш был озадачен.

Это был второй скандал, с которым «Битлз» столкнулись в Америке. В Нью-Йорке Эпстайн устроил в своем номере в отеле «Плаза» вечеринку с платными мальчиками, но один проницательный журналист спустил в подвесном кресле к окну номера фотографа, чтобы подсмотреть, как развлекаются неамериканцы. Впоследствии фотографии были показаны Берну, который незамедлительно их выкупил.

История с незаконнорожденным ребенком тоже не получила продолжения. Как и многие другие инциденты, которые могли бросить тень на образ «великолепной четверки», она была предана забвению. Американская публика хотела видеть «Битлз» незапятнанными, и этого же хотела английская публика. Поэтому пресса, отвечая желаниям своих читателей, предпочитала не замечать их грешки и проступки. «Битлз» наслаждались отсутствием критики в свой адрес, что было правом только королевской семьи. Но они не могли наслаждаться, по крайней мере, пока не могли, теми почестями, которые оказывали тем, кому королевский титул принадлежал по праву рождения.

Брайан Сомервилл, агент ансамбля по связям с общественностью, устроил им приглашение в британское посольство. После приема с шампанским «Битлз» посетили бал, организованный в посольстве. Высокопоставленные служащие посольства с нескрываемым презрением отнеслись к, представителям низшего и среднего класса из Ливерпуля.

«А они и правда умеют писать», - воскликнула женщина средних лет в розовом платье, когда «Битлз» начали раздавать автографы. Но, когда Леннон сказал, что они не смогут дать автографы всем желающим, их окружила группа молодых людей в университетских галстуках, с произношением, как у дикторов «Би-би-си», которые высокомерно заявили: «Сможете и сделаете». А в довершение всего какая-то восемнадцатилетняя поклонница по имени Беверли Марковиц, хитростью проникшая на прием в посольство, достала из сумочки ножницы и отрезала клочок волос у Ринго за левым ухом. Ринго жаловался: «Ужасная компания».

Гарри Бенсон, присутствовавший на этом приеме, вспоминает: «К ним

отнеслись как к шутам». На этот раз уверенность и самообладание покинули «Битлз». Им никогда не приходилось присутствовать на подобных торжественных приемах, и они были выбиты из своей социальной колеи. Бенсон говорит: «Они выглядели очень печальными, казалось, им хочется заплакать, особенно Леннону. Уйти они не могли, хотя и чувствовали себя оскорбленными».

В то время послом Великобритании в США был сэр Дэвид Ормзби-Гор, спустя два дня унаследовавший после смерти своего отца титул лорда Харлека. Этого интеллигентного человека с прекрасными манерами можно было назвать современным аристократом. Лорд Харлек сильно расстроился по поводу того, как посольская публика отнеслась к «Битлз». Впоследствии его дочери Джейн и Элис стали заметными представителями контркультуры, вдохновленной «Битлз». Сожалела о случившемся и жена посла Сильвия (после ее смерти в 1967 году лорд Харлек ухаживал за вдовой президента Кеннеди Жаклин). Когда «Битлз» уходили с приема, Сильвия подошла к ним и извинилась. Она сказала: «Наверное, вам было здесь не очень приятно. Я действительно сожалею об эпизоде в танцевальном зале». Эпстайн умело разрядил эту ситуацию, грозившую перерасти в дипломатический инцидент, написав вежливое, полное благодарности письмо леди Ормзби-Гор. Когда член парламента от консервативной партии Джоун Куэннелл спросила министра иностранных дел, правда ли то, что служащие посольства грубо оскорбили «Битлз», Рэб Батлер смог ответить ей, что совсем наоборот: у него есть письмо от менеджера ансамбля, в котором говорится, что они остались очень довольны оказанным приемом. Однако в частной беседе Эпстайн поклялся, что его «мальчики» больше никогда не будут развлекать официальных лиц, какими бы важными они ни были. Подобная позиция доставила им неприятности на Филиппинах два года спустя.

Однако, несмотря на проблемы, зародившиеся во время поездки, первое посещение Америки имело громадный успех и принесло им славу. Америка, которая всего несколько недель назад вообще не слышала о «Битлз», была очарована музыкой, дерзостью и обаянием четырех молодых ребят из Ливерпуля. Никогда еще в Америке эстрадные выступления не завершались таким триумфом. Предсказание Эпстайна о том, что «Битлз» будут популярнее Элвиса Пресли, оказалось пророческим.

Два последующих года «Битлз» наслаждались своей известностью, проникшей во все уголки земного шара. Их фотографии, словно иконы, были развешаны по стенам спален американских загородных домов и убогих африканских хижин. Их пластинки занимали первые строчки хит-парадов всех стран. Первый фильм «Битлз» «A Hard Day's Night» здорово критиковали, но он имел громадный кассовый успех, и «Битлз» нарекли «новыми братьями Маркс». Их прически и одежда стали модой для целого поколения. «Битлз» принимали президенты и премьер-министры, их песни напевала английская королева, которая наградила их орденом Британской империи. Продолжались гастрольные турне. В австралийском городе Аделаида для встречи «Битлз» на улицы вышло свыше трехсот тысяч человек - самая большая в истории толпа поклонников, встречавших своих кумиров. 4 апреля 1964 года пять песен «Битлз» заняли верхние строчки хит-парада, а еще семь песен оказались в списке ста самых лучших. Это был беспрецедентный успех, который никому не удалось повторить.

Маккартни нравились гастрольные поездки. «Если я в двадцать четыре года продолжаю оставаться холостяком, то мне, черт возьми, хотя бы ради женщин надо ездить на гастроли», - говорил он.

Во время этих двухлетних поездок по всему миру «Битлз» представляли собой единую картину - индивидуальности каждого из четверых были слиты в один образ. Джон вспоминал: «Мы тогда очень много времени проводили вместе. Все четверо спали в одной комнате, почти на одной кровати, проводили вместе ночи и дни, вместе ели и вместе ходили в туалет. Мы все делали вместе».

Эпстайн был захвачен собственной идеей закрепить это единство, поселив всех вместе в загородных особняках в стиле псевдотюдор, и ему почти удалось осуществить свои замыслы. Леннон вместе с женой Синтией поселились в Уэйбридже, в особняке стоимостью тридцать тысяч фунтов, Ринго с молодой женой Морин поселились по соседству в таком же особняке. Джордж, собиравшийся жениться на манекеннице Патти Бойд, с которой познакомился на съемках фильма «A Hard Day's Night», купил себе бунгало в районе Эшер.

Мечту Эпстайна разрушил Маккартни. Он не хотел иметь ничего общего со смехотворной попыткой Эпстайна воссоздать историю Дж. Барри о Питере Пене и его друзьях, ставших в юности неразлучными.

Спокойная загородная жизнь еще не привлекала Пола, он собирался жить в «веселящемся Лондоне».

Будучи вполне интеллигентным человеком, Пол восхищался интеллектуальной средой, окружавшей его в доме Эшеров, и придерживался принципов, провозглашенных журналом «Тайм»: быть самым передовым и самым привлекательным в мире. Он посещал театры, ходил на концерты, проявлял интерес к современному искусству, пил модный напиток - шотландское виски с кока-колой - в модных ночных клубах, таких, как «Ad Lib» и «Scotch of St. James's», стремился к богатству, как знаменитости вроде Трейра Брауна - наследника Гиннеса и оперной певицы Джоуи Сазерленд. Пол ездил на автомобиле марки «Астон Мартин» и делал покупки у Мини Купера, что являлось привилегией только записной элиты. И когда он впоследствии все-таки купил себе дом, то находился он не в предместье, а в самом центре Лондона - в фешенебельном квартале Сент-Джонз-Вуд.

Оставив других участников ансамбля прозябать на площадках для гольфа в их «чертовом» предместье, Пол почувствовал, что жизнь, как он пел об этом в своих песнях, становится лучше. Казалось, что ушли в прошлое районы с муниципальными домами, смехотворные заработки и социальные ограничения. Казалось, что теперь ему доступно все, он был принцем новой золотой эры, смешавшей аристократов с новыми меритократами [*Меритократ - человек, добившийся успеха благодаря своим способностям*], говорившими с провинциальным акцентом (настоящим или искусственным, как у Мика Джаггера); это была эра, когда знаменитостями становились фотографы, манекенщицы, парикмахеры.

28 августа 1964 года в отеле «Дельмонико» в Нью-Йорке Боб Дилан познакомил «Битлз» и Эпстайна с марихуаной. Когда рок-поэт пришел для знакомства к ним в номер, они вежливо поинтересовались, что он будет пить. «Дешевое вино», - ответил Дилан. Но «Битлз», продолжавшие заказывать в номер все самое дорогое, могли предложить ему только дорогие напитки. Тогда Дилан предложил им покурить травку. «Мы никогда не курили марихуану», - ответил Эпстайн. Дилана это очень удивило. «А как же ваша песня?» - спросил он и пропел строчку из «I Want to Hold Your Hand»: «...и когда я дотрагиваюсь до тебя, то становлюсь все выше и выше...». Джон робко поправил его: «...то я не могу скрыть своих чувств».

На это Дилан ответил ему, что пора бы уже меньше скрывать, а больше возвышаться. Были скручены самокрутки и положены мокрые полотенца у порога запертой двери. После получасовой подготовки Дилану наконец

разрешили прикурить сигарету. Боб протянул сигарету Джону, а тот в страхе передал ее Ринго, возведя его в ранг «королевского дегустатора».

Ринго сделал затяжку и через некоторое время начал смеяться, остальные последовали его примеру.

Маккартни был ошеломлен. «Я думал, я по-настоящему первый раз в жизни думал», - заявил он. Это было началом пагубной привычки, которая впоследствии привела его в тюрьму. Значительное влияние оказала эта привычка и на его музыку, как, впрочем, и на музыку Леннона. Простенькие слова их песен типа «я люблю, она любит» уступили место более сложным и продуманным, как, например, «Элинон Ригби» - грустная история одиночества, навеянная подсознательным воспоминанием об имени, начертанном на памятнике церковного кладбища, где Пол впервые встретился с Ленноном. Конкуренция двух авторов определяется их песнями. Леннон говорил впоследствии: «На мою долю приходится около семидесяти процентов стихов». Маккартни так отреагировал на это заявление: «Он говорит, что тоже писал стихи к «Элинон Ригби». Да, он написал половину строчки».

Маккартни утверждает, что услышал фамилию Ригби в магазине в Бристоле, куда он зашел, ожидая Джейн Эшер с репетиции. А Элинон звали актрису Элинон Брон, которая играла вместе с ними в фильме «Help!». Однако нельзя сбрасывать со счетов и подсознательное воспоминание об имени, начертанном на кладбищенском памятнике. Но каковы бы ни были истоки песни «Элинон Ригби», она была значительным шагом вперед по сравнению с «I Want to Hold Your Hand». А когда в ход пошли психоделические компоненты ЛСД в сочетании с вдохновением, почерпнутым из поэтического творчества Дилана, песни «Битлз» обрели новое звучание, давшее направление в искусстве и культуре целому поколению.

Маккартни говорил: «Мы слышали, что Эллингтон и другие ребята из джаза понемножку покуривают марихуану, и вот теперь она пришла в нашу музыку. Это окрасило общие ощущения. Мы стали осознавать, что перед нами не так много препятствий, как мы себе представляли, и мы в состоянии их разрушить».

Но одно оставалось неизменным - это способность Маккартни сочинять прекрасные мелодии. Он говорит: «Я разработал систему сочинения песен Маккартни. Когда у меня хорошее настроение, я беру в руки гитару и чувствую себя счастливым. Затем я перебираю различные аккорды и нахожу начальные аккорды новой мелодии. Простота - самая лучшая вещь».

Песня Маккартни «Yesterday» гениальна в своей простоте. По словам Пола, она «выпала из кровати» в доме Эшеров на Уимпол-стрит. «Рядом с кроватью стояло пианино, и, наверное, мне приснилась эта мелодия, потому что, когда я выскочил из постели и положил руки на клавиши, мелодия уже была у меня в голове. Она была там вся, полностью». И сам Маккартни, у которого мелодии выскакивали словно с конвейера, был удивлен этому. «Эта мелодия пришла ко мне так легко... я не мог в это поверить». Он до сих пор не верит в это. «Я не мог поверить, что это сочинил я, и подумал, что, наверное, слышал ее раньше. Несколько недель я наигрывал аккорды мелодии разным людям и спрашивал их: «Она похожа на какую-нибудь мелодию? Мне кажется, что это я сочинил». И все отвечали мне: «Нет, не похожа, но она очень хорошая».

Рабочее название песни было «Яичница». Когда он исполнял эту песню в доме Элмы Коуган, знаменитой певицы 50-х годов, чьей дружбы Пол добивался, он напевал: «Яичница, о, как я люблю твои ноги...» «Я написал эту песню, когда мне было двадцать четыре, и это самая законченная вещь, которую я когда-либо написал. Она очень легко запоминается и не надоедает». (На самом деле Пол написал эту песню в двадцать два года. Она была записана в студии на Эбби-Роуд 14 июня 1965 года, то есть за четыре дня до того, как ему исполнилось двадцать три.)

Обычно, чтобы самому осознать, насколько хороша его песня, Маккартни требовалась положительная оценка окружающих. Он никогда не оценивал достоинства своих песен, похоже, что он просто не в состоянии это делать. Они рождаются у него буквально в считанные минуты - или он просыпается с готовой в голове мелодией, или срочно необходима еще одна песня для альбома. Питер Браун говорит: «Поскольку он такой плодовитый, его не слишком заботит качество мелодии. Он записывает ее - и все, он уже сочиняет новую».

Многие песни, в которых явно звучал стиль Маккартни, подправлялись и подшлифовывались, и главная роль в этом принадлежала Леннону. Маккартни всегда беспокоило мнение Леннона, что значительно улучшало качество его песен. Пол боялся насмешек со стороны своего партнера, поэтому много работал, стараясь их избежать. Питер Браун вспоминает: «Это не были отношения мастера и ученика, но, если Леннону что-то не нравилось, он всегда говорил об этом Маккартни. Они не ругались, во всяком случае, на этой почве, это были главным образом случайные намеки, саркастические взгляды, различные предложения. Леннон предлагал свой вариант или брал тему, предложенную Маккартни, и продолжал ее».

Подобные поправки значительно улучшали качество песни. Примером этого может стать песня «I Saw Her Standing There». Пол написал ее в гостинной на Фортлин-Роуд в один из дней, когда прогуливал школьные занятия. Первоначально текст звучал так: «Ей было всего семнадцать, она была королевой красоты». Именно Леннон заменил строчку «она была королевой красоты» строчкой «ты понимаешь, что я хочу сказать», и песня зазвучала по-другому.

В песне «Yesterday» не потребовалась помощь Леннона, но потребовалось мастерство Джорджа Мартина, чтобы придать ей правильное звучание. Он решил, что это не та «битловская» песня, которая должна исполняться в сопровождении гитар и ударника, поэтому для ее записи был приглашен струнный квартет. Мартин говорил: «При записи «Yesterday» мы впервые пригласили других музыкантов и использовали другие инструменты. Это был поворотный момент, после которого «Битлз» стали отходить от стереотипа использования всего четырех инструментов и стали экспериментировать в этой области».

Маккартни так оценивает музыкальную сторону своих песен: «Хитами становятся песни, о которых не думаешь, что они будут хитами, такие, например, как «Yesterday» и «Mull of Kintyre». Я даже записывать их не собирался».

Пластинка «Mull of Kintyre» была продана в Англии таким тиражом, каким никогда до нее не продавалась ни одна пластинка. 13 сентября 1965 года в Америке вышел сингл «Yesterday», который четыре недели занимал верхнюю строчку хит-парада. Эту песню исполняли две с половиной тысячи певцов, включая Фрэнка Синатру, Лоу Ролза, Рея Чарльза, а также другие, менее популярные, например калифорнийский дуэт Жан и Дин, что сделало песню самой исполняемой в истории поп-музыки. По радио ее передавали свыше пяти миллионов раз, что на два миллиона больше любой другой песни. Она произвела большое впечатление даже на Леннона. «Отлично, хорошая песня. Прекрасно сделана, великолепно», - сказал он.

Однако популярен был не только Маккартни, «Битлз» еще не превратились в группу из одного человека. Ринго, без сомнения, был звездой фильма «A Hard Day's Night», его располагающая естественность совсем отвлекла внимание от скованной игры Маккартни.

Леннон наслаждался большим успехом своей книги «In His Own Write» («Написано им самим»), название для которой предложил Маккартни. Леннон написал ее в стиле Льюиса Кэрролла. В литературном приложении к газете «Таймс» было предложено изучить эту книгу тем, «кто боится оскудения английского языка». Однако Маккартни считал,

что книгу хвалят слишком сильно, и он был прав. Пол вспоминал: «Джону сказали, что его сравнивают с Джеймсом Джойсом [*Джеймс Джойс - английский писатель, основатель стиля «поток сознания»*], а Джон спросил: «А кто это? Ведь в школе мы этого не проходили». Не проходили этого в школе Леннон, Ринго и Харрисон, а Пол занимался английским по расширенной программе, и в работе над книгой он помогал Леннону. Однако Пол утверждает, что не завидовал литературной славе Джона.

«Мы не завидовали друг другу, любой из нас был не менее популярен, чем остальные», - настаивает Пол.

Теперь они были популярны. Они стали старше, разница в возрасте сгладилась, и Пол больше не испытывал того благоговейного трепета перед Ленноном, который он ощутил при их первой встрече. Когда ансамбль не находился на гастролях, Пол с петушиной самоуверенностью повзрослевшего ребенка вел свою, отличную от «семьи» жизнь. Ансамбль оставался для него главным, но теперь уже не единственным интересом в жизни.

Его подруга Джейн Эшер была представителем совсем другой социальной среды, и она, по словам Синтии Леннон, «в значительной мере подталкивала амбициозные замашки Пола». Маккартни начал окружать себя атрибутами, подчеркивавшими его новый статус. Он открыл счет в банке «Куттс», услугами которого пользовалась королева, на день рождения Джейн заказал торт из Парижа «от Максима». За сорок тысяч фунтов Пол приобрел дом на Кавендиш-авеню в фешенебельном квартале Сент-Джеймз-Вуд, нанял супружескую пару в качестве домоуправительницы и дворецкого, завел английскую пастушью собаку по кличке Марта. Полы в доме были застланы пушистыми серыми и коричневыми коврами, стены главной ванной комнаты были отделаны импортным кафелем, громадной ванны вполне хватило бы для двух человек. Посуда была «от Тиффани», покрывала на кровати менялись каждый день. Однако домашняя жизнь для Пола и Джейн, которая к счастью декоратора, не жила там постоянно, была не такой уж прекрасной, какой могла бы быть.

Дом пропах кошачьей мочой, сад позади дома был без присмотра, и все росло там как попало. Вдохновленный юношеской фантазией и порядочными дозами марихуаны, Пол решил построить в глубине сада куполообразное здание «для медитаций». Предполагалось, что в этом здании Пол с помощью электроники будет подниматься к стеклянной крыше. Но дальше подготовительных работ дело не пошло, и главным образом потому, что Маккартни не прислушивался к профессиональным советам. Потом его планы изменились, что привело в замешательство

подрядчиков, а когда Полу был выставлен счет в семь тысяч фунтов (ежегодная заработная плата состоятельного человека в середине 60-х годов), он впал в истерику. Это строительство было безрассудством в стремлении Маккартни «обуржуазиться», но он на этом не остановился.

По настоянию Джейн он приобрел сто восемьдесят три акра земли и ферму в Шотландии рядом с мысом Кинтайр. Благополучие Маккартни позволило ему теперь вращаться в совершенно ином кругу людей, которые были гораздо известнее и образованнее тех, с кем Пол общался в Ливерпуле и в Гамбурге.

Подобно своим родителям, Маккартни никогда не заводил близких отношений с теми, кто не принадлежал к «семье». Но если он с неохотой шел на какие-то эмоциональные уступки, необходимые в настоящей дружбе, то по-прежнему с удовольствием общался со знаменитостями и старался превозносить их, делая это иногда к неудовольствию людей, считавшихся ему близкими. Режиссер Уолтер Шенсон вспоминает об обеде с Маккартни: «На этом обеде оказалась оперная певица Джоун Сазерленд, и Пол сразу переключил свое внимание на звезду. Весь остаток обеда он игнорировал Шенсона, его жену и Джейн».

Но как бы ни раздражало преклонение Маккартни перед знаменитостями, оно иногда давало свои преимущества. Именно Пол всегда готов был с кем-либо встретиться и произвести благоприятное впечатление. Такой случай произошел, когда «Битлз» приехали в Рим. В том же отеле, где они остановились, отдыхал Ноэль Кауард, который сообщил Эпстайну, что хочет познакомиться с «Битлз».

Эпстайн очень обрадовался предстоящей встрече со знаменитым драматургом и был буквально ошеломлен, когда Леннон заявил, что ему неинтересно встречаться с «этим старым гомиком». Ринго и Харрисон согласились с Джоном. Пол, обеспокоенный нежелательными последствиями этой выходки, быстро согласился пойти в номер к Кауарду, где, как всегда, был общительным и обаятельным. Кауард заявил, что очарован Маккартни, и попросил его передать остальным поздравления по поводу их международного успеха.

Драматург прекрасно понимал, что ему нанесено оскорбление. «Мне хотелось передать им, что они просто плохо воспитанные маленькие засранцы», - писал Кауард. Однако внешние приличия были соблюдены, и главная заслуга в этом принадлежала Маккартни.

Через всю свою жизнь Пол пронес стремление продвинуться вверх по социальной лестнице. Он стал общаться с богатыми молодыми людьми, наиболее, известным из которых был Тэйр Браун - двоюродный брат главы

клана Гиннессов, граф Айви. Симпатичный богатый молодой человек владел магазином модной одежды в Челси, и вскоре Маккартни стал покупать себе одежду в этом магазине.

«У Тэйра был потрясающий вкус, он считался вым франтом Лондона, и Маккартни подражал его примеру», - говорит ирландский виконт, семнадцатый лорд Горманстон, который знал обоих и принимал участие в их гулянках.

В сопровождении своей матери Уны, леди Оранмор и Браун, Тэйр, будучи подростком, объездил весь мир и повидал столько, сколько иной человек не мог повидать за всю жизнь. У него были поистине аристократические замашки. Рассказывают, как в отеле «Клариджес» он в возрасте четырнадцати лет отругал официанта за то, что тот принес недостаточно холодную минеральную воду.

«Тэйр был очень спокойным, неторопливым, уверенным в себе, Маккартни заинтересовался им больше других», - говорит Николас Горманстон.

«Битлз» стали частыми посетителями дома Брауна в аристократическом квартале Белгрейвия. Там они курили марихуану, слушали музыку, смотрели порнографические фильмы. В это время широкое распространение получили наркотики, и Браун находился в авангарде этого течения. В его доме гостям всегда предлагались наркотики. Маккартни попробовал предложенный кокаин, но отказался от ЛСД. В компании Брауна был и Майкл Холингзхед - «человек, открывший мир», который первым познакомился с галлюциногенным наркотиком доктора Гарвардского университета Тимоти Лири. Но даже не глотая пропитанные наркотиком кусочки сахара, лежащие на кофейном столике, Маккартни был заражен психоделией - его заражали начинавшая появляться в Лондоне новая одежда, новые цвета, музыка андерграунда, и ведущим пропагандистом всего этого нового был Браун.

Леннон тоже попал под влияние молодого аристократа. Браун владел конторой по продаже спортивных автомобилей в Драйтон-Гарденз в Кенсингтоне, один из его личных автомобилей марки «АС Кобра» был выкрашен в психоделические цвета. На Маккартни произвело большое впечатление подобное действие молодого богатого хиппи, и на Леннона тоже. Когда Пол рассказал Джону об «АС Кобра», Джон моментально перекрасил свой «роллс-ройс» в такие же цвета.

Дружба между Маккартни и Брауном длилась около года. «В Маккартни было много привлекательного и он хорошо вписывался в компанию Брауна», - говорит лорд Горманстон. Пол даже познакомил

Брауна со своим отцом, и старший Маккартни был просто ошеломлен, узнав, с кем водит дружбу его сын.

После покорения «Битлз» Америки, Пол предложил Джиму Маккартни бросить работу. «К нашему удивлению, отец согласился», - вспоминал Майкл Маккартни. За восемь тысяч семьсот пятьдесят фунтов Пол купил отцу с братом дом с тремя ванными комнатами в курортном живописном местечке Хесуолл в графстве Чешир. Джиму всегда очень нравилось это место, но у него не было возможности поселиться там. Старший Маккартни уезжал из дома на Фортлин-Роуд поздно вечером. «Не надо привлекать внимания, сынок», - так он объяснил свои действия. Новый дом назывался «Рембрандт», он был роскошен и резко контрастировал с той относительной бедностью, в которой они жили раньше.

Маккартни был частым гостем в «Рембрандте», именно такой дом всегда мечтала иметь его мать. Пол наслаждался домашним уютом, который этот дом символизировал: живописный вид, сад, воскресные завтраки вместе с отцом в лучшем в округе трактире. Иногда, правда, сюда приезжали на машинах из Лондона Браун и другие знакомые Пола, и не всегда они приезжали в лучшем виде. Как-то раз группа гостей по пути к Маккартни остановилась возле «психоделического центра» Холингзхеда на Понт-стрит в Белгрейвии, чтобы запастись на дорогу ЛСД. В машине вместе с ними была восточноевропейская овчарка, и уже на автостраде Лондон-Йоркшир кому-то в голову пришла блестящая идея угостить наркотиком собаку. Ей дали кусочек сахара с ЛСД, и собака моментально ошалела. Автомобиль с перевозбуждившимися людьми и ошалевшей собакой прибыл на Баскервил-Роуд, откуда открывался вид на реку Ди и холмы Северного Уэльса.

И если Джим Маккартни и подозревал, в чем здесь дело, то никогда не подавал виду. Когда они курили свои «сигаретки», он наслаждался прекрасной гаванской сигарой «Монте-Кристо». «Казалось, что он всем доволен и очень гордится своим знаменитым сыном», - говорил лорд Горманстон.

Похоже, что сын разделял спокойное отношение отца к происходящему. «Пол всегда был очень вежлив и учтив», - вспоминает лорд Горманстон. Но даже при таком поведении Пола в нем чувствовалось что-то особенное. «В отношениях с ним всегда была какая-то неловкость, - говорит лорд Горманстон. - Окружающие видели в нем то, что он хотел, чтобы в нем видели». Та оболочка самообладания, которой окружил себя Маккартни, не исчезала даже во время вечеринок с наркотиками в доме Брауна в Белгрейвии. В конце концов Браун поссорился с Маккартни и

завел дружбу с Брайаном Джонсом из группы «Роллинг стоунз», который «больше подходил» ему.

В 1966 году Браун погиб за рулем спортивного автомобиля марки «лотос». «Битлз» увековечили его память в песне «A Day in the Life», где есть такая строчка: «...его душа отлетела в машине». Браун был блестящим дополнением антуража «Битлз». Прежде всего он был аристократом, что имело важное значение в Англии в то время, и Маккартни льстило его внимание, хотя парень из Ливерпуля никогда не смог бы стать аристократом подобного ранга. Лорд Горманстон говорит: «Маккартни сомневался, является ли Браун членом палаты лордов, а Браун и не был им, потому что он младший сын лорда и его титул подпадал под закон о праве первородства».

К тому времени Маккартни и сам обзавелся титулом. 12 июня 1965 года премьер-министр лейбористского правительства Гарольд Вильсон объявил о награждении «Битлз» орденами Британской империи. Награждение это имело чисто политические цели, хотя в соответствии со статусом ордена «Битлз» вполне заслужили его. Они принесли государственной казне миллионы долларов - гораздо больше, чем заработали для себя, платя неимоверно большие налоги. Леннон в связи с этим говорил: «Если бы кто-нибудь получил награду за то, что принес казне миллионы долларов, экспортируя удобрения или машины, то все бы аплодировали этой награде».

Но не все аплодировали этой награде «Битлз». Некоторые люди, ранее награжденные этими орденами, возвращали их в знак протеста. Среди них было несколько офицеров, которые сделали это в ответ на замечание Леннона, что военные награждались «за убийство людей». Леннон также сказал: «Мы получили свои ордена за то, что развлекали людей, и я думаю, что мы более достойны этой награды».

Не избежал критики в свой адрес и Вильсон. Но его обвинили не в преувеличении заслуг «Битлз», а в циничной попытке заручиться на будущее голосами впечатлительного подрастающего поколения.

Леннон, презиравший классовую структуру английского общества, довольно неохотно согласился принять подобную честь, а Маккартни, как это и предполагалось, был в восторге. После церемонии награждения, состоявшейся 26 октября, Пол сказал, что королева была «похожа на маму», а Букингемский дворец он назвал «роскошным жилищем».

Во время церемонии награждения кто-то поинтересовался у «Битлз», испытывают ли они волнение, на что Леннон ответил: «Во всяком случае, не такое сильное, как все остальные». Причиной такого спокойствия были

сигареты с марихуаной, которые они спрятали в свои ботинки и выкурили в туалете в ожидании приема у королевы. Даже в такой ответственный момент Леннон пытался состроить рожки из двух пальцев людям, поздравлявшим их, но делал он это только тогда, когда был уверен, что никто из посторонних этого не заметит, - словно шаловливый ученик, показывающий язык за спиной учителя. Но все-таки Джон сохранял тот образ, который тщательно создали ему Эпстайн и Маккартни и который он так ненавидел. Успех «Битлз» в значительной степени зависел от этого образа, что доказали гастролы в Америке. Впоследствии скандал с наркотиками оборвал их карьеру в Северной Америке, но даже Леннон, который всегда был недоволен, что его втискивают в определенные рамки, не рисковал отказываться от этого образа.

Однако, несмотря на общественное признание, колосс битломании начинал потихоньку крошиться. «Битлз» нравилось выступать перед живой аудиторией, Маккартни возбуждали крики подростков, приветствующих их появление на сцене. Он говорил: «Тогда мне это нравилось, но иногда появлялось ощущение, что наши выступления похожи на футбольный матч, публика приходила просто поболеть за нас, а молодые девушки выражали свою поддержку громким визгом. Кто-то однажды сказал: «Наверное, публика возбуждена наркотиками, потому что музыки-то вашей они не слышат». Иногда это было и хорошо, что они не слышали, так как моментами мы играли очень плохо».

Даже Маккартни начал ощущать, что их выступления превращаются в изнурительную работу, а Харрисон называл это просто кошмаром. Города мелькали в бессмысленном водовороте, они сидели взаперти в своих номерах в отелях, потом выскакивали из них и спешили на сцену, и не успевали еще стихнуть неистовые вопли поклонников, как «Битлз» исчезали со сцены и вновь летели куда-нибудь на очередное выступление. Сквозь вопли поклонников они не слышали собственной игры, а затем и перестали прислушиваться. Иногда Леннон вместо стихов кричал в микрофон какие-нибудь непристойности, и никто никогда не замечал разницы.

Харрисон вспоминал: «Каждый год ансамбля «Битлз» можно считать за двадцать... Это казалось нам вечностью. Наши выступления были удовольствием для всех, кроме нас, мы были единственными людьми, которые не видели «Битлз». Мы походили на четырех относительно разумных людей, очутившихся в мире сумасшествия».

Разумных, да не совсем. Рок-н-ролл, как альпинизм и затяжные прыжки с парашютом, несет в себе определенный психологический риск

для здоровья, а «Битлз» забрались гораздо выше всех, и падать им предстояло гораздо дольше всех. Слава изолирует людей, и «Битлз» были настолько знамениты и изолированы, как ни один человек в их возрасте. Во время гастролей они были лишены возможности жить нормальной жизнью - самолеты, курение марихуаны в запертых номерах отелей, коричневые бумажные пакеты с наличными деньгами, проститутки.

«В каждом городе устраивались оргии, - вспоминал Нил Аспинол. - Просто чудо, что все это не становилось достоянием прессы». Большинство представителей прессы знало обо всем, но во время подобных сексуальных банкетов кое-что перепало и им, поэтому они не были заинтересованы в том, чтобы распространяться об этом перед широкой публикой. В конце концов, разве нельзя мальчикам порезвиться?

Однако у самих «мальчиков» подобная жизнь быстро выработала чувство бесцельной монотонности, иногда прерываемой вспышками страха. Харрисон вспоминает: «В ряде случаев нас чуть не убили - то возник пожар в самолете, то пытались сбить наш самолет, и вообще везде, где мы появлялись, вспыхивали потасовки».

В Японии для охраны «Битлз» было задействовано тридцать пять тысяч работников службы безопасности, которые охраняли «Битлз» от поклонников и, что еще более важно, от отрядов активистов правого студенчества, возражавших против влияния Запада и грозивших «Битлз» расправой. Маккартни и Мэл Эванс не прислушались к этой угрозе и, нацепив фальшивые усы, выскользнули из отеля, чтобы провести ночь в городе. Комиссар полиции, приставивший следить за ними переодетых агентов, предупредил, что если еще раз будут нарушены правила безопасности, он отзовет всю охрану. На Филиппинах им угрожала еще большая опасность. «Битлз» прилетели в Манилу 3 июля 1966 года, там они дали два выступления перед восьмидесятитысячной аудиторией. Однако кроме выступлений на стадионах возникла еще одна ситуация, в которой Эпстайн плохо сориентировался.

«Битлз» получили приглашение на прием, который устраивала жена филиппинского диктатора Имельда Маркос. Эпстайн проигнорировал это приглашение. Когда чин из военной полиции назначил Эпстайну время, в которое «Битлз» должны были отправиться в президентский дворец, Брайан ответил ему, что они не поедут. Эпстайну позвонил посол Великобритании на Филиппинах и предупредил, что отказываться от подобного приглашения очень неразумно с его стороны, но и это не убедило Брайана. После унижительного приема, оказанного «Битлз» в посольстве Великобритании в Вашингтоне, Эпстайн пообещал, что отныне

они не будут никогда принимать приглашений подобного рода, пока сами не захотят этого. А данное приглашение они принимать не хотели. Эпстайн объяснил это тем, что все устали и нуждаются в отдыхе.

Слишком долгая оторванность «Битлз» и Эпстайна от жизни сослужила им плохую службу. Во время их выступления на футбольном стадионе «Аранета» в передаче телевизионных новостей было объявлено, что «Битлз» оскорбили Имельду Маркос, а вместе с ней триста сирот и калек (о чем «Битлз» не знали), которых она пригласила на встречу с ними. По мнению диктора, это было «оскорблением для всей нации».

Проснувшись на следующее утро, «Битлз» обнаружили, что из отеля исчез весь обслуживающий персонал, некому было помочь с багажом, никто из службы безопасности не сопровождал их в аэропорт. Прибыв в аэропорт, они увидели поджидавшую их организованную толпу. Когда «Битлз» продирались сквозь нее к ожидавшему их самолету, они подверглись моральным и физическим оскорблениям вплоть до рукоприкладства. «Мы были страшно напуганы», - вспоминал Питер Браун, и у них на самом деле имелись для этого веские причины.

Уже в самолете разгорелся спор между Эпстайном и директором NEMS Виком Льюисом. Льюис все время приставал к Эпстайну с вопросом: «Ты получил деньги?» Речь шла о деньгах в пресловутых коричневых конвертах, в которых находилось около половины платы за выступления и которые Эпстайн получал наличными, чтобы скрыть их от английских налоговых инспекторов.

Эпстайн, как всегда, принявший большую дозу таблеток и напуганный всем происшедшим, истерически завопил: «Не смей ничего говорить мне о деньгах!» Как только самолет вырулил на взлетную полосу, Льюис схватил Эпстайна за горло и начал душить его, крича при этом: «Я тебя убью!»

С Эпстайна слетело блаженство, вызванное действием таблеток, и он начал плакать. Когда самолет приземлился в делийском аэропорту, Эпстайн чувствовал себя настолько больным, что ему потребовалась помощь доктора. «Битлз» было ничуть не жаль его, они обвинили его во всех неприятностях, имевших место во время этих гастролей.

Выступления «Битлз» побили все рекорды, именно они первыми выступили с концертами на стадионе «Шиа» в Нью-Йорке. Однако из-за плохого качества аппаратуры пытаться играть хорошую музыку уже стало бесполезно. Они выступали, потому что от них ждали этого и потому что это позволяло им зарабатывать наличные деньги. Но подобная жизнь не стоила тех денег, тем более что деньги поступали к ним не совсем тем путем, которым должны были бы поступать. Подобно неприятностям с

британской налоговой инспекцией, у «Битлз» появились неприятности и с американской налоговой службой.

Десятилетиями американские артисты приезжали в Англию, зарабатывали деньги и уезжали с этими деньгами назад в Америку, но, как только «Битлз» осуществили обратный процесс, американские власти моментально закричали, что это «нечестно», установили сумму налога и наложили арест на миллион долларов. Впоследствии «Битлз» потребовалось несколько лет, чтобы получить этот миллион. Между ними разразились споры по вопросу дальнейших выступлений, они чувствовали, что налоги съедают все заработки, а что касалось настоящей музыки, то она уже не присутствовала в их концертах. С них было достаточно. В самолете по пути в Лондон «Битлз» заявили Эпстайну, что больше на гастроли они не поедут.

Эпстайн моментально почувствовал себя больным. «Что я теперь буду делать?» - спрашивал он. В данной ситуации «Битлз» это уже не волновало.

Однако перед тем, как опустить занавес, им следовало выполнить еще один гастрольный контракт, и если у «Битлз» еще оставались какие-то сомнения по поводу разумности решения ухода со сцены, то последнее турне по Америке полностью развеяло эти сомнения.

«Битлз» должны были прибыть в Соединенные Штаты в первых числах августа, а за десять дней до вылета американский журнал «Дейтбук» поместил перепечатку интервью с Ленноном, впервые появившегося на страницах английской «Ивнинг стандарт», в котором Леннон сказал, что он прочитал много книг по религии и пришел к выводу, что «христианство уйдет». А далее он заявил, что «Битлз» популярнее, чем Иисус».

В Англии эти заявления не вызвали никакой реакции, их просто проигнорировали или приняли за очередную эксцентричную выходку Леннона. Америка не была столь терпима к подобным высказываниям. Десятки радиостанций прекратили передачу записей «Битлз», несколько крупных торговых объединений отказались торговать их пластинками, в наиболее религиозных южных штатах прошли ритуальные сожжения альбомов и портретов «Битлз», в их адрес раздавались смертельные угрозы.

Когда сведения об этом достигли Англии, Эпстайн поправлял свое здоровье в Уэльсе. Первой его реакцией была попытка расторгнуть контракт на предстоящие гастроли, но когда он понял, что это грозит «Битлз» неустойкой в миллион долларов, то заявил, что Леннон вовсе не имел намерения богохульствовать, а просто выразил «глубокую озабоченность» падением моральных ценностей. На пресс-конференции в

Чикаго Леннону была предоставлена возможность формально извиниться за происшедшее непонимание.

Вытянуть из Леннона слово «извините» оказалось довольно нелегко, он все время избегал этого слова. «Я не имею в виду, что «Битлз» лучше Господа, или Иисуса, - говорил он. - Я не против Бога, не против Христа, не против религии». Но где было слово «извините»? Все разговоры велись вокруг этого, пока Леннон в отчаянии не выдал: «Я действительно извиняюсь за свои слова... Я извиняюсь, если это сделает вас счастливыми... Хорошо, если это сделает вас счастливыми, я извиняюсь».

Впервые с момента прихода известности Леннона стала беспокоить мысль о том, что их «распродают», он почувствовал, что на него надели смирительную рубашку, и его крик о помощи «Help!» стал названием второго, менее удачного фильма «Битлз». Но дело обстояло хуже, гораздо хуже. Теперь даже его взгляды приносились на алтарь коммерческой выгоды. Джон испытывал отвращение - к себе, к действительности, которую он помог создать и которая грозила поглотить его. Для него еще было очень важно быть одним из «Битлз». Впоследствии он объяснял, что в тот момент ему «было страшно уйти из дворца». Да, он хотел остаться с «Битлз», но не такой ценой, не на таких условиях. Джон начал плакать уже перед пресс-конференцией, и никакая слава мировой звезды не стоила этих слез.

Поднявшийся шум произвел сильное впечатление и на Маккартни, смертельные угрозы сильно расстроили его нервы. Питер Браун говорит: «Пол в силу своего характера всегда был деятельным, он был трудягой, поэтому его больше остальных волновали возможные последствия». Это был город гангстеров, и Маккартни вполне серьезно опасался пули наемного убийцы. Браун, Вейс и Бенсон - все вспоминают, что Маккартни, всегда самый спокойный во время концертов перед публикой, буквально испытывал физический страх, когда спустя десять дней «Битлз» вышли на сцену в Цинциннати. Однако Маккартни быстро оправился от этой травмы, а Леннон нет. И если какое-то отдельное событие можно считать началом разрыва их отношений, то именно это последнее американское турне ознаменовало собой момент публичного разрыва Леннона и Маккартни.

Маккартни был сыном своего отца, надеявшимся исключительно на собственные силы, и если уж битломания, как, собственно, и сама жизнь, по любимому выражению Джима Маккартни, «пошла вверх тормашками», то ничего не оставалось делать, как смириться с этим и извлечь из этого максимальную пользу. Пол запрятал поглубже свои проблемы и с улыбкой вернулся к прежней жизни.

У Леннона не хватило внутренних сил вернуться к прошлому. Если Маккартни четко знал, куда он идет и, что еще более важно, кто он такой, то Леннон потерял себя в пустыне сомнений. «Я знаю, что Леннон был не очень уверен в себе. Джон отнюдь не был лентяем, но эта неуверенность мешала ему», - говорил Пол.

В попытке вернуть себе свой более правдивый образ Джон принял единственно возможное решение - он покинул «Битлз». Никогда больше он ни за что не извинялся.

29 августа 1964 года «Битлз» дали свой последний концерт перед двадцатипяти тысячной толпой поклонников в Кэндлэстик-парк в Сан-Франциско. Маккартни, у которого был свой взгляд на историю, велел руководителю пресс-службы NEMS сделать запись этого выступления.

Это был конец эры, и наступил он в подходящее время. В течение трех триумфальных лет «Битлз» царствовали в мире поп-музыки, они внесли свежесть и оригинальность не только в поп-музыку, но и в осознание целым поколением себя и своих возможностей. Для этого поколения «Битлз» стали примером, отражением его надежд и чаяний. Феномен «Битлз» прошел сквозь возрастные, классовые, образовательные и этнические границы.

Но мир постоянно менялся. Америка все глубже втягивалась в бессмысленную войну в Юго-Восточной Азии, Англия вступала в полосу промышленного спада и влезала в долги, коммунистическая империя на востоке в последней агонии сжимала умирающие кулаки. Нахального оптимизма теперь уже было недостаточно, для отражения духа времени требовались грубые голоса.

Но «Битлз», что для знатоков означает Джон и Пол, прекрасно приспособились к изменившейся обстановке, инстинктивно уловив нужный момент, что лишний раз подчеркивает гениальность их содружества. Их лучшие работы были еще впереди, но, чтобы достичь этого, они должны были изменить самих себя. Настало время сбросить личину «великолепной четверки», этот созданный Эпстайном образ озорных, добродушных парней.

Пришла пора взрослеть, но именно Джон и Пол с трудом отходили от старой жизни. Первой реакцией у «Битлз» после окончания концертной деятельности было радостное ощущение свободы. Харрисон на два месяца отправился отдыхать в Кашмир и заявил: «Вот так, я больше не «битл», Ринго полностью погрузился в ночную жизнь Лондона.

Леннон удалился в Уэйбридж, чтобы поразмышлять о своей будущей жизни. Это было мрачное место. «Здесь какое-то темное пространство», -

жаловался Джон. Он проводил все дни перед телевизором, бездумно переключая каналы, по вечерам курил марихуану и все чаще употреблял ЛСД. С этим наркотиком их с Харрисоном познакомил несколько лет назад один лондонский зубной врач, посещавший психоделический «кружок» Тэйра Брауна. Из этой летаргии Леннона вырвала работа в кино. Он сыграл роль рядового Гриппида в фильме «Как я выиграл войну» режиссера Ричарда Лестера, который снял «A Hard Day's Night» и «Help!». Джон вышел за рамки «Битлз». Другим символическим выражением индивидуальности стали очки, в которых Леннон давно нуждался, но стеснялся носить. К его великому смущению, оправа подобранных для него очков оказалась «старушечьего» стиля, именно такую оправу он вынужден был носить еще во время учебы в школе. Однако Леннон до сих пор не знал, что ему делать. Будет ли жизнь после «Битлз»? В мрачные моменты он со страхом спрашивал себя: «Где я должен прийти к концу? В Лас-Вегасе?»

Единственным логичным шагом в этой ситуации казался переход в качество «домашней звезды», именно это и произошло с двумя более ранними английскими поп-звездами Клиффом Ричардом и Томми Стиллом. Даже Элвис Пресли, этот толстый, с искривленными губами пиджон в пиджаке из золоченой парчи, не устоял и скатился до дешевых фильмов. И самое главное, разве можно быть рок-певцом в тридцать лет?

Однако впереди был следующий этап партнерства «Битлз», и Маккартни не испытывал творческих разочарований, терзавших Леннона. Пол с Мэлом Эвансом уехал в Африку на сафари и по возвращении заявил, что в мире ширится новое интеллектуальное движение и он, Пол Маккартни, намерен стать его частью. Его культурное самосовершенствование стало почти фанатичным, он постоянно посещал картинные галереи, концерты и театры. Пол сделал аранжировку к музыке из кинофильма «The Family Way» и представил Клиффу Беннету современный вариант его песни «Got to Get You into My Life».

Несмотря на завершение концертной деятельности, Пол настойчиво пытался вернуть «Битлз» в студию звукозаписи. Вдохновленный успехом альбома «Revolver», Пол начал подготовку нового альбома. Ни Джон, ни Пол не обращали внимания на музыкальных критиков и черпали темы для нового альбома отовсюду, вплоть до мелодий старого мюзик-холла. «Мы были плагиаторами экстра-класса», - смеялся по этому поводу Пол.

На этот раз их творчество подтолкнула группа «Бич бойз». «Я конкурент по натуре, - говорит Маккартни. - Это у меня никогда не пройдет, я никогда не перестану конкурировать в плане творчества с

другими художниками». «Бич бойз» под управлением больного Брайана Вильсона, который вскоре слег в постель на несколько лет, только что записали альбом, объявленный настоящим шедевром. Это в значительной степени и в нужный момент подтолкнуло творчество Маккартни.

Пол говорит: «Их альбом заставил меня написать «Sgt Pepper», это была настоящая конкуренция с «Бич бойз».

Если «Sgt Pepper» стал началом нового этапа творчества «Битлз», то он также был началом их конца. Этот альбом был высшей точкой творческого сотрудничества Маккартни с «Битлз». Это был момент, когда были собраны вместе все силы, и они были направлены на создание альбома, утвердившего за «Битлз» славу самого плодovitого ансамбля их поколения. Этот альбом направил поп-музыку и рок-н-ролл в новое, неизведанное русло. Но за психоделией, любовными и мирными посланиями, юмором, обещаниями хороших времен, за остротами и шутливой чепухой «Битлз» начали проявляться мрачные события.

Харрисон впал в депрессию от несбывшихся надежд и откровенно намекал, что хотел бы уйти из ансамбля, который стал для него «артистическим приютом для преступников и в котором он сам играет роль третьей скрипки». Отход ансамбля от струнных инструментов превратил их простые ритмы и мелодии в утонченные и сложные студийные электронные звуки, при этом подчеркивалась неуместность звучания ударных инструментов Ринго.

Эпстайн в то время вел довольно беспорядочный образ жизни, он постоянно принимал таблетки, пьянствовал, проводил ночи со всякой швалью, которую подбирал возле военных казарм в Найтсбридже.

В конце 1966 года, как раз перед тем, как его «мальчики» пришли в студию для записи нового альбома, Брайан пытался покончить с собой, приняв чрезмерную дозу снотворного. Эта попытка окончилась неудачей, его вовремя обнаружили секретарша Джоанна Ньюфилд и шофер Брайан Барратт. К этому времени все четверо «Битлз», а особенно Пол Маккартни, начали выходить из-под влияния своего покровителя.

А Леннон в то время все больше и больше увлекался ЛСД, иногда он накачивался наркотиками так, что был не в состоянии подняться. Теперь его повсюду сопровождала странная японка, одетая во все черное. Только Пол, по-прежнему полный энергии и оптимизма, продолжал заниматься делом, и подобное его поведение послужило катализатором проблем, которые вскоре встали перед «Битлз».

Питер Браун вспоминает: «Битлз» всегда были ансамблем Джона». Когда четверо еще молодых людей вошли в студию ЕМІ на Эбби-Роуд за несколько дней до Рождества 1966 года, «Битлз» еще продолжали оставаться ансамблем Джона. Но, когда они вышли из студии после

семисот часов записи, стоившей сто тысяч долларов, это уже был ансамбль не Джона. За четыре месяца работы Полу удалось захватить лидерство, и теперь это был его ансамбль.

Леннона перестало увлекать положение рок-звезды, каковой он считал себя. Подобно Харрисону, он был занят поисками какой-то новой цели. Но, какой бы ни была эта новая цель, она не предусматривала передачу Маккартни лидерства в ансамбле, который Джон создал и который по-прежнему считал своим. Вот такая ситуация сложилась в то время. «Sgt Pepper» был, безусловно, целиком альбомом Пола - от идеи до обложки, - включавшим множество технических и музыкальных новинок.

«Наступило время эксперимента», - говорил Мартин. Джона одолевали сомнения, его беспокоило, примет ли этот альбом публика, но, поскольку записью альбома теперь полностью руководил Маккартни, он отметал сомнения Джона и был полон решимости выжать из ансамбля максимум возможного. И в этом случае Пол оказался абсолютно прав. Маккартни вспоминал: «Идея создания альбома пришла ко мне во время перелета из Лос-Анджелеса. Я подумал, что было бы неплохо нам спрятаться за образом некоего вымышленного ансамбля, который стал бы своеобразным культурным центром, собравшим вместе наших героев».

Поп-музыка приобретала все большую силу, но ею традиционно руководили агенты и менеджеры, а артистам в ней отводилась роль послушных марионеток. «Битлз» были на острие этого процесса, вызванного коммерческой выгодой. Пластинки продавались в огромных количествах, концерты собирали все большие аудитории, и такие звезды, как «Битлз», Дилан, «Роллинг стоунз», побивали все рекорды популярности.

В январе Эпстайн поправился и заключил соглашение с EMI и «Кэпитл», в котором вместо смехотворных пенни, которые они до этого получали с пластинки, предусматривалось получение десяти процентов прибыли, но после продажи ста тысяч синглов и тридцати тысяч альбомов этот процент увеличивался до пятнадцати. Таковы были условия соглашения для Великобритании, а для Соединенных Штатов эти условия были еще лучше - от 10 до 17,5 процента.

Деньги принесли им свободу, но не в том плане, что теперь они могли писать и записывать все, что хотели, - это они всегда могли себе позволить, - а в том плане, что они смогли выделить четыре месяца для записи альбома, тогда как раньше считалось, что для этого достаточно одного дня (всего четыре года назад альбом «Please Please Me» был записан за тринадцать часов).

Первоначально была идея сделать этот альбом об их детских и юношеских годах в Ливерпуле, и первые записи были уже сделаны в период с ноября по январь. Но, если «Битлз», что означало Леннон и Маккартни, могли записывать все, что им хочется, и тратить на это столько времени, сколько надо, они еще были связаны обязательством записывать определенное количество синглов в год. «Кэпитл рекордз» как раз потребовала записать один сингл, и, чтобы уложиться в сроки контракта, был срочно записан сингл «Penny Lane» и «Strawberry Fields». 13 февраля 1967 года он вышел в Соединенных Штатах, а спустя четыре дня - в Великобритании.

По этому случаю в студии на Эбби-Роуд устроили банкет. Предыдущий сингл «Битлз» «Paperback Writer», стихи к которому Пол за один присест написал на оборотной стороне фотографии, не исправив при этом ни единого слова, был сделан буквально в один день. Джон назвал этот сингл типичным рок-н-роллом. «Penny Lane» и «Strawberry Fields» были совсем другими, пластинку называли лучшей из всех когда-либо выпущенных пластинок с поп-музыкой. Безусловно, они прошли очень большой путь от своего первого сингла «Love Me Do».

Леннон назвал «Strawberry Fields» одной из всего лишь двух правдивых песен, которые он написал в «Битлз» (вторая была «Help!»). Он написал ее осенью в Испании, где отдыхал после съемок фильма «Как я выиграл войну». Название песни («Земляничные поля») пришло от одноименного названия приюта Армии спасения в Ливерпуле, расположенного рядом с домом Леннона. В детские годы он ходил туда играть, и это название вызывало в нем счастливые воспоминания. В первом варианте Джон записал ее в сопровождении только акустической гитары, что привело Джорджа Мартина в восторг.

При следующей записи для сопровождения были добавлены ударные и гитары, но Мартин сказал, что «песня стала тяжеловатой». Была сделана еще одна запись, на этот раз в сопровождении виолончелей и труб. Леннон решил, что ему нравится начало первого варианта и концовка второго, несмотря на то что варианты были записаны в различных ключах и темпе. «Ты все это сможешь исправить, Джордж» - сказал Леннон Мартину. Сказал он это очень уверенно, хотя имел весьма смутное представление о всех технических сложностях. Мартин говорит: «Среди «Битлз» Джон меньше всех разбирался в технических вопросах, он всегда оставлял эти проблемы для меня».

И, как оказалось, Джордж сумел все исправить. Мартин увеличил скорость одного записывающего аппарата и уменьшил скорость другого, а

затем склеил пленки как раз в нужном месте, так что на слух совершенно невозможно было уловить место соединения. Такова история создания этой песни и объяснение тому, что существуют, два варианта ее записи.

Написать эту песню Джона подхлестнул Маккартни, который первым из них двоих обратился к теме их провинциальных корней. «Мы всегда соревновались, - говорил Маккартни. - Я написал «Penny Lane», и Джон тут же написал «Strawberry Fields». Вот так обстояло дело. Пол вспоминал: «Название «Penny Lane» (одноименное название улицы в Ливерпуле) пришло от названия маршрута ливерпульского автобуса, в ней частично звучит ностальгия по самому лучшему месту, по голубым провинциальным небесам, какими они запомнились нам и которые так и остались там».

Обе песни были простыми, с бесхитростными стихами, включая фразу, которой ливерпульцы обозначали обычно то, что происходило на задних рядах кинотеатров. Однако, несмотря на отдельные вольности юношеского юмора, Маккартни вполне осознанно и тщательно подбирал себе одеяние, достойное лидера культурной революции. Одним из результатов этого и стало создание песни «Penny Lane».

Лондон 60-х годов был пропитан духом экспериментаторства и новомодных увлечений. Те, кто был там в это время, вспоминают, что каждый новый день обещал больше того, что принес прошедший. В воздухе витали идеи, которые, однако, были незрелыми и уже выдвигались в прошлом, но они выглядели привлекательными и возбуждали внимание. Это просто была борьба со скучной и однообразной жизнью.

Фланель и саржа были вытеснены вельветом и шелками, бакенбарды в стиле Пресли, считавшиеся дурным тоном, теперь красовались на всех щеках. Любовь, главным образом в своем физическом проявлении, оказалась в одном ряду с обязательной воинской повинностью, широко доступными стали любые наркотики. Молодые стилиги (как старомодно звучит это слово) пили виски с кока-колой в клубе «Scotch of St. James's», проводили отпуска в гашишном блаженстве Марокко или в обществе хиппи в Индии. Провинциальные акценты запросто бросали вызов официальному произношению дикторов «Би-би-си». Галереи искусств, магазины модной одежды, дискотеки открывались в каждом городе, появлялись журналы и «альтернативные» газеты, освещавшие деятельность этих заведений.

Америка увязла в войне в Юго-Восточной Азии, но Великобритания, казалось, стоит на пороге новой эры. И Маккартни, этот парень из средних слоев ливерпульского общества, каким-то чудесным образом превратился в верховного жреца новой культуры, он являл собой пример изменений,

происходивших в культурной жизни, и всячески стремился быть неотъемлемой частью этой жизни. В те времена Пол заявлял: «Люди говорят, рисуют и пишут великие вещи. Я должен знать то, что делают люди».

В то время как Леннон, по словам Пола, «жил на поле для гольфа в чертовом Уэйбридже», а остальные «Битлз» «были женаты и жили в пригороде», Пол оставался холостяком, не чуждым женского общества. Он смотрел фильмы Бергмана и экспериментировал с 8-миллиметровым домашним кинопроектором, показывая фильмы по кадрам, при этом фильмы, рассчитанные на десять минут, шли у него около часа. Пол читал Дилана Томаса, слушал музыку Вивальди, общался с Энди Уорхолом, владельцем галереи Робертом Фрейзером, поэтом-битником Алланом Гинсбергом. Маккартни оказал материальную помощь в создании самой влиятельной газеты андерграунда «Интернэшнл Таймс», помог открыть магазин индейской книги и художественную галерею, в которой странная японка, одетая во все черное, устроила свою первую лондонскую выставку. Пол вспоминал: «Меня тогда увлекало творчество современного немецкого композитора Штокхаузена, иногда я делал какие-то домашние записи и просто ради прихоти рассылал пленки своим друзьям. Помню, как однажды я сказал Джону: «Собираюсь сделать из этого альбом и назвать его «Пол Маккартни заходит слишком далеко», на что Джон ответил: «Да, так тебе и следует поступить». Так что началось все с того, что я познакомил Джона с имевшимся у меня материалом».

Пола возмущают предположения о том, что на самом деле якобы Леннон подал идею нового музыкального и культурного эксперимента, а сам он был просто «обаяшкой», написавшим хорошенькие мелодии. «Конечно, это было утомительно, но я был самым передовым из «Битлз», - с уверенностью заявляет Пол. Пока Леннон прозябал дома в Уэйбридже, играя роль мужа и отца, Пол находился в постоянном поиске, стараясь не пропустить всего, что происходило вокруг. В один из вечеров он посетил концерт музыки Баха, где прослушал «Бранденбургский концерт». На следующий день в студии Пол задал Мартину вопрос относительно «фантастической трубы», которую слышал накануне.

«Это малая флейта», - объяснил Мартин. Но почему это так заинтересовало Пола?

Потому что, по словам Маккартни, именно этот звук ему хотелось слышать в «Penny Lane». Он еще не был полностью уверен, каким образом ему хочется использовать это звучание, просто ему были необходимы вставки звуков маленькой свирели». Был приглашен Дэвид Мейсон из

лондонского симфонического оркестра, и, как вспоминал Мартин, «Пол придумывал небольшие партии, а я записывал их для Дэвида. Результат получился уникальный, подобного никогда раньше не было в рок-музыке, и это придало песне совершенно особое звучание».

Альбом постепенно начал вырисовываться, но, когда для сингла были записаны «Penny Lane» и «Strawberry Fields», осталась только «When I'm 64». Потом добавились другие песни, которые долго и неторопливо перерабатывались. Где-то в середине работы Маккартни написал песню «Sgt Pepper», по словам Мартина, «это была обычная песня в стиле рок, нельзя сказать, что особенно выдающаяся». Затем Маккартни предложил свою идею, пришедшую ему в голову во время перелета из Лос-Анджелеса: «Почему бы нам не сделать альбом так, будто оркестр сержанта Пеппера существует на самом деле и это запись выступления его оркестра? Мы все так и обставим».

Мартину эта идея понравилась, и с этого момента все обстояло так, словно Пеппер существовал в действительности и заслуга создания «концептуального» альбома принадлежит ему, а не «Битлз».

Маккартни с головой ушел в работу над альбомом. Тогда как Леннон вполне довольствовался тем, что подбрасывал смутные идеи и предоставлял Мартину возможность воплотить их в жизнь, Пол постоянно находился рядом с Мартином, интересовался его намерениями относительно записи песен, следил буквально за каждой нотой.

Подобное добровольное заключение вылилось в гениальную работу. Это приоткрывает еще один аспект характера Маккартни, спрятанный за обаянием и радостной улыбкой. Питер Браун говорит: «У Пола было много причуд, но он умел брать себя в руки». При работе над альбомом он подтвердил это.

Мартин вспоминал: «Пол постепенно стал единственным членом ансамбля, проявляющим активный интерес к его делам. Леннон работал серьезно, но только над своей партией, остальное его не интересовало, Харрисон тоже. Пол занимался буквально всем».

Казалось, что вначале Леннон не замечал всего происходящего, его восприятие было притуплено действием ЛСД. Возможно, что в какой-то период времени это его не волновало, но однажды он заявил представителю пресс-службы фирмы «Эппл» Дереку Тейлору, что самым счастливым временем, которое он провел в студии звукозаписи, было время работы над альбомом «Sgt Pepper».

В ходе работы над альбомом выявились некоторые противоречия, вызвавшие целую цепочку событий, ставших предметом споров между

участниками ансамбля и приведших в течение трех последующих лет к окончательному распаду «Битлз». Никто из посторонних не знал об этом, для всего мира они по-прежнему оставались любимыми «легендами», как теперь довольно пренебрежительно называл их Харрисон.

За несколько недель до своей смерти в интервью журналу «Ньюсуик» Леннон сказал: «С того момента, как я снялся в фильме «Как я выиграл войну», я постоянно искал причину, чтобы уйти из «Битлз». Но у меня для этого не хватало смелости... Мне было слишком страшно уйти из дворца. Именно это и погубило Пресли, короля всегда убивают его придворные. Он перекормлен, избалован и пьян, чтобы удержаться на троне».

Вскоре Маккартни непроизвольно и бессознательно предоставил Джону причину, которую тот искал. А другую причину ему вполне сознательно и определенно предоставила странная японка в черном. А пока Леннон рад был заниматься собственным делом, да и Маккартни всегда находился рядом и готов был сгладить любые неприятности.

Именно Пол упорядочил процесс работы над альбомом и настоял, чтобы эта работа была закончена к началу апреля, что дало ему возможность вылететь в США в город Денвер, штат Колорадо, для празднования 21-летия Джейн Эшер. Когда оказалось, что для альбома не хватает песен, Пол проявил свои удивительные композиторские способности, а также вспомнил некоторые песни, написанные ранее. Это быстро решило проблему недостающих песен. Например, «When I'm 64» была «мелодией для кабаре», которую он написал в возрасте пятнадцати лет, а обычная яма, увиденная на дороге, превратилась в «добрую старую аналогию», озаглавленную «Fixing a Hole». Знакомство со смотрительницей автомобильной стоянки, расположенной в Сент-Джонс-Вуд рядом со студией на Эбби-Роуд, по имени Мета Дейвис («Тебя действительно зовут Мета?», - спросил Маккартни), вылилось в создание песни «Lovely Rita», а статья в газете о ребенке, убежавшем из дому, побудила Пола к написанию песни «She's Leaving Home».

В этой грандиозной работе иногда проскальзывали штрихи эгоизма и высокомерия. Песня «Fixing a Hole», по словам Маккартни, была о «поклонниках», о молодых девушках, часами простаивавших на Кавендиш-авеню в ожидании мимолетного взгляда их улыбающегося и поднимающего вверх большой палец идола, проезжавшего через железные ворота к дверям дома. В песне Пол называет их «глупыми людишками», которые «не могут пройти мимо моей двери».

Даже Ринго почувствовал пренебрежительное отношение к себе. Его вклад в феномен битломании никогда не был по достоинству оценен ни

Ленноном, ни Маккартни, а сейчас он испытывал еще большее отчуждение. Он вспоминал: «Во время записи «Sgt Pepper» я ощущал себя почти посторонним, потому что основное внимание уделялось струнным, духовым инструментам и оркестровым партиям. Все говорят, что этот альбом стал классикой, но я не считаю его своим любимым».

По отношению к Мартину эгоизм Маккартни проявился при записи песни «She's Leaving Home». У Пола чесались руки поскорее записать ее, и он, позвонив Мартину, пригласил его на следующий день после обеда в студию, чтобы помочь с записью. Он сказал, что оркестр будет готов и Мартину предстоит написать партитуру. Джордж объяснил, что не в состоянии сделать это за такой короткий срок, а кроме того, завтра на половину третьего у него была назначена запись с другим певцом. Маккартни предложил встретиться в два часа, на что Мартин твердо ответил: «Нет, не могу, у меня дела». «Ну хорошо», - сказал Пол, повесил трубку и попросил Аспинола найти кого-нибудь другого. Аспинол нашел Майка Линдера, и на следующий день Пол передал Мартину партитуру Линдера с указанием сделать запись с нее.

Но Мартин оказался не простым человеком, которого можно было нанять для выполнения сиюминутных прихотей «короля поп-музыки». Ведь именно Мартин первым рискнул от имени фирмы «Парлофон» заключить в свое время контракт со слабым в музыкальном плане квартетом из Ливерпуля. Именно Мартин, проявив понимание и техническое мастерство, придал их музыке благозвучие, оказал значительное влияние на их творчество, добился уникального звучания записей «Битлз». Даже Маккартни отмечает это: «В самом начале нашей деятельности Мартин играл главную роль. Мы записывали все подряд и оставляли ему, а он потом приводил все это в порядок».

Благодаря его усилиям «Битлз» стали богаты как Крез и более популярны (во всяком случае, так считал Леннон), чем Христос. Мартин же был вынужден довольствоваться гораздо более скромной ролью. Он вспоминал: «Битлз» никогда открыто не высказывали своей благодарности по отношению к кому-либо... Они не теми были людьми, которые могли бы сказать: «Ты проделал великолепную работу, Джордж, теперь отдохни три недели».

Дик Джеймс предложил Мартину долю в компании «Northern Songs», и, если бы Джордж принял это предложение, он стал бы миллионером, но он не согласился из соображений этики и остался просто служащим компании ЕМІ с заработной платой менее трех тысяч фунтов в год. С финансовой точки зрения, Мартин мало что извлек из феноменального

успеха «Битлз», но, как он сам говорил, «по крайней мере, я испытывал глубокое удовлетворение». И вот теперь Маккартни бездумно, непреднамеренно лишил его и этого.

«She's Leaving Home» была единственной песней «Битлз», партитуру к которой написал не Мартин. «Маккартни действительно думал, что не столь важно, кто будет заниматься этой работой - я или кто-то другой», - с горечью писал впоследствии Мартин. Маккартни, зараженный духом собственной деятельности, совершенно не обратил внимания на обиду, которую нанес Джорджу. Мартин упорно хранил молчание и только через двенадцать лет опубликовал воспоминания, в которых рассказал, насколько сильно обидел его этот случай.

«Это причинило ему боль, но у меня не было намерения обижать его», - сказал Маккартни. Пол считает «She's Leaving Home» одной из своих лучших песен того периода, а Мартин вспоминает, что «это было одним из самых сильных огорчений в моей жизни». На это Маккартни холодно отвечает: «Что ж, пусть так считает, если это единственное огорчение, которое я причинил ему...»

Но если в начале работы над альбомом и возникали подобные инциденты, то Маккартни может справедливо возразить, что в случае с этим альбомом цель оправдывала средства, которыми действовал Пол.

В альбом входит тринадцать песен, если считать повтор песни «Sgt Pepper». Одна песня, «Within You, Without You», написана Харрисоном с использованием индийских мотивов. Мартин тактично назвал ее «несколько печальной». Леннону принадлежат три песни - «Lucy in the Sky with Diamonds», «Being for the Benefit of Mr Kite» и «Good Morning, Good Morning». Если бы не Пол, получилась бы просто маленькая пластинка, так как из оставшихся девяти песен восемь написаны Маккартни.

Завершает альбом песня «A Day in the Life» - психоделический гимн 60-х годов и последняя композиция гениального содружества Леннон-Маккартни. Джон и Пол еще продолжали оказывать влияние на творчество друг друга, добавляли друг другу какие-то строчки, меняли ритм, предлагали паузы и различные аранжировки. Леннон, например, вставил строчки о жестокости по отношению к женщине - «Я бываю жесток со своей женщиной и применяю физическую силу по отношению к любой женщине (я бил их), я не могу выразить себя и поэтому бью» - в песню «Getting Better», в основу которой Пол положил фразу «...это становится лучше». Однако они уже давно не садились вместе и не писали песен, такое эффективное партнерство уже умерло, и песня «A Day in the Life» воскресила его всего на один славный миг.

На Джона произвели сильное впечатление прочитанные в газете статьи о количестве выбоин на улицах Блэкберна и об одном счастливчике, который преуспел в делах и чья фотография в новом автомобиле была помещена в газете. Кроме того, в его памяти еще было свежо воспоминание о смерти наследника Гиннессов Тэйра Брауна, промчавшегося в Эрлз-Корт на своем спортивном «лотосе» на красный свет на скорости около ста десяти миль в час. У Леннона появилось три варианта, но их не удавалось связать вместе. У Маккартни имелась незаконченная песня, которую он написал под впечатлением воспоминаний о детстве: «...Я ехал в школу на автобусе, курил, а потом шел в класс и там засыпал под голос учителя». Пол заметил, что обе части «прекрасно подходят друг к другу».

Но как же соединить их вместе? Мартин поинтересовался у Леннона, Леннон порылся в воспаленном мозгу и ответил: «Я хотел бы услышать грандиозную вставку, которая начинается из ничего, а заканчивается концом света». Джон предложил Мартину нанять симфонический оркестр, но Мартин возразил, сказав, что симфоническому оркестру нужна более точная партитура, чем просто «конец света». «А почему?» - спросил Леннон. Оркестр все-таки был нанят, и Маккартни, который был мастером всякого рода церемоний, стал все обставлять по-своему.

Была снята большая студия номер 1, которая одна могла вместить целый оркестр (хотя в целях экономии Мартин урезал количество оркестрантов до сорока двух). Маккартни дал всем, включая Мартина, указание, что все должны являться на работу в вечерних костюмах, потому что это довольно «забавно». Музыканты в основном были люди среднего возраста, и, хотя, по словам Мартина, «это было глупое развлечение и пустая трата денег»; они прониклись духом этой игры и вошли в образ.

Шуты и придворные, ответственные за гардероб королев «Битлз», - Саймон Постума, Жози Лигер и Марийка Когер, - чья бесхитростность отнюдь не мешала им тянуть деньги со своих патронов, украсили оркестрантов блестками, смешными шляпами и прочими маскарадными атрибутами. Дэвид Маккаллум, бывший в свое время ведущим музыкантом Королевской филармонии, был с ярко-красным клоунским носом и бумажными очками, Эрик Грюнберг, некогда ведущий музыкант симфонического оркестра «Би-би-си», держал смычок своей скрипки громадной обезьяньей лапой. Как вспоминал Маккартни, «эффект был совершенно фантастический».

Фантастическим оказалось и звучание оркестра. Вместо того чтобы звучать как единое целое, музыкантов попросили забыть свой прошлый опыт и играть индивидуально. И если Леннону хотелось услышать «конец

света», Маккартни был готов предложить ему это. Пол вспоминал: «Крецендо оркестра основывалось на идеях, которые я черпал у Штокхаузена и подобных ему абстракционистов».

Пол дал оркестру следующее указание: «Начинайте с самой низкой ноты, но постепенно, к концу пятнадцатого такта, вы должны быть уже на самой высокой ноте». Как они должны были это сделать, зависело уже от самих музыкантов, но в результате получилось сумасшедшее крецендо. «Это было очень интересно. Трубачи, всегда славившиеся пристрастием к индивидуальности, на ноту опережали всех. Струнные инструменты, как маленькие овечки, оглядывались друг на друга: «Ты берешь выше?» - «Да». - «Тогда и я беру выше». - «Еще немного выше?» - «Да». И все брали немного выше, очень деликатно вели свою партию, словно говоря друг другу: «Вы послушайте эти трубы... как они раскапризничались».

В конце звучал фортепьянный аккорд, исполняемый одновременно на трех пианино всеми «Битлз» и Джорджем Мартином. В это время звуорежиссер включил регуляторы громкости на полную мощь, что позволило уловить затихающие звуки (в качестве фона вы можете слышать свист). В завершение Маккартни велел всем выкрикивать какую-нибудь чепуху, различные звуки типа «юм, тум, тим, тин», что попало на кольцевую бороздку пластинки. И наконец, учитывая, что «Битлз», по словам Маккартни, никогда ничего не сделали для собак, был записан сигнал частотой двадцать тысяч герц, который не слышен человеку и воспринимается только собаками.

Неблагодарные дворняжки не оценили изобретательности Маккартни и начинали в страхе скулить, когда слышали этот звук. Но собаки есть собаки, а все остальные были в восторге. Возможно, что это было просто чудачество, но при записи песни «Lovely Rita» целый час добивались «забавного звучания» с помощью металлической расчески и папиросной бумаги. В техническом плане очень сложно было записывать альбом на старой аппаратуре, и только Мартин сумел записать девять дорожек на аппаратуре, предназначенной для записи четырех.

Однако готовый альбом оказался «чертовски восхитительным». Мартин говорил: «Это был альбом, который перевел «Битлз» из разряда обычных рок-групп в разряд людей, внесших значительный вклад в историю исполнительского искусства. Это был поворотный момент - именно поворотный. Альбом можно считать водоразделом, после которого искусство звукозаписи из чего-то такого, что иногда производит прекрасные звуки, превратилось в вид искусства, прошедший испытание временем, - скульптура в музыке, если хотите».

Возможно, что у «Битлз» были и более удачные альбомы (в «Revolver», например, больше песен, а «White Album» более интересен). Но ни одна запись, до или после, не отражала так полно дух времени. Кеннет Тайнан, отнюдь не склонный к преувеличениям, суммируя реакцию критиков на альбом, назвал его «решающим моментом в истории цивилизации Запада».

Маккартни хотел, чтобы всем было известно о его заслуге в создании альбома. «Этот альбом, - говорил он, - создан главным образом по моей инициативе. Мне принадлежит идея того, что мы выступали в роли другого ансамбля. Я старался, чтобы каждый в ансамбле был творцом, и создал замечательный альбом».

Однако не все согласны с тем, как Маккартни трактует историю создания альбома. По словам школьного товарища Леннона Пита Шоттона, на самом деле Мэл Эванс, «дорожный менеджер» и телохранитель «Битлз», был тем, кто не только придумал название «Оркестр клуба одиноких сердец сержанта Пеппера», но и предложил, чтобы вымышленный ансамбль был представлен как «второе я «Битлз». Однако Эванс был просто наемным слугой, а Маккартни - принцем новой эры. И если принцу было угодно заявить, что это его идея, придворный столь низкого ранга не смел возражать ему. А кроме того, независимо от того, чья это изначально была фраза или мысль, именно Маккартни удалось воплотить эту идею в записи на пленку.

У Леннона по поводу альбома были более тонкие замечания. Он не считал, что работа была продумана заранее, и по поводу заявлений Маккартни о «концептуальности» альбома говорил, что лично у него не было никаких концепций. «Sgt Pepper» называют первым концептуальным альбомом, но он не ведет никуда, - говорил Леннон. - Вся моя работа над альбомом не имеет ничего общего с идеей сержанта Пеппера и его оркестра. Но эта идея работает, потому что мы сказали, что она сработала».

После записи первых песен Маккартни начал убеждаться, что этот альбом будет значить больше, чем обычная работа, - он будет большим художественным достижением. В дополнение к содержанию Пол настоял на эффектной обложке альбома.

По рекомендации владельца картинной галереи Роберта Фрейзера был приглашен поп-художник Питер Блейк. Он вспоминал: «Пол объяснил мне, что это оркестр, который можно увидеть в парке. Поэтому на обложке должна быть фотография, как будто это городской оркестр, закончивший выступление в парке. Он сидит на сцене рядом с клумбами, а сцену окружает толпа людей».

Маккартни вспоминал, что для изображения толпы «мы предложили список своих любимых героев, таких, как Оскар Уайльд, Марлон Брандо, Дилан Томас, Элдоус Хаксли, Ленни Брюс. Каждый предлагал своих героев». Харрисон, увлеченный в то время индийской философией, предложил нескольких гуру и Ганди. Бунтарь Леннон предложил Гитлера и Иисуса. Ринго не предложил никого.

Блейк говорил: «Думаю, что главной моей задачей было решить, что если мы собираемся изобразить некую толпу, то в ней может быть кто угодно. Поэтому я несколько изменил первоначальный замысел и создал коллаж, включавший реальных людей, восковые фигуры, фотографии и художественные портреты».

Как оказалось, нельзя было изображать кого угодно, во всяком случае, любого, кого им хотелось. И если бы сделали так, как требовал Эпстайн, то вообще не изобразили бы в толпе никого. Брайан был убежден, что подобная идея может закончиться судебным разбирательством. Руководство ЕМІ согласилось с ним и потребовало, чтобы от каждого персонажа было получено письменное разрешение, что он не возражает против изображения его на обложке альбома, а если персонаж умер, как, например, Мэрилин Монро, то такое разрешение должно было быть получено от его наследников.

«Здесь нет никакого риска, - убеждал Маккартни распорядительного директора ЕМІ сэра Джозефа Локвуда. - Все будут только довольны».

Однако руководство ЕМІ не разделяло подобного оптимизма Маккартни и потребовало в качестве гарантии от убытков несколько миллионов фунтов. Эпстайн ужаснулся, но, поскольку переубедить Маккартни было невозможно, он отдал своей помощнице Уэнди Моугер бестолковый приказ получить законное разрешение от каждого упомянутого персонажа. Естественно, что сделать это ей не удалось.

Лео Горси из «Bowery Boys» потребовал плату и был исключен из списка персонажей, Мэй Уэст отказалась, потребовав разъяснить, что она будет делать в «клубе одиноких сердец», и согласилась только после того, как каждый из «Битлз» написал ей персональное письмо. ЕМІ отклонила Гитлера и Иисуса, а также предложила убрать Ганди. Локвуд объяснил Маккартни: «Мы не можем обидеть индийцев... Ты же знаешь, там масса проблем... и к тому же индийское отделение ЕМІ...» Это отделение осуществляло монополию на всей территории субконтинента.

Разрешение было получено только от половины персонажей, но, несмотря на возникшие проблемы и непрекращающийся протест Эпстайна, который даже дал указание американскому адвокату Нату Вейсу выпускать

альбом в конверте из коричневой бумаги, обложка появилась именно в том виде, в котором Пол с помощью Блейка и представлял ее себе. К сожалению, имя Блейка так и не было упомянуто на обложке.

Вокруг обложки было столько же разговоров, сколько и вокруг самого альбома. Это торжество поп-арта и поп-культуры породило новые направления в дизайне, оказавшие значительное влияние не только на индустрию звукозаписи, но и на визуальное искусство, включая одежду, мебель и макеты журналов.

Маккартни говорил: «Когда кто-то берет в руки вещь, которую называют «новая долгоиграющая пластинка «Битлз», то обычно он видит в ней просто коллекцию песен или симпатичную фотографию на обложке - и ничего больше. Мы впервые осознали, что необходимо создать законченную вещь - маленькое чудо».

Пристрастие «Битлз» к наркотикам к тому времени приобрело довольно широкую огласку, а кроме того, существовала уверенность, что все их поступки содержат какую-то тайную подоплеку, поэтому неизбежно поползли различные слухи, люди пытались увидеть в обложке то, чего в ней на самом деле не было. Одни считали, что на обложке среди цветов скрыты кусты марихуаны. Блейк подчеркивал, что это не марихуана, а кусты из местной оранжереи, пользующейся хорошей репутацией. По другим слухам, прокладка конверта была пропитана ЛСД. Конечно, чушь. По этому поводу Харрисон решительно заметил: «Только в том случае, если ЕМІ сама пропитала прокладку каждого конверта».

Однако нельзя сказать, что легенды и слухи, ходившие вокруг альбома, совсем не имели под собой реальной почвы. Леннон отмечал, что альбом не может быть просто абстрактным в музыкальном отношении, у него есть тема, которая проходит через него красной нитью. Наркотики. Мартин вспоминал: «Альбом никогда не был бы таким, каким он стал, если бы мальчики не принимали наркотики, а я не был бы нормальным человеком. Возможно, что без наркотиков все равно появилось бы что-нибудь подобное, но, пожалуй, не такое яркое». К 1967 году все четверо «Битлз» серьезно увлекались марихуаной. Харрисон и Леннон узнали вкус ЛСД, а самый «передовой» Маккартни во время дружбы с Брауном познакомился с кокаином.

ЕМІ сквозь пальцы смотрела на криминальные «шалости» своих ведущих артистов. «Я знал, что в студии, возможно, балуются «травкой», но никогда не преследовал это», - говорил сэр Джозеф Локвуд. «Битлз» приносили большие деньги. Локвуд вспоминал: «У меня были очень хорошие отношения с «Битлз», главным образом потому, что они были так

популярны». Если «Битлз» зарабатывали ЕМІ деньги в состоянии наркотического опьянения, то реакция на это со стороны руководства компании была следующая: «Ну и пусть». Брайан Гибсон, инженер, работавший над «White Album», вспоминал: «Все знали, что за вещества они принимают, но «Битлз» сами устанавливали для себя законы».

В других местах, где правила были строже, чем на Эбби-Роуд, «Битлз» пытались скрыть свое пристрастие и тайком по очереди пробирались в какое-нибудь укромное место, где их уже поджидал Эванс с готовыми самокрутками. Но это никого не могло обмануть.

Мартин знал, Локвуд знал, а когда был выпущен альбом, об этом узнали все. Впервые в альбоме поп-музыки стихи каждой песни содержали в себе намеки на наркотики. В песне «With a Little Help from My Friends» звучит одобрение употреблению наркотиков, лошадь Генри из песни «Mr Kite» можно рассматривать как намек на героин. И совсем не трудно заметить, что начальные заглавные буквы песни «Lucy in the Sky with Diamonds» слагаются в ЛСД.

На самом деле ни одна из этих песен не имела ничего общего с наркотиками. «With a Little Help from My Friends» была просто очередной песней Маккартни, почерпнутой из бездонного колодца его вдохновения. Стихи к песне «Mr Kite» родились у Джона, когда он рассматривал афишу балаганной труппы 1843 года, которую приобрел в антикварном магазине. Работа над ней не принесла Леннону удовольствия: «Слова давались мне с трудом, я просто соединял их вместе. Я не очень горжусь этой песней, ее нельзя назвать настоящей работой, но я сделал это, потому что нам нужна была новая песня». «Лусу...», несмотря на начальные заглавные буквы, абсолютно невинна по замыслу. Леннон написал ее под впечатлением рисунка своего четырехлетнего сына Джулиана, который изобразил свою школьную подружку Люси в небе в окружении сверкающих звезд. Леннон утверждал, что такие образы, как мандариновые деревья и мармеладовые облака, за которыми наблюдают калейдоскопические глаза, взяты из книги «Алиса в Стране чудес», а не из магазина для наркоманов на Понт-стрит в Белгрейвии.

Но как бы ни были бесхитростны и искренни отдельные песни, в целом от альбома пахнет марихуаной. Маккартни подтверждает это: «До этого альбома мы никогда не думали о подобной свободе творчества, которая позволит нам создать что-либо, подобное «Sgt Pepper». Марихуана стала проникать во все наши дела, она раскрасила наши ощущения, и мы поняли, что перед нами не так много барьеров, как мы думали».

Леннон по-своему разрушал духовные барьеры. В своем доме в

Уэйбридже он каждый день принимал ЛСД и, погруженный в психоделические сумерки, часами валялся на софе и смотрел телевизор. Иногда он поднимался с софы, чтобы подойти к пианино и наиграть мелодии, навеянные ЛСД.

В «чертовом Уэйбридже», или в «районе наркоманов», как его называл Харрисон, проблемы Леннона были его собственными проблемами и проблемами его семьи. В студии они становились проблемами всей группы. 21 марта, когда они перезаписывали вокал песни «Getting Better», дело кончилось для Леннона плохо. Верный своей привычке времен выступления в Гамбурге принимать что-нибудь возбуждающее, он по ошибке вынул из кармана не ту таблетку и вместо возбуждающего принял еще одну таблетку ЛСД. «Я путешествую», - начал говорить Джон, но это путешествие оказалось неудачным. Студия-2 стала вдруг для него опасным местом, он почувствовал страх. «Я подумал, что расколюсь на части», - вспоминал Джон. Мартин из-за пульта спросил: «Тебе плохо?» Леннон ответил, что нет, что чувствует себя «очень странно» и ему не хватает воздуха.

Провести Леннона через двери, которые обычно были окружены примерно пятьюстами орущими поклонниками, не представлялось возможным. Мартин, который в то время не представлял, какое действие наркотики оказывают на человека, не подумав, вывел Леннона на крышу. Наклонная крыша, расположенная на высоте девяноста футов, имела маленький, всего лишь шестидюймовый парапет, и Леннон, одурманенный наркотиком, запросто мог свалиться с нее.

«Только не подходи к краю, там нет ограждения», - попросил Мартин. Когда Леннон пришел в себя, он спустился назад в студию, однако был слишком слаб, чтобы продолжать работу, и Маккартни принял решение отправить его домой. До этого момента Маккартни, изображавший из себя ханжу, сопротивлялся уговорам своих друзей из «Битлз» предлагавших ему попробовать ЛСД. Однако, когда он привез Леннона домой, вся его решимость исчезла, и он предпринял свое первое путешествие в мир ЛСД, составив компанию Леннону, находившемуся в прострации.

«Я подумал, что не могу в этот момент оставить его одного», - объяснял впоследствии Маккартни. Это отношение к наркотикам нашло свое музыкальное выражение в песне «A Day in the Life» - единственной песне из альбома, которая действительно была о наркотиках.

Маккартни говорил: «Это была единственная песня из альбома, написанная как преднамеренный вызов обществу. Я вполне осознавал смысл слов «мне хотелось бы расшевелить вас» и одновременно думал:

«Это довольно рискованная позиция».

Влияние наркотиков на их творчество, осознанное или нет, было отмечено официальными средствами массовой информации. «Би-би-си» наложила запрет на исполнение песни «A Day in the Life», как раньше это было сделано с песней «Lucy in the Sky with Diamonds». Так что конкретные меры не заставили себя ждать. И что бы «Битлз» ни думали, они не могли сами для себя устанавливать законы, несмотря на все обаяние Маккартни, чья строчка стихов о том, что он хочет растормошить людей, привлекла особое внимание полиции к их образу жизни. По иронии судьбы Пол последним бросил эту пагубную привычку. Какой смысл приставать к Маккартни, когда рядом находился Джон, на которого можно было все свалить. Как бы то ни было, ордена, полученные «Битлз», оставались священным символом британской поп-культуры. Это было счастливое время - лето мира, хипповых бус, вельвета и любовных встреч. И когда Харрисон в песне «Within You Without You» пел: «С нашей любовью мы можем спасти мир», мир или хотя бы та его часть, которой не было тридцати, верили ему.

Однако впереди уже маячили беды, и Джону, Джорджу и Ринго советовали обратить серьезное внимание на Пола, произносящего в песне аллегорическую строчку: «Когда я не прав - я прав».

Вечером 26 августа 1967 года Брайан Эпстайн наконец сделал то, что пытался совершить ранее, - он убил себя. Его смерть не явилась неожиданностью. Неуверенность в себе, зависимость от наркотиков и алкоголя, безнадежное одиночество, страх перед тем, что станут известными его гомосексуальные наклонности, - все это вынуждало его опасно балансировать на краю пропасти в течение месяцев.

В октябре заканчивался его пятилетний контракт как менеджера «Битлз», и страх потерять своих «мальчиков» еще более усугублял душевное состояние Эпстайна, так как ходили слухи, что «Битлз» собираются расстаться с ним.

Питер Браун уверяет, что этот вопрос никогда не обсуждался: «Не думаю, чтобы «Битлз» могли уволить его. В конце концов, ведь именно Брайан первым проявил к ним интерес и поверил в них. Ведь больше им обратиться было не к кому. То, что последние восемнадцать месяцев у него был некоторый беспорядок в делах, на самом деле не имело значения. Контракт на звукозапись был подписан на следующие девять лет, и с этим все было в порядке. На гастроли «Битлз» ездить не собирались, здесь у него дел не было, за исключением всякой текучки, которой занимался я. Конечно, Брайан вызывал определенное беспокойство, но, насколько я осведомлен, никто не рассматривал его как неприятность, от которой следует избавиться».

Не все согласны с подобным утверждением. Джордж Мартин считал «совершенно очевидным» то, что Эпстайну придется распрощаться с «Битлз». «В этом не было совершенно никаких сомнений», - писал он.

Сам Эпстайн был убежден, что существует заговор с целью лишить его единственного занятия в жизни - заботы о его «мальчиках». У него были довольно веские причины для беспокойства. Коммерческие тракты, которые он заключил, лишали «Битлз» будущего. Маккартни, проявляя теперь активность и повышенный интерес по отношению ко всем аспектам деятельности ансамбля, с раздражением говорил: «Нас обокрали на миллионы, в этом вина только Брайана. Я всегда говорил, что он ничего не смыслит в делах. Лопух».

Была и другая причина для разногласий. Эпстайн все же пересмотрел контракт «Битлз» с ЕМІ, но у «Роллинг стоунз» был более выгодный контракт с этой же компанией. В жизни обе группы были очень хорошими

друзьями, и в 1967 году Мик Джаггер предложил для удобства создать совместную контору, которая бы в интересах обеих групп занималась вопросами страхования, распространения билетов и различных повседневных нужд. Изолированные от общества в силу своей популярности, они дружили между собой, встречались в ночных клубах, присутствовали друг у друга на записях пластинок, вместе употребляли наркотики.

Однако, когда дело касалось рок-н-ролла, «Битлз», и особенно Пол, считали себя группой номер один. Собственно, так оно и было, судя по различным показателям - количеству проданных пластинок, количеству присутствующих на концертах, мировой известности. Однако в финансовых делах впереди были «Роллинг стоунз», а не «Битлз».

В 1965 году менеджер «Роллинг стоунз» Эндрю Луг Оулдем передал финансовые дела группы в руки ньюйоркца по имени Аллан Клейн. Неотесанный, с грубыми манерами и соответствующим запасом слов, он снискал себе репутацию человека, который на вполне законном основании выуживал у компаний по звукозаписи деньги для Бобби Дарина и Конни Фрэнсис. На одной из вечеринок он сам обратился к Дарину с вопросом: «Не хотите ли получить сто тысяч долларов?» «За что?» - спросил Дарин. «Ни за что, - ответил Клейн. - Просто позвольте мне покопаться в вашей бухгалтерии». Дарин согласился, Клейн с головой погрузился в бухгалтерские книги и добыл ему обещанные деньги. Это были задолженности по прибылям, о которых, похоже, компании звукозаписи совсем забыли.

Подход типа «я могу сделать вас богатыми» звучал убедительно, а для Маккартни и очень заманчиво. В то время как «Битлз» все еще получали пенни с проданной пластинки, Клейн нырнул в море пластинок с этикетками «Роллинг стоунз» и вынырнул с прибылью в сумме один миллиард двести пятьдесят миллионов долларов - неслыханной по тем временам суммой. Маккартни хотел знать, как Клейн преуспел там, где потерпел неудачу Эпстайн.

Клейн еще более подогрел раздражение Маккартни, заявив, что может сделать то же самое для «Битлз». Похоже было, что «Битлз» готовы воспользоваться его услугами. В газеты стали просачиваться новости о том, что двое из «Битлз» (биограф Филип Норман считает, что один из них был определенно Пол) горят желанием нанять Клейна. А Клейн открыто заявил, что к Рождеству он будет работать на «Битлз».

Эпстайн, задетый за живое таким откровенным покушением на его положение, опубликовал официальное заявление, в котором объявил

похвальбу Клейна «чепухой». Возможно, он и был прав, но ни Маккартни, ни остальные не поддержали его. Маккартни почти ежедневно забрасывал Брайана различными жалобами и вопросами. А Эпстайн, который в то время обычно не мог подняться с постели раньше пяти часов дня, был не в состоянии давать ответы на эти вопросы. И если от Эпстайна требовалась какая-то помощь, то рассчитывать на нее было бесполезно.

Этим летом Маккартни был в зените славы. «Sgt Pepper» встретили с восторгом, беспрецедентным в истории поп-музыки, и Пол наслаждался этим. Песня «All You Need is Love», это «послание «Битлз» к миру», прозвучала в прямом эфире в первой международной телевизионной программе, которую смотрели более двухсот миллионов человек. Казалось, что «Битлз» все делают правильно, но в этот момент Маккартни, то ли по наивности, то ли из тщеславия, смотря как к этому подойти, сваял дурака в лучших традициях греческой трагедии.

В интервью журналу «Куин», которое моментально было перепечатано американским журналом «Лайф», Пол признался, что принимал ЛСД. «Это открыло мне глаза, - сказал он. - ЛСД сделал меня лучше, честнее, более терпимым членом нашего общества». Общество, однако, придерживалось другого мнения, и Маккартни, которого обычно так восхваляли, ощутил на себе лавину критики. Его дом в Сент-Джонз-Вуд осаждали уже не восторженные поклонники, а вездесущие журналисты и репортеры, требующие от него не автографов, а ответов.

Одобрят ли он употребление наркотиков? Разве он, как общественная фигура не несет определенной ответственности перед людьми, с почтением вззирающими на него? Кто снабжал его запрещенными теперь наркотиками? Как часто он их принимал?

Маккартни парировал эти вопросы в лучшей своей манере - с улыбкой и отговорками. Он объяснил, что во время интервью просто честно ответил на поставленный вопрос и не думает, что миллионы поклонников «Битлз» теперь сломя голову бросятся принимать ЛСД только потому, что он их принимал (по его словам, всего четыре раза).

Журналисты настаивали: «Разве вы, как общественная фигура, не несете ответственности?» Улыбка исчезла с лица Пола, и он с раздражением ответил:

«Нет, это вы несете ответственность за то, чтобы теперь не раздувать это дело. Вы знаете, что я готов рассматривать это как свое личное дело, если и вы будете относиться к этому так же. Но если вы будете кричать об этом на всех углах, то и я буду делать это». В защиту Пола подал голос Эпстайн.

Когда Пол рассказал ему, что произошло, Эпстайн, по его словам, «сильно забеспокоился». Чтобы отвести поток критики от Пола, Брайан заявил, что тоже принимал ЛСД. Все, чего он добился этим заявлением, так это еще большего скандала. Вопросы на эту тему прозвучали в парламенте, министерство внутренних дел опубликовало официальное заявление, в котором говорилось, что оно «шокировано» подобным отношением Эпстайна к опасности наркомании.

Маккартни пришел в ярость. Да, он совершил ошибку, но необдуманный поступок Эпстайна только усугубил ее и привлек еще большее внимание к инциденту. Пол позвонил Брайану и отругал его, он звонил снова и снова, пока в конце концов Эпстайн не перестал отвечать на телефонные звонки.

В попытке захватить последние деньки уходящего лета Эпстайн устроил грандиозную вечеринку в своем загородном доме в Кингсли-Хилл. Эта глупая затея еще более расстроила Маккартни.

ЛСД самого лучшего качества, изготовленный в Сан-Франциско бывшим химиком по фамилии Оулсли, был специально доставлен в Англию в фотообъективах людьми, которых «Битлз» послали в Калифорнию якобы для съемок рок-фестиваля в Монтерри. Весь день и всю ночь нескончаемо звучали «Sgt Pepper» и «Whiter Shade of Pale» Прокола Харума, по кругу ходили фляжки с чаем, приправленным ЛСД. Специально приглашенные развлекали публику, танцуя в саду в шифоновых платьях и обнимая всех подряд. Одна из помощниц Эпстайна, накачавшаяся наркотиками, подбрасывала вверх ботинки Ната Вейса. Синтия Леннон, которую очень тревожила эта вечеринка, оставалась запертой в спальне, ее супруг ускользнул от нее в разноцветный мир паранойи.

Среди гостей были Мик Джаггер и Марианна Фейтфул, композитор Лайонел Барт и, что странно, Джон Притчард - дирижер Лондонского филармонического оркестра, представитель старой классической музыки.

Питер Браун говорит, что «Джону понравилась вечеринка». Эпстайну она не понравилась. На вечеринке присутствовали Леннон, Харрисон и Ринго, а Маккартни не было. В последний момент он позвонил по телефону и извинился за то, что не сможет приехать. Эпстайн был «опустошен», все «Битлз» пытались успокоить его, но безуспешно. Его не успокоила даже принятая доза ЛСД, наоборот, он шаркающей походкой ходил по гостиной и бормотал: «Пол не пришел... в такой день... он должен был прийти».

У Пола совсем не осталось симпатии к Эпстайну, и, хотя Брайан в тот

момент так нуждался в его поддержке, на Пола рассчитывать уже не приходилось. После скандального интервью в «Куин» и «Лайф» Пол решил для себя, что не в его интересах связывать свое имя с ЛСД (при этом он оставался горячим приверженцем марихуаны. Марихуана была в моде, а Пол всегда следовал моде).

Иногда Маккартни пытаются представить «социальным штурманом», всегда держащим паруса по ветру моды, вовремя схватывающим различные идеи и отбрасывающим их при смене ветра. Но ведь он действительно единственный из «Битлз» заботился о славе ансамбля, причем делал это отнюдь не из эгоистических побуждений. Необычайно талантливый сам по себе, Пол стремился к совершенствованию не только собственного мастерства, но и всего ансамбля в целом.

Конечно, если этого требовали обстоятельства, Маккартни мог быть жестоким. Леннон, и это было правдой, заслужил репутацию человека, всегда отпускающего едкие замечания (когда Эпстайн сказал, что собирается писать автобиографию, и спросил, как бы ее можно было назвать, Джон ответил: «Еврей-гомосексуалист»). В интервью журналу «Плейбой» Маккартни признался: «Я тоже могу быть злым».

Однако неприязненное отношение Пола к Эпстайну основывалось не на убеждении, что этот человек в немодном костюме в полоску и нелепых цветных рубашках не вписывался в сложившийся образ «Битлз». Причиной этой неприязни были только деньги и контракты.

Необычайно работоспособный сам, Пол никак не мог смириться с тем, что последнее время Эпстайн мог являться в офис тогда, когда все остальные уже собирались домой, и это несмотря на массу финансовых проблем. Значительная доля средств, которые так глупо упустил Эпстайн, должна была принадлежать Маккартни. Леннона, который бесцельно смотрел телевизор в Уэйбридже, это мало заботило, но Пола, ливерпульского парня из среднего сословия, эта проблема серьезно волновала.

Пристрастие Пола к марихуане вытекало из твердого убеждения, которого Пол придерживается до сих пор: «Лучше марихуана, чем виски». В 1967 году Маккартни официально заявил об этом в «Таймс» и вместе с другими известными людьми поставил свою подпись под петицией, требующей легализации марихуаны. Тогда подобные требования были в моде, и Пол не только поставил свою подпись, но и оплатил эту публикацию в газете. Идея поместить подобное заявление принадлежала Стивену Абрамсу, президенту популярного в 60-е годы Общества психического сознания, которое «передовой» Пол всегда поддерживал.

Маккартни пообещал Абрамсу, что оплатит расходы по помещению заявления, и, когда «Таймс» за день до публикации потребовала предварительную оплату, к Питеру Брауну за чеком было отправлено такси. Сумма в тысячу восемьсот фунтов была отнесена в раздел расходов «Битлз» на рекламу.

Эпстайн, всегда стремившийся поддерживать своих «мальчиков», тоже поставил свою подпись под этим заявлением. Среди подписавших были также телережиссер Дэвид Димлби и член парламента Брайан Уолден, являющийся в настоящее время известным политическим телеобозревателем. Заявление наделало много шума, и Эпстайн, укрывшись в своем доме в Белгрейвии на Чапел-стрит, с надеждой и страхом ожидал звонка Маккартни - единственного из «Битлз», которого, по мнению Брауна, ему «действительно следовало опасаться». А «Битлз» в это время захватила новая идея.

Они полетели в Грецию с грандиозными замыслами основать там коммуну хиппи, но прилетели назад разочарованными, так как стоявшее тогда у власти правое правительство попыталось использовать их визит с целью привлечения туристов. На очереди была Индия.

Во время прошлогоднего визита Харрисонов на субконтинент Патти заинтересовалась индуизмом. Она купила книги по трансцендентальной медитации и мистицизму и по возвращении в Англию вступила в популярную в 60-х годах организацию Движение за духовное возрождение, где ей выдали личную мантру - секретный текст, используемый в качестве магического заклинания. Поначалу Джордж скептически отнесся к этому: «Что это такое, если ты должна хранить все в тайне от своих друзей?» - спрашивал он, но постепенно стал разделять ее увлечение. Когда Патти услышала, что махариши Махеш Йоги будет 24 августа выступать с лекцией в лондонском отеле «Хилтон», она убедила Харрисона пойти вместе с ней. Пол, Джон, Ринго с женой Морин, только что родившей второго ребенка, заразились энтузиазмом Патти и тоже решили пойти. Пол взял с собой Джейн Эшер и своего брата Майкла Макгира.

Махариши, философ по образованию, обладал более глубокой земной мудростью, чем можно было предположить, судя по его священному образу. Он произнес свою обычную речь о величии самосознания, о мире и внутренней гармонии и пригласил «Битлз» со всей свитой подняться к нему в номер для личной аудиенции. Во время аудиенции махариши сказал им, что состояние нирваны, когда отдельная личность ощущает себя частью великого целого, может быть достигнуто без помощи наркотиков. Маккартни заинтриговали его слова, Леннон смутился и заявил, что он

изумлен. Махариши пригласил их посетить десятидневный семинар, который он собирался проводить в Бангоре в Уэльсе. «Битлз» согласились и через несколько дней, в соответствующих одеяниях, украшенные бусами, в сопровождении вездесущих Мика и Марианны, выехали в Бангор с лондонского вокзала Юстон (символично, что Синтия опоздала на поезд).

Ночь они провели в спальне заведения с неудачным названием «Педагогический колледж», где, по словам Брауна, «на них нахлынули теплые воспоминания о прежней дружбе». На следующее утро Пол созвал пресс-конференцию и заявил, что они покончили с наркотиками. «Да, мы прошли через этот опыт, но теперь с этим покончено. Нам больше не нужны наркотики, мы приехали сюда, чтобы искать новые пути».

«Битлз» покончили с наркотиками? Эта новость появилась на первых страницах всех британских газет, как в свое время заявление Пола об употреблении наркотиков. Однако эта новость вскоре исчезла со страниц газет. Если Джон, Пол, Джордж и Ринго решили покончить с порочным увлечением, то Эпстайн нет.

Харрисон и Маккартни не слишком настойчиво приглашали Брайана поехать с ними в Бангор, да и сам он отказался, сказав, что собирается провести выходные дни с друзьями в Кингсли-Хилл. Однако, когда «друзья» не явились, он стал обзванивать всех подряд и приглашать в гости, но никто так и не приехал. Тогда Эпстайн в мрачном настроении покинул своих единственных гостей - Питера Брауна, Джоффи Эллиса и старого приятеля по Ливерпулю, ставшего главным администратором NEMS, и на машине уехал в Лондон. Это было в пятницу. В субботу вечером он позвонил в Кингсли-Хилл и сказал, что приедет ночью на машине. Браун посоветовал ему воспользоваться поездом. Эпстайн согласился и сказал, что перезвонит и сообщит, каким поездом будет выезжать.

Брайан так и не позвонил. В воскресенье после обеда Браун позвонил в Лондон и велел слуге Эпстайна Антонио и шоферу Брайана сломать двойные дубовые двери в спальне. На кровати в спальне они обнаружили скрюченное тело Эпстайна, одетого в пижаму. В заключении полиции было сказано, что «смерть наступила в результате неосмотрительной передозировки снотворного».

Браун позвонил в Бангор и попал на Джейн Эшер. «Я не стал ей ничего говорить, просто попросил разыскать Пола и перезвонить мне», - говорит Браун. Маккартни перезвонил из телефона-автомата, и Браун рассказал ему, что произошло. «Он был потрясен. Все знали, что с Брайаном последнее время творилось неладное, но никто не ожидал, что

это может стать причиной смерти в тридцать два года».

Десятидневные курсы медитации как раз почти закончились. Леннон поделился новостью с махариши, который сказал, что, конечно, на самом деле Эпстайн не умер, а просто ушел в другой мир. При этом он добавил: «Наша медитация позволяет нам с уверенностью противостоять подобным потрясениям». Маккартни, отреагировавший на это именно как на смерть, сказал: «Это страшный удар, мне очень жаль его».

Спустя два дня Эпстайн был похоронен на еврейском кладбище в Ливерпуле. На похороны никто из «Битлз» не приехал. Обеспокоенные тем, что их присутствие может превратить похороны в балаган, они решили, что разумнее будет остаться дома.

Среди близких, присутствовавших на похоронах, были Браун и Силла Блэк. Эпстайн всегда опаздывал в жизни, и сейчас гроб с его телом был с опозданием доставлен автомобилем из Лондона. «Он не может прибыть вовремя даже на собственные похороны», - прошептал Браун Силле. Словно безумная, Силла начала истерически хихикать, к великому смущению убитых горем родных Эпстайна.

Маккартни отреагировал на случившееся своеобразно, полностью погрузившись в работу. Через три дня после похорон он предложил Брауну собрать всех «Битлз» у него дома в Сент-Джонз-Вуд. Там он объявил всем, что надо работать над проектом, который они задумали еще в апреле, но отложили.

Это была, как и следовало ожидать, новая идея Маккартни. Подобно «Sgt Pepper», она пришла ему в голову в самолете на следующий день после завершения работы над «Sgt Pepper», когда он летел из Лос-Анджелеса, чтобы отметить 21-летие Джейн Эшер. В самолете он прочитал о том, как писатель Кен Кизи с компанией веселых друзей ездил по Америке на автобусе, окрашенном в психоделические цвета, и снимал фильм во время этой поездки. Пол решил, что все, что сделал Кизи, он может сделать гораздо лучше. Дав волю своему воображению, Маккартни, удобно устроившись в салоне первого класса, принялся делать в блокноте наброски клоунов, гномов и толстой женщины. Он придумал название «Magical Mystery Tour» («Волшебное таинственное путешествие»), напел мелодию и сочинил начальную строчку стихов. После его возвращения в студию на Эбби-Роуд песня была записана, причем остальные строчки стихов придумывали все подряд. На этом все и было закончено, но теперь, после смерти Эпстайна, Полу ужасно захотелось вернуться к этой работе.

Браун вспоминает: «Такова была частичная реакция Пола на смерть Брайана - немедленно начинать что-то делать. Он все время говорил: «Не

будем терять ни минуты, давайте что-то делать, мы не можем сидеть сложа руки».

Леннон скептически относился к этому предложению: «Я понимал, что всем было тяжело, но у меня были сомнения по поводу того, что мы можем делать помимо исполнения музыки»

Ухватившись за идею, Маккартни развивает кипучую деятельность. Он постоянно твердит об этом, пока не становится проще согласиться с ним, чем предложить что-то иное. Джон и Джордж, несмотря на свое отрицательное отношение к этой затее Пола, все-таки согласились с его проектом. Как говорил Джон, «мы почувствовали, что должны сделать что-то значительное для публики». В результате работа получилась гораздо слабее, чем этого можно было ожидать от «великолепной четверки».

В 10 часов 45 минут утра 11 сентября желто-голубой автобус с разношерстной толпой, состоящей из сорока трех человек, отправился в путь от Оллсоп-Плэйс в Лондоне. Они не знали, куда едут, у них не было никакого сценария за исключением того, что хранился в голове Маккартни.

По дороге они все время попадали в заторы, лилипуты и толстые дамы ругались между собой. В один из таких моментов Леннон не выдержал, выскочил из автобуса и посрывал флаги «Волшебного таинственного путешествия», которые украшали автобус. На киностудию «Шеппертон», где Пол собирался снять последнюю сцену, их не пустили, так как никому не пришло в голову заранее оплатить аренду павильона звукозаписи. Улетая во Францию на съемки песни «The Fool on the Hill», Пол забыл взять паспорт и бумажник, а кроме того, у него не было необходимых для съемки объективов. Две с половиной минуты фильма в конечном итоге обернулись четырьмя тысячами фунтов (тридцать пять тысяч фунтов, если соотнести с 1991 годом). При монтаже фильма возникало много споров, так как Маккартни не принимал во внимание предложения Леннона.

Идея Маккартни о покaдровой съемке фильма, возможно, была и хороша для домашнего просмотра, но для телевидения она была неприемлема. Единственным запоминающимся кадром за все пятьдесят минут фильма является момент из «The Fool on the Hill», где показан пенис Маккартни, когда он танцует на вершине холма. Однако эту юношескую шутку публика смогла оценить только тогда, когда появились видеомагнитофоны, и этот момент стало возможным рассмотреть в режиме паузы. Руководство NEMS настаивало, чтобы Маккартни выбросил этот кадр. «Лучше вырезать этот кадр, чем иметь неприятности», - советовал Браун.

Маккартни не слушал советов, он настаивал на том, чтобы в фильме

все оставалось в соответствии с первоначальным замыслом. Он, как всегда, шел своим путем. На создание фильма у Пола ушло пятнадцать недель, он работал день и ночь. «Когда долго работаешь над чем-то, может быть, даже не совсем удачным, начинаешь чувствовать, что работа не такая уж плохая, как тебе кажется», - говорил Пол, и это убеждение объясняет многие из его последующих неудач. Когда во время рождественских праздников фильм показали по британскому телевидению, он был встречен бурей насмешек. «Дейли экспресс» назвала его «вульгарной чепухой». В один из моментов их путешествия Ринго взмолился: «С меня довольно, я больше не выдерживаю, я ухожу». Подобные чувства разделяло и большинство из пятнадцати миллионов телезрителей, которые включили телевизоры, чтобы посмотреть этот фильм, и тут же выключили.

Маккартни, всегда плохо воспринимавший критику, был глубоко оскорблен, а бороться ему пришлось не только с газетной критикой. Леннон тоже был возмущен; его раздражало, что Маккартни втравил его в авантюру, в которой, как считал Джон, он не должен был участвовать. Оскорбило его и то, что Маккартни навязал ансамблю свою волю, а Джон, обессиленный наркотиками, не смог воспротивиться этому. Джона злило, что сорок тысяч фунтов из денег «Битлз», а именно столько стоил фильм, были выброшены на ветер. Эту неудачу Леннон назвал «самым дорогим кинофильмом для домашнего показа».

Пол, задетый за живое высказываниями Леннона, сказал: «Джон говорит, что фильм «Magical Mystery Tour» был большим эгоистическим путешествием Пола. Боже мой! Ведь это было сделано для их же пользы, чтобы сплотить их, заставить работать над чем-то новым...»

Питер Браун считает, что, если бы был жив Эпстайн, он никогда не допустил бы подобного провала. Но Эпстайн был мертв. Несмотря на официальное заключение о смерти как о несчастном случае, поползли различные слухи: что Брайан задохнулся в резиновой маске во время садомазохистских развлечений, что его убил мальчик, которого он нанял на ночь.

Много вопросов возникало и по поводу коммерческих контрактов, которыми занимался Эпстайн. Обкраден был не только Пол Маккартни и остальные «Битлз». Путем всяких юридических ухищрений были расторгнуты коммерческие контракты на сумму восемьдесят миллионов долларов, и на этом потеряли деньги многие проходимцы.

Спустя несколько недель после того, как свернутое калачиком тело Эпстайна было обнаружено на Чапел-стрит, его адвокат Дэвид Джейкобз был найден повесившимся в своем гараже. Причина смерти была

определена как самоубийство, но подпись Джейкобза стояла под некоторыми расторгнутыми контрактами, и друзья вспоминали, что в последние дни своей жизни он выглядел очень испуганным. Возможно, испуганным был и Эпстайн.

«Слухи об убийстве Эпстайна являются чушью, а вот все коммерческие неприятности - это правда», - сказал Маккартни. Но Эпстайн был мертв, и теперь уже ничто не удерживало Леннона в ансамбле.

Джона раздражало, что Эпстайн придал «Битлз» образ добропорядочных, обаятельных мальчиков из среднего класса. Он терпел это только потому, что, как и Пол, хотел быть звездой. Благодаря своей близости к Эпстайну Джон считал, что всегда сможет контролировать деятельность «Битлз». Но Эпстайна уже не было, а Джон погружался в глубокий омут наркотиков, в который он сам себя затянул. Ограничения исчезли, теперь Пол руководил ансамблем. В окружении «Битлз» появились две женщины, две Гиневры [*Гиневра - супруга короля Артура и любовница сэра Ланселота*], которым было предназначено навсегда разрушить очарование «Пепперленда». Одна из них была та самая странная японка в черном, другая - Линда Истман. По иронии судьбы именно Маккартни ввел обеих в круг «Битлз».

Ни у Джона Леннона, ни у Пола Маккартни не было ни малейших сомнений по поводу того, кому принадлежит заслуга в успехе «Битлз». «Ни Джордж, ни Ринго не имели к этому отношения, потому что музыку писали мы с Полом», - как-то холодно заметил Леннон.

Ринго, самого удачливого ударника в Ливерпуле, вполне устраивала такая постановка вопроса. Он получал свою долю денег, развлекал себя дорогими автомобилями и электронными игрушками и готов был участвовать в любых проектах лидеров ансамбля.

Харрисон, угрюмо рассуждавший о жизни в глубине студии, не разделял подобного оптимизма Ринго. Ни Леннон, ни Маккартни не обращали на него внимания, да и Джордж Мартин тоже. Мартин признавался: «Я никогда не уделял много времени Джорджу, а он был очень терпеливым». Харрисон сосредоточил свое внимание на «двух победителях - Ленноне и Маккартни». Когда, например, Джон и Пол как-то проигрывали на пианино различные мелодии, именно Харрисон сказал им, что мелодия, которую они наигрывали несколько минут назад, довольно интересная. Даже не кивнув ему в знак признательности, они вернулись к предложенной Харрисоном мелодии и сделали из нее музыку для песни «I Feel Fine».

Харрисон стал проявлять растущее недовольство по поводу отведенной ему второстепенной роли. Он вспоминал: «Моя беда заключалась в том, что мне было очень трудно сказать свое слово, Пол был очень бесцеремонным в этом плане. Если ему не хотелось исполнять чужую мелодию, он всегда настаивал на своем. Надо было исполнить пятьдесят девять песен Пола, чтобы он хотя бы выслушал одну из моих».

Маккартни, упивавшегося своей ролью музыкального режиссера, казалось, совершенно не заботят другие проблемы. Воодушевленный своей значимостью, Пол считал себя ответственным за сохранение ансамбля и продолжал плодотворно работать. «Мне нравилось быть «битлом», - вспоминал он. Маккартни до сих пор считает, что это удовольствие ему главным образом доставляло сотрудничество с Ленноном. Возможно, что Джон уже начал колебаться, все более разочаровываясь в поведении Маккартни, узурпировавшего место лидера ансамбля, но Маккартни пока еще не понимал этого. «Мы с Джоном очень подходили друг другу», - говорил он.

Это было партнерство, которое помогало Маккартни и поддерживало его. Пол всегда нуждался в ком-то, кто мог бы облечь в четкие формы его идеи и индивидуальность. Его жизнь была неотделима от таких близких ему людей, как мать, отец, жена или Леннон, только с их помощью он мог быть самим собой. Они являлись звуковым отражателем того, что он хотел сказать и кем хотел быть, а в то время больше всего он хотел сотрудничать с Ленноном.

Пол говорил: «Одним из самых лучших моментов в отношениях Леннона и Маккартни была конкуренция. Это было великолепно. Я мог делать ерунду, которая могла ему не понравиться, подталкивать его в определенном направлении, в котором ему не хотелось двигаться. А Джон мог делать подобные вещи со мной. Если ему не нравилось направление, в котором я двигался, он останавливал меня щелчком пальцев». Маккартни был бы рад сохранить эту связь на всю жизнь, но горькая правда состоит в том, что, если не принимать во внимание их увлечение музыкой, они были абсолютно разными людьми.

Питер Браун говорит: «Едва ли у них было что-то общее, кроме музыки. Они оба понимали, что если Пол написал песню и они пришли в студию, то Леннон будет доводить эту песню до конца, в то время как Пол будет шлифовать песню, написанную Джоном». Это у них получалось и много им обоим дало. Однако их отношения базировались скорее на привычке, чем на взаимной симпатии. «Их связь стала почти родственной, - говорит Браун. - Они с юношеских лет все время были вместе. Если бы они познакомились позже, у них не было бы ничего общего».

Однако намечающийся разлад еще не вылился в открытую вражду. «Битлз» продолжали все делать вместе. Они все еще продолжали находиться в трансцендентальном возбуждении, а Джордж и Джон стали вегетарианцами («...что за отвратительную пищу они ели, неудивительно, что они свихнулись», - вспоминала мать Джейн Эшер). 18 февраля 1968 года все вылетели в Индию, чтобы провести семейный отпуск в Центре трансцендентальной медитации в Ришикеше.

Нельзя сказать, что это были счастливые впечатления. Оказалось, что махариши не такой уж эстет, как это представлялось вначале. Ринго, который скучал по яичнице с чипсами и никогда толком не понимал сути этой философии, разочаровался первым. Вскоре он улетел домой вместе с женой Морин, жалуясь при этом, что Ришикеш похож на дом отдыха «Батлинз».

Следующими уехали Маккартни и Джейн Эшер. Они ожидали найти в Ришикеше простое убежище, где могли бы в блаженном одиночестве

внимать Божественному Слову. А увидели они там дорогой лагерь для отдыха с обыкновенными кроватями, с вертолетной площадкой, с интернациональной кухней, с клиентурой, состоящей из скандинавских женщин среднего возраста. Чтобы увидеть это, совсем не требовалось пересечь полмира. В любом случае Пол не стал бы связываться со всем этим, он и к махариши поехал-то только потому, что сначала Джордж, а потом и Джон были так очарованы им. Пол хотел без всякого предубеждения посмотреть на это. Но в глубине души «передовой» (выражение Пола) Маккартни был «слишком буржуазным» (выражение Брауна), чтобы стать последователем индийского гуру неизвестного происхождения, который явно стремился получить от общения с «Битлз» столько, сколько они никогда не смогли бы получить от общения с ним. После шести недель пребывания в Ришикеше Пол и Джейн решили, что с них довольно, и последовали за Ринго домой в Англию.

Через три недели Леннон, Харрисон и их жены покинули обитель гуру. Махариши дал понять «Битлз», что ожидает от них святых пожертвований в размере двадцати пяти процентов от дохода, которые следовало переводить в швейцарский банк. Окончательное разочарование в восточном идоле наступило, когда выяснилось, что он использовал свое «божественное» положение, чтобы добиться расположения молодой женщины, входившей в число «преданных».

По словам Брауна, Маккартни так охарактеризовал всю эту историю: «Проходимец, я же говорил вам». На самом деле он был очень расстроен. Всегда заботившийся о собственном имидже, что в настоящий момент было неотделимо от имиджа ансамбля, Пол понял, что они попали в глупое положение. Он обвинил во всем Харрисона. Джон поддержал Пола. Однако в этот момент на их горизонте появились более серьезные проблемы, ставшие неразрешимыми.

9 ноября 1966 года, как раз в тот день, когда Брайан Эпстайн публично заявил о том, что «Битлз» прекращают свою гастрольную деятельность, Джон познакомился с японкой, одетой во все черное. Ее звали Йоко Оно, и была она художницей-модернисткой. Их встреча стала началом самой яркой и самой шумной любовной истории эпохи рок-н-ролла. А познакомил их Пол Маккартни, о чем он впоследствии здорово сожалел.

В один из вечеров Йоко пришла к Маккартни домой в Сент-Джонз-Вуд. «Это был благотворительный вечер - довольно авангардное мероприятие, имевшее отношение к Джону Кейджу», - вспоминал Пол. Йоко родилась в 1934 году и была на шесть лет старше Леннона. Детство дочери токийского банкира прошло в поездках между Токио и Нью-

Йорком. В двадцать три года она вышла замуж за композитора по имени Тоси Итиянаги, но сделала это против воли родителей, за что и была лишена наследства. В ответ на это Йоко послала родителям бутылку, наполненную мочой. Замужество, продлившееся семь лет, привело ее в НьюЙорк, где она стала общаться с музыкантами-авангардистами, такими, как Джон Кейдж. По возвращении в Токио Йоко оставила Итиянаги и вышла замуж за художника Тони Кокса. У них родилась дочь Киоко, но материнство не особенно радовало ее.

«В обществе распространен миф, что все женщины должны иметь детей, но это только миф, - говорила она. - Я все-таки привязалась к своей дочери и сильно любила ее, но одновременно с этим я боролась за свое собственное место в этом мире».

В поисках этого места семья Коксов вернулась в НьюЙорк. Однако артистический мир Нью-Йорка довольно холодно встретил ее работы, и в 1966 году, почти без гроша в кармане, Коксы прибыли в Лондон. С той же решимостью, как и в Нью-Йорке, но более успешно Йоко вступила на лондонскую художественную сцену, начала устраивать выставки и наконец очутилась в доме Маккартни.

«Она хотела получить мои стихи», - вспоминал Пол. У него никогда не было привычки дарить стихи, и сейчас он не собирался делать этого. «Я на самом деле не хотел дарить ей мои стихи - то ли из чувства эгоизма, то ли по другой причине, но не хотел.» Поэтому я сказал: «У меня есть друг и соавтор Джон, вот он может помочь». Я навел ее на Джона, и они быстро подружились - это было похоже на вспышку молнии».

Пламя, которому было предназначено поглотить «Битлз», начало разгораться. Впервые Джон и Йоко встретились в картинной галерее «Индики» на выставке под названием «Незаконченные картины и предметы Йоко Оно». На выставку Джона пригласил муж Марианны Фейтфул Джон Данбар. Когда Леннон прибыл туда в автомобиле «мини» с шофером за рулем, Данбар сказал Йоко: «Иди и поздоровайся с миллионером».

Искусство Йоко, даже по авангардным меркам 60-х годов, было довольно необычным. На одном из стендов было выставлено яблоко, которое продавалось за двести фунтов. Посетителей приглашали вскарабкаться на лестницу и посмотреть на слово «Да», написанное на потолке. Йоко вручила Джону карточку, на которой было напечатано: «Дыши», и предложила ему за пять шиллингов забить гвоздь в деревянную доску. Джон ответил, что забьет воображаемый гвоздь за воображаемые пять шиллингов. Йоко улыбнулась. Леннон ушел с выставки, поехал домой в Уэйбридж, к своей университетской шапочке, в которой у него хранились

возбуждающие и успокаивающие наркотики и ЛСД.

Это была непримечательная встреча, но Йоко произвела впечатление на Леннона, а он на нее. Йоко попыталась снова увидеть Джона и убедить его субсидировать другую выставку, но ей не удалось проскочить мимо охраны. Другой ее шаг оказался более удачным. Она послала Леннону книгу «Грейпфрут», написанную три года назад, где содержались такие строчки: «Убей всех мужчин, с которыми спала. Положи кости в коробку и брось их в море в коробке с цветами... Хорошенько перемешай свои мозги пенисом».

Леннону не было необходимости перемешивать свои мозги, они и так уже были достаточно перемешаны. По его словам, он более тысячи раз отправлялся в путешествия под воздействием ЛСД. Джон признавался, что иногда воздействие ЛСД было настолько разрушительным, что он терял возможность различать цвета и все представлялось ему в едином тусклом цвете. Преданная жена Синтия была глубоко несчастна. «Наш разрыв начался тогда, когда разрушительное действие конопли и ЛСД вторглось в нашу жизнь», - вспоминала она. Синтия готовила еду, к которой Джон не притрагивался, пыталась говорить с ним, хотя и не получала ответа. Ждала его, когда он не являлся домой. Она продолжала верить, что Джон все еще любит ее, но это был просто самообман. Джон увлекся Йоко с ее причудливыми и противоречивыми идеями, которые казались так близки его собственным.

Все время, пока он был в Индии, Джон ежедневно писал Йоко, а она добросовестно отвечала ему. «Я начал думать о ней как о женщине, и не просто как об умной женщине», - вспоминал Леннон. По пути домой, в самолете, Джон грубо заявил, что Синтия стала ему помехой в жизни. Непрерывно подкрепляясь ромом и пирожными, он начал перечислять женщин, с которыми переспал за время их женитьбы. Синтия закричала, что не желает знать этого, но он продолжал (певицы, актрисы, высокооплачиваемые шлюхи, поклонницы, жены друзей... всего более трехсот). В мае этот список был дополнен именем Йоко.

Через две недели после возвращения из Индии Джон погрузился в психоделическое уединение, а Синтия уехала отдыхать в Грецию. Вернувшись в Уэйбридж, она обнаружила, что Джон и Йоко удобно устроились в ее доме и в ее постели.

«Как будто меня больше не существовало», - говорила Синтия. Да, ее не существовало, не существовало больше и Маккартни. Леннон нашел то, что искал, и, как оказалось, Маккартни тоже.

Казалось, что у Маккартни, как и у Леннона с Синтией, счастливая,

прочная связь. Он был вместе с Джейн Эшер со времени «She Loves You» - начала расцвета битломании, и все, включая самого Пола, верили, что они вскоре поженятся. В декабре 1967 года они даже объявили о своей помолвке. Это была очень популярная пара. Джейн была красива и привлекательна, казалось, у нее есть все, чем должна обладать супруга «битла». Однако за внешним благополучием дела складывались не совсем хорошо. Наркотики по-прежнему оказывали свое влияние. Когда Джейн вернулась после пятимесячного театрального турне по Соединенным Штатам, она обнаружила, что «Пол сильно изменился. Он принимал ЛСД, а я ничего не знала об этом. Дом тоже изменился и был полон людей, которых я не знала».

Но проблема состояла не только в этом. Маккартни, этот молодой, богатый, по собственному признанию, бабник («я был страшным распутником»), никогда не оставлял своих холостяцких привычек. Безжалостно подводя итоги своим отношениям с Джейн, он впоследствии скажет, что у него в этот период было много женщин. «В течение этих пяти лет я общался не с одной девушкой», - вспоминал он. Чтобы заполнить эмоциональную пустоту, Маккартни обратился к наркотикам, хотя и не в таких разрушительных дозах, как Леннон. Однако Маккартни, всегда готовый нести ответственность за всех, включая и себя самого, сумел сдержаться.

С того времени, как Боб Дилан впервые скрутил ему самокрутку, Пол почти ежедневно курил марихуану, во время работы над «Sgt Pepper» он нюхал кокаин, но всегда делал это очень осторожно. Одной из причин употребления наркотиков является стремление раскрепоститься, ощутить себя, уйти от себя. Но все ощущения могли пойти насмарку из-за боязни потерять себя. Вам интересно наблюдать за происходящим, но в то же время вы не хотите потерять контроль над собой. И если Леннон не чувствовал страха, то Маккартни строго контролировал себя. По сравнению с Ленноном Пол довольно редко употреблял ЛСД и никогда не составлял Джону в этом компанию. Когда Джон предложил им сделать в черепах дырки путем трепанации черепа, Пол решительно отказался.

Вспоминая о том, как Леннон уничтожал себя, Маккартни рассказывал: «Он часто говорил вещи типа: «Если ты очутился на краю пропасти и думаешь, прыгнуть или нет, попробуй прыгнуть». Маккартни, который по-прежнему был способен видеть вещи в цвете и трех измерениях, ответил, что делать этого не станет. Он боялся, и это иногда тревожило его: «Я страдал, когда говорил «нет». Я думал: «Ну вот, опять. Посмотрите, какой я трусливый». Судя по экстравагантным стандартам,

установленным Ленноном, Маккартни так и остался трусливым. Для Маккартни самоконтроль был всегда важнее, чем чудачества. Например, он бросил кокаин почти сразу после того, как попробовал. Направляясь в туалет, чтобы принять очередную порцию кокаина, он повторял про себя: «Немножко... самую малость...» За подъемом могла последовать депрессия, «поэтому я всегда помнил об этом».

Этот случай произошел в ночном клубе, и в ночном же клубе произошло другое роковое событие. В один из вечеров в то лето любви работа в студии закончилась рано, и Питер Браун с Маккартни отправились в поход по ночным клубам. Закончили они в «Bag of Nails», где играл Джордж Фейм со своим ансамблем «Blue Flames». К Брауну подошла поздороваться высокая блондинка, говорившая с американским акцентом. Браун представил ее Маккартни: «Пол, это Линда Истман».

Маккартни вспоминает: «Я заметил эту блондинку, когда она шла через зал, и сразу заинтересовался ею. А когда она подошла к нашему столику, я сказал какую-то глупость типа: «Привет, как поживаете? Позвольте мне увести вас отсюда».

«Это было забавно, - подтверждает Линда. - Звучит, конечно, глупо, но наши глаза встретились, и что-то с нами произошло».

Браун лаконично свидетельствует: «В этот вечер между ними определенно установились какие-то отношения - ушли они вместе».

Линда Истман неплохо разбиралась в рок-музыке. Она родилась в Нью-Йорке, в районе Скарсдейл, считавшемся нью-йоркским Уэйбриджем. Линда с гордостью подчеркивала, что ее семья «очень образованна. У отца и у брата блестящее образование, оба закончили юридический факультет Гарвардского университета». Линде было далеко до их успехов. В Ежегоднике скарсдейлской средней школы она описана как «соломенная блондинка, проявляющая интерес к мужчинам». А что еще? Мало что можно добавить к этому.

«Я была не очень хорошей ученицей», - соглашалась она.

Линда посещала колледж Сары Лоуренс, в котором три года училась Йоко Оно, однако Линда провела там гораздо меньше времени. «Единственное, что меня всегда интересовало, - это животные, рок-музыка и фотография, - к великому разочарованию моей семьи», - говорит она.

Впоследствии Леннон с помощью Аллана Клейна кое-что раскопал в биографии Линды. А в тот момент ее считали просто очередной блондинкой, сексуальным пилотом женской вспомогательной авиации из благополучной семьи, которую захватил рок-н-ролл, его волшебство и постоянное стремление принести себя в жертву истинным поклонникам.

Рок-н-ролл сразу стал значить для Линды больше, чем просто танец на вращающемся столе, он стал неотъемлемой частью ее жизни. Она проявляла живой интерес к шоу-бизнесу.

Когда Линде исполнилось восемнадцать, ее мать умерла, а отец женился на другой. Она поехала в Денверский колледж, вышла замуж за студента-геолога Боба Си, родила дочь, которую называли Хитер, потом бросила мужа и уехала в Таксон. Прожив год в Аризоне, Линда вернулась в НьюЙорк и стала работать в ведущем американском социальном журнале «Город и деревня». Одно из приглашений, пришедших в журнал, было на встречу с «Роллинг стоунз». Линда взяла камеру и отправилась в путь на частной яхте, плававшей вокруг острова Статен.

Используя свои внешние данные и скромные способности фотографа, она занялась тем, что встречала рок-звезд, приезжавших в НьюЙорк и довольно неплохо преуспела в этом деле. Среди ее друзей был Эрик Бердон из «Animals», которому нравилось разбивать куриные яйца на женщине, с которой он занимался любовью. Браун говорил: «Однажды Линда похвасталась, что ее воспитателями были Майк Блумфилд, Стивен Стиллз и Эл Купер». В тот вечер, когда она познакомилась с Маккартни, в ночной клуб ее привел Чаз Чандлер, который раньше играл в «Animals» и который открыл Джими Хендрикса.

Браун знал Линду по Нью-Йорку. «Она прислала мне папку со своими работами и спросила, не смогу ли я найти для нее работу в Лондоне», - вспоминает он. В папке была серия фотографий «Роллинг стоунз». Брауна особенно заинтересовала одна фотография, на которой был изображен Брайан Джонс - гитарист, который доставил много неприятностей ансамблю и вскоре умер.

«Я восхищался Брайаном, и когда увидел его фотографию 10x8, то взял ее, - говорит Браун. - Я отослал папку назад и сказал Линде: «Одной фотографии ты не досчитаешься», на что она ответила: «Фотографии Брайана». Она точно знала, что мне захочется взять ее, так что я задолжал ей одну фотографию».

Браун должен был отплатить ей за услугу. Пока Эпстайн лечился от наркотиков, Браун занимался выпуском альбома «Sgt Pepper». На обед в дом Эпстайна на Чапел-стрит была приглашена дюжина ведущих журналистов и, конечно, дюжина фотографов. В мае 1967 года Линда прилетела в Лондон с намерением встретиться с «Битлз» (как она призналась позднее, она положила глаз на Джона и Джон все-таки однажды уделил ей немного внимания). Она позвонила Брауну.

«В тот раз я впервые нарушил правила и разрешил Линде прийти, -

говорит Браун. - Поговорить им не удалось, потому что «Битлз» позировали фотографам, а потом Линда ушла. Но Пол заметил ее». Через несколько вечеров Маккартни снова увидел ее в ночном клубе. Когда Линда вернулась в Америку, они продолжали поддерживать связь, а по приезде Пола в НьюЙорк он все вечера проводил с ней. Когда же Пол вместе с Роном Кассом уехал в Лос-Анджелес на собрание руководства фирмы грамзаписи, Линда, сама оплатив билет, тоже вылетела туда, чтобы быть вместе с ним. Она поехала туда, чтобы разыграть самую сильную карту из своей женской колоды.

Маккартни развлекался в Лос-Анджелесе. Касс записал музыкальное шоу в исполнении белой актрисы и негритянки Виноны Уильямс - необычайно хорошенькой девушки, у которой были связи с несколькими рок-суперзвездами, включая Дэвида Боуи и Джими Хендрикса. Пол с Кассом поселились в бунгало отеля «Бeverли-Хиллз».

Винона Уильямс познакомилась с «Битлз» во время своего прошлогоднего визита в Лондон. Она родилась 9 октября, в один день с Ленноном, и говорила, что, по словам Джона, песня «Birthday» («День рождения») была написана для нее. Однако сошлась она не с Ленноном, а с Маккартни, и, когда он приехал в Лос-Анджелес, где она проживала в то время, Винона организовала для него вечеринку в ночном клубе, в которой участвовало семьдесят пять человек.

Их отношения развивались не слишком гладко. Как-то раз в одном из клубов Лондона Пол толкнул ее ногой под столом, когда она стала ругать Леннона за жестокие шутки в отношении Ринго. Пол сказал ей: «Заткнись, ты напрашиваешься на неприятности». В Лос-Анджелесе они разругались («я ревновала», - объясняла она), и Пол ушел, предоставив ей возможность самостоятельно добираться в отель. Винону взялась подвезти подруга, но по пути их остановила полиция и арестовала подругу за управление автомобилем в нетрезвом состоянии. «Я пошла в отель, чтобы попросить у Пола денег и внести залог за подругу, - вспоминает она. - Я постучала, и дверь мне открыла Линда».

Винона знала Линду Истман и не любила ее. «Главной симпатией Линды всегда был Мик Джаггер, но он не обращал на нее внимания, - говорит Винона. - Она так ничего и не добилась, не каждому понравится женщина, не бреющая ноги и подмышки. Кроме того, у нее была маленькая дочь Хитер». У Виноны был свой взгляд на воспитание дочери, и ей совсем не нравилось, как это делала Линда.

И вот они встретились с Линдой по разные стороны двери номера Маккартни. «Я холодно сказала, что мне необходимо поговорить с Полом, -

вспоминала Винона. - Пол с ухмылкой на лице подошел к двери. Я рассказала ему, что произошло, и попросила денег, но он ответил, что никогда не носит с собой наличные. Я оттащила его в сторону и спросила: «Что происходит? Что она тут делает? Мне кажется, что мы договорились встретиться завтра». Пол ответил: «Я тебе потом это объясню». Я ушла и достала денег, чтобы взять под залог из участка подругу, у Джона Филлипса из ансамбля «Mamas and Papas».

На следующий день Винона и Маккартни встретились в вестибюле отеля «Бeverли-Хиллз». Линда пришла вместе с Полом и, как вспоминает Винона, «состроила обиженную мину. Пол сказал ей: «Прекрати, дорогая, не надо». Глядя на Линду, я спросила: «В чем дело?», на что Пол ответил: «Мне только что сообщили, что у меня будет ребенок». Линда приехала в Лос-Анджелес, чтобы сообщить Полу, что она беременна!»

Но пройдет еще четырнадцать месяцев, прежде чем Линда родит ребенка. Ее отношения с Маккартни развивались довольно быстро. Другие девушки, вращавшиеся в компании рок-звезд, никак не могли понять, что Маккартни нашел в ней. Безусловно, она была довольно симпатичной, но ведь его окружали и более привлекательные девушки, которые, в отличие от Линды, брили ноги.

Однако Линда имела другие достоинства. Прежде всего она была рьяной поклонницей Маккартни, и слишком сообразительный и самовлюбленный Пол не мог не заметить этого. Как и Маккартни, она увлекалась марихуаной. А кроме того, она была девушкой из хорошей семьи, что тоже было весьма важно. Браун сухо замечает: «Полу очень льстило ее внимание, потому что он видел в ней привлекательную девушку из интеллигентной, преуспевающей нью-йоркской семьи.» Линда устраивала его в плане ума, социального положения, и Пол мог гордиться ею. Хотя Линда была из богатой семьи, деньги не имели для нее большого значения, украшения и наряды не интересовали ее, что имело немаловажное значение для Маккартни. Но было в ней что-то еще, что действительно отличало ее от других женщин, вращавшихся среди рок-звезд. Когда Маккартни навестил Линду в Нью-Йорке, она познакомила его с дочерью и оставила его нянчиться с ней, пока была занята съемкой ансамбля в Филмор Ист. Вернувшись в Лондон, Пол получил от Линды увеличенную фотографию, где он был изображен вместе с Хитер, целующей его. Пол, сохранивший теплые идеалистические воспоминания о собственном детстве и всегда старавшийся воскресить его, по достоинству оценил этот жест. Это была любовь, направленная на создание семьи, любовь, которую Маккартни считал предопределенной свыше.

Когда Леннон написал «Lucy in the Sky with Diamonds», он сказал, что девушка с калейдоскопическими глазами - «это женщина, которая однажды придет, чтобы спасти меня». Оказалось, что этой женщиной стала Йоко. Маккартни тоже однажды напорочили.

«Перед тем как познакомиться с Линдой, - вспоминал он, - я был у предсказательницы в Брайтоне, которая сказала мне: «Ты женишься на блондинке, и у вас будет четверо детей». «Блондинка? Но моя подружка рыжеволосая, и мы не собираемся иметь четверых детей». Многие считали, что я должен жениться на Джейн Эшер, да я и сам так считал. Но мне вспомнилась Линда, прекрасная белокурая американская девушка».

Однако рыжеволосая продолжала присутствовать в его жизни. Джейн Эшер была умной, талантливой девушкой и, как и Линда, из хорошей семьи. Она была неотъемлемой частью жизни Маккартни. Винона Уильямс вспоминает: «Пол был очень привязан к Джейн. Если между нами возникал по-настоящему серьезный разговор, то он сводился к тому, как он сильно любит Джейн и что она единственная любовь в его жизни».

Джейн была не из тех, кого можно было пригласить просто на ночь, к этой девушке он приходил домой. Казалось, что их связь будет длиться бесконечно, и так бы оно и было, если бы однажды Джейн не пришла домой в тот момент, когда ее совсем не ждали.

Будучи популярной актрисой, Джейн часто ездила на гастроли. Маккартни не нравились ее отъезды, что, однако, не мешало ему пользоваться представляющейся возможностью и развлекаться с кем-нибудь, кто оказывался рядом, а возле одного из самых заманчивых в мире женихов всегда крутилось множество женщин. Джейн или не знала об этом, или предпочитала не замечать. Но она не смогла не заметить Френсин Шварц.

Составительница рекламных объявлений из Нью-Йорка, Френсин Шварц прилетела в Лондон, чтобы убедить Маккартни помочь ей сделать фильм по сценарию, который она написала. В Лондоне ей пришлось потолкаться в очередях, заполнявших офис «Битлз». Приемная была полна людей, тщетно пытавшихся заинтересовать кого-нибудь из «Битлз» непродуманными призрачными идеями. Секретари заворачивали почти всех и вместе с плохими идеями отвергали довольно много хороших. К удивлению Маккартни, Шварц удалось проскочить. По какой-то необъяснимой причине секретарша Барбара Беннет, дежурившая в тот момент, сказала Френсин, чтобы та зашла после ленча, когда Маккартни будет на месте.

Во второй половине дня в приемной появилась преображенная Шварц.

Подобное изменение было обусловлено перспективой встречи с великим принцем рок-н-ролла. Когда Линда Истман прилетела в Лондон, она выглядела довольно неряшливо, но для вечеринки в Белгрейвии она вымылась, причесалась, наклеила накладные ресницы и оделась по последней моде Челси. То же самое сделала и Шварц. Она купила новое платье и сделала стрижку «сэссун». Френсин представили Маккартни, который сказал, что занят, но позже свяжется с ней. Спустя месяц он позвонил и пригласил ее в студию на Эбби-Роуд, где, по ее словам, она познакомилась с Джоном и Йоко и приняла участие в вокальном оформлении «Revolution».

Когда Френсин поняла, что больше ничего не произойдет, она отправила Маккартни записку: «Дорогой мистер Обманщик, думаю, что скоро мне придется уехать домой. Когда я смогу вас увидеть?» Маккартни сам написал ответ, который вместе с утренним воскресным молоком был доставлен на квартиру, снимаемую Френсин в Челси. В записке было сказано: «В понедельник. Мистер О.».

На следующий день Маккартни запер свою овчарку Марту и переспал с Френсин. Потом он уснул, а проснувшись в пять утра, закричал: «Уже утро!» Пол дал ей работу в пресс-офисе «Битлз», а затем переселил ее на Кавендиш-авеню. Он сказал, что ему нужна женщина, которая заботилась бы о нем в отсутствие постоянно гастролировавшей Джейн.

По словам Шварц, Пол жаловался ей: «Джейн думает только о себе и о собственной карьере и не считает необходимым полностью посвящать себя мне. Настоящая любовь подразумевает полное самопожертвование». Потом Пол поинтересовался, сможет ли Френсин дать ему это. «Мне бы хотелось попробовать» - ответила она.

Френсин готовила ему еду (любимое блюдо - запеченная фасоль с гренками), убирала за домашними животными, которых никто не воспитывал, вела дела с торговцами наркотиками, спала с ним. Она ожидала совсем не этого, особенно в плане секса. Позднее она писала: «Иногда он бывал довольно слаб как мужчина». Френсин вспоминала, что в любовном плане он стремился все делать быстро, он был «или ужасно хорош, или ужасно плох». Но секс, по ее мнению, не был главным в их отношениях: «...у нас были другие радости, заменявшие секс».

Однако ничего радостного не было в реакции Джейн Эшер, когда однажды вечером она неожиданно вернулась домой. Как только она прошла через железные ворота, поклонники, стоявшие снаружи, попытались предупредить Пола о надвигающейся опасности. Они неистово звонили в переговорное устройство и кричали: «Посмотри, Джейн идет!»

«Придумайте что-нибудь другое», - крикнул в ответ Пол.

У Джейн был свой ключ. Она вошла в дом, поднялась на второй этаж и обнаружила, что дверь спальни заперта. Почуввав неладное, она постучала в дверь. Маккартни выскочил из постели, открыл дверь и попытался выйти из спальни так, чтобы Джейн ничего не увидела. Но Джейн уже успела увидеть достаточно. Полностью повторилось то, что случилось с Синтией Леннон, когда она, вернувшись домой из Греции, обнаружила в своей постели Йоко Оно.

Джейн ушла из дома и больше не вернулась. За вещами пришла ее мать, а Френсин помогала ей упаковывать их. Это был конец пятилетней связи Пола и Джейн, но это также был конец Френсин Шварц, вскоре вернувшейся в Америку. Покидая Маккартни, она сделала прощальное замечание, что Пол был «вздорным, жестоким подростком, этаким принцем Медичи, которого в очень раннем возрасте напудрили и уложили на атласную подушку».

Теперь, после ухода Джейн и отъезда Шварц, место на атласной подушке вновь было вакантным. И вскоре Линда Истман уже ехала из Америки, чтобы занять его. Многие не одобряли выбор Маккартни, поклонникам «Битлз» она не нравилась. Они цитировали слова Марго Стивенс - одной из девушек, которые несли ежедневную вахту перед воротами дома на Кавендиш-авеню: «Она более волосата, чем он».

Друзья Маккартни тоже с сомнением отнеслись к его выбору. Официальный биограф «Битлз» Хантер Дейвис писал: «Сначала нам просто показалось, что Линда безотказная девица, боготворящая Пола, таскающаяся с ним повсюду, ловящая каждое его слово. Мы не смогли понять, что их отношения затягиваются, не смогли понять, что в ней притягивало Пола».

А Питер Браун смог это понять. «Она удачно разыграла карту счастливой семейной жизни», - говорит он. Если обрывается одна связь, то появляется другая, а переходный период бывает болезненным и жестоким.

«Битлз» всегда интересовали деньги, но к концу 1967 года налоги почти полностью поглощали заработки. Харрисон ошибся, когда написал в своей песне «Taxman» («Сборщик налогов»): «...один тебе, девятнадцать мне». На самом деле налоги составляли 96 процентов.

«Битлз» по-прежнему жили хорошо. К июню 1967 года они потратили более семисот пятидесяти тысяч фунтов на дома, машины и прочие атрибуты рок-звезд. Казалось, что источник денег неиссякаем. Однако на самом деле они жили не по средствам. Налоговые требования оказались большими, и, судя по состоянию финансов, «Битлз» поджидали неприятности. Однако, как это ни парадоксально, было решено тратить еще больше.

Еще в 1965 году Эпстайн, обеспокоенный финансовым положением «Битлз», изучал возможность увезти их на Багамские острова и там укрыть от налогов и жестких финансовых тисков английских и американских властей. Он проконсультировался у импозантного (как в юридическом, так и в физическом смысле) адвоката премьер-министра Гарольда Вильсона, Арнольда Гудмана. Гудман сказал, что это дело незаконное, и посоветовал быть осторожным. Он предупредил, что в силу громадной популярности «Битлз» и громадных сумм, которые они зарабатывают, усиленное внимание будет проявляться, к любой попытке уклониться от налогов. Гудман сказал, что разумнее будет найти другой выход из этого положения; Эпстайн тут же отказался от своего плана.

Теперь бухгалтеры выдвинули другое предложение - расширить дело, вложить деньги в сопутствующий бизнес и в имущество, а затем предать этот факт огласке. Это был дельный совет, и Маккартни воодушевился. Под нажимом Пола была создана новая компания. Название «Эплл» («Яблоко») было выбрано потому, что оно ассоциировалось с безоблачным детством. Маккартни скаламбурил и предложил назвать компанию «Эплл корп» [*Слово «corp» может быть переведено как «корпорация» или «труп»*].

Это был шанс для «Битлз» самим управлять своими делами. Незадолго до смерти Эпстайн, которому только в прошлом году предлагали за компанию NEMS двадцать миллионов фунтов, вел переговоры о ее продаже Роберту Стигвуду, ловкому австралийскому антрепренеру, выведшему на сцену группу «Вее Gees», за смехотворно низкую сумму пятьсот тысяч фунтов. После смерти Эпстайна Стигвуд попытался завладеть компанией,

но Маккартни воспротивился этому.

«Мы не желаем, чтобы нас продавали как какое-нибудь имущество ни Роберту Стигвуду, ни королеве-матери», - заявил Пол. Теперь «Битлз» собирались вести свои дела сами.

Однако, будучи передовым представителем новой эры, Пол не желал входить в компанию «мужчин в костюмах», как «Битлз» пренебрежительно называли всех бизнесменов, включая тех, кто работал на них. Даже если предстояло делать деньги, свой образ следовало сохранить. «Если уж «Битлз» вынуждены заниматься бизнесом, то мы хотим, чтобы нас это развлекало», - говорил Маккартни и приглашал всех желающих принять участие в этой забаве.

Впоследствии Леннон отрицал роль Маккартни в создании «Эппл», и говорил он об этом со злобой, как, впрочем, вообще обо всем, что касалось его бывшего партнера. «Это, безусловно, была идея не Пола, как он утверждает, - сказал Леннон. - «Эппл» предстала перед нами как реальность в 1967 году, перед смертью Эпстайна. Это была идея Брайана и его брата Клайва, торговавшего мебелью. У них не было четкого представления о деятельности будущей компании, это просто была попытка избежать сумасшедших налогов. Наши доходы должны были быть спрятанными в «Эппл», а деньги пущены в оборот».

Подобное заявление Леннона безосновательно - именно усилиями Маккартни была создана и заработала эта компания. «Эппл» была в основном организована так, как этого хотел Пол, - говорит Питер Браун. - Пол единственный приходил в офис каждый день. Только с ним я и Нил Аспинол обсуждали деловые вопросы, а решения принимал именно Пол. Ему это нравилось, казалось, что он доволен ролью бизнесмена».

Пол с удовольствием ее играл, носил черное пальто, выходил из своего дома на Кавендиш-авеню, где с октября 1968 года поселилась Линда, и отправлялся в офис на метро или на автобусе. Именно Пол Маккартни внес в деятельность компании дух альтруизма. Они с Ленноном полетели в Америку, и там в программе «Джонни Карсон-шоу» Пол объявил, что фирма «Эппл» «будет своего рода западным коммунизмом... Мы хотим помочь людям, но это не благотворительность. Нам всегда приходится на коленях приползать к хозяину и просить его разрешения поступить так или иначе. Но сейчас мы счастливы тем, что нам больше не нужны деньги, впервые хозяева компании не заинтересованы в доходах. Если вы придете ко мне и скажете: «У меня такие-то и такие-то планы», то я отвечу вам: «Иди и осуществляй их». «Мы хотели помочь раскрыться талантам», - говорил Харрисон.

Чтобы подчеркнуть эту мысль, в музыкальной прессе была помещена реклама. На фотографии был изображен Алистер Тейлор - старый друг Эпстайна, дослужившийся до должности управляющего офисом NEMS, - в одежде уличного музыканта. Заголовок гласил: «Этот человек талантлив. Однажды он записал на магнитофон (взятый у соседа) песни... прислал нам пленку, письма и фотографию... Если вы хотите поступить так же, ДЕЛАЙТЕ ЭТО ПРЯМО СЕЙЧАС! Теперь этот человек владеет «БЕНТЛИ». Офис «Эппл» завалили письмами, будущих владельцев «Бентли» оказалось очень много.

Фирма «Эппл» переехала в пятиэтажное здание в георгианском стиле стоимостью пятьсот тысяч фунтов на Савил-Роу, славившуюся своими дорогими ателье по пошиву мужской одежды. Эту улицу всегда отличала благопристойность, а теперь ее тротуары были заполнены хиппи и «ангелами ада», стремящимися попасть в дом номер три.

Появилось несколько мессий и даже один Адольф Гитлер, которому удалось проскочить мимо швейцара и подняться на лифте в пресс-офис. Из Калифорнии приехал целый клан, и их голые детишки бегали по приемной. Человек по имени Стоки расположился за столом одного из служащих и рисовал половые органы.

Почта доставляла переполненные мешки с пленками, записанными в домашних условиях, и безграмотными сценариями кинофильмов. Все это бесцеремонно сваливалось в стенные шкафы, никогда не прослушивалось и не читалось. Коммунизм, даже такой, каким его представляли «Битлз», силен своими чиновниками, а в «Эппл» вовсе не было хороших чиновников.

Фирменный магазин модной одежды, открытый на улице Шерлока Холмса Бейкер-стрит, принес «Битлз» двести тысяч фунтов убытка. «Чудо-изобретатель» Алекс Мардас истратил еще сто шестьдесят тысяч фунтов из фондов «Эппл», но мало что создал ценного (его заявки почти на сто патентов, поданные от его имени адвокатами ЕМІ, были отклонены).

Однако во всем этом сумасшествии был элемент игры на публику. Как проповедники «власти цветов», «Битлз» очень боялись показаться слишком великими и слишком преуспевающими. Они боялись, что их обвинят в том, что они продались. Поэтому, чтобы успокоить самых неистовых поклонников, им иногда давали пристанище в пресс-офисе Дерека Тейлора.

В организации фирмы оказался еще один, более явный просчет, и виноваты в этом были сами «Битлз». Эпстайн, даже при всей своей некомпетентности, ограждал их от жестоких реалий бизнеса. Их эмоциональное состояние не нарушали бытовые мелочи, они никогда не

имели дел с домашними счетами или закладными, никогда не заботились о миллионах. Как говорил Леннон, они даже не знали, как снимается номер в гостинице. Теперь им самим надо было заботиться о собственных финансах, из этой их деятельности были моменты, которые административный директор «Эппл» Питер Браун называл «кошмаром».

«Все решения обязательно должны были получать одобрение сразу всех четырех владельцев, всех четырех «Битлз». Они были не в состоянии давать необходимые оценки. Мы все учились, как будто только что пришли на работу со школьной скамьи. «Битлз» не имели опыта, они могли стать или бедными, или очень богатыми. Мы спросили у них: «Будем заключать эту сделку с «XX век - Фокс»?» Они ответили: «А почему мы должны заключать сделку с этой старомодной киностудией, разве нельзя найти какого-нибудь симпатичного молодого парня в модном Сохо?» На это мы сказали: «Этого делать нельзя, потому что нам нужна эта киностудия, нужна ее система распространения, нужны ее деньги». Мы всему учились в ходе работы».

Однако, несмотря на бытующее мнение об «Эппл» как о бесконтрольном сумасбродстве хиппи, за этим фасадом велась и серьезная работа. Маккартни показал себя довольно способным учеником в плане сотрудничества с талантливыми людьми. Для создания фирмы «Эппл рекордз» был приглашен очень компетентный Рон Касс, ставший впоследствии мужем Джоун Коллинз, а затем вице-президентом компании «Либерти рекордз». По настоянию Маккартни брат Джейн Питер Эшер оставил карьеру поп-звезды и был назначен главой «Эппл рекордз», за что он добром отплатил компании, подписав контракт с молодым певцом по имени Джеймс Тейлор. Было открыто киноотделение фирмы под руководством бывшего помощника Ричарда Лестера Денниса О'Делла. Сам Маккартни подписал контракт с певицей по имени Мэри Хопкин и был режиссером ее первой записи, моментально занявшей первую строчку в хит-параде.

«Эппл» также занималась выпуском новых пластинок «Битлз». Первой из них была «Hey Jude». Эта песня, написанная Маккартни для сына Леннона Джулиана во время окончательного разрыва Джона и Синтии, стала самым грандиозным хитом, который был продан в количестве свыше семи миллионов экземпляров. А если считать «Hey Jude» и пластинку Мэри Хопкин «Those Were the Days», то в сумме это составило тринадцать миллионов пластинок. Это был солидный финансовый трамплин для вновь созданной компании.

Питер Браун вспоминает: «Тот грандиозный хаос, который был виден

со стороны средств массовой информации, олицетворял собой руководитель пресс-службы Дерек Тейлор - этот прекрасный, чудаковатый человек, восседавший в своем кресле-корзине с подголовником в комнате, набитой наркоманами. Если приходил наркоман, то мы сразу отправляли его в офис Дерека, где он получал сигарету с марихуаной и бутылку водки. Накладные расходы его офиса только на это составляли шестьсот фунтов в месяц. Но, кроме этого, были еще Рон Касс, который очень удачно руководил компанией звукозаписи, и процветающая издательская фирма под руководством Питера Эшера. Я осуществлял общее руководство. Несмотря на все сумасшествие, дела компании шли довольно гладко. Конечно, мы теряли много денег, но одновременно с этим и много получали. Все было не так хаотично, как иногда казалось. Просто таков наш стиль управления компанией».

Однако одного наркомана нельзя было отослать в офис Дерека и успокоить сигаретой с марихуаной и выпивкой, и этому наркоману Маккартни не мог приказывать, как и не мог уволить его: Это был Джон Леннон. В то время, пока Пол играл роль бизнесмена (он даже проверял наличие туалетной бумаги в туалетах), Джон, одурманенный наркотиками, прятался вместе с Йоко в черном пластиковом мешке. Похоже, что он намеревался так там и остаться. Джон продолжал принимать огромные дозы ЛСД, а теперь в его арсенале появился еще и героин. Однако где-то в глубине одурманенного наркотиками мозга сохранился след прежнего скандального Джона Леннона. И когда он решил обратиться в суд и потребовать свою долю имущества, эта бомба замедленного действия взорвалась.

18 ноября 1968 года Леннон и Оно были арестованы полицией в лондонской квартире на Монтегю-сквер, которую они снимали у Ринго, и им было предъявлено обвинение в хранении 219 гранов гашиша. Времена, когда преступления «Битлз» игнорировались, закончились.

В следующем месяце Леннон и Оно под маркой «Эппл» выпустили пластинку «Unfinished Music No. 1 - Two Virgins», на конверте которой «красовались» совершенно обнаженные Джон и Йоко. Надо сказать, что зрелище было не из приятных. Когда руководитель EMI сэр Джозеф Локвуд спросил их, зачем они это сделали, Оно ответила, что это искусство. «В таком случае почему вы не сфотографировали Маккартни? Он более привлекателен», - сказал Локвуд. EMI отказалась распространять альбом, и он был впоследствии выпущен под маркой «Хуз Трэк» в обложке из коричневой бумаги. Реакцию на этот альбом можно было предсказать заранее. В Англии люди смеялись, в Америке альбом был конфискован

полицией штата Нью-Джерси как порнография.

Маккартни страшно возмутился. Мало того что альбом нарушал правила приличия, он мог еще нанести значительный вред собственному альбому «Битлз» «White Album», который должен был вскоре выйти. Но это вовсе не трогало Леннона, который вернулся к старому и всячески задирает Маккартни. Если раньше Джона удовлетворяло, как его партнер ведет дела, то теперь он начал проявлять если и не очень активный, то определенно очень вредный интерес к работе «Эппл». Вдохновляемый Йоко Оно, Леннон стал появляться в кабинетах на Савил-Роу и отдавать приказы, противоречащие указаниям Маккартни.

Он говорил: «Мне это не нравится, я так не хочу». Маккартни пытался возражать ему: «Подожди, ведь это так, как мы делаем. Ведь это «Эппл», и здесь это делается так. Мы работаем так, и такова наша организация». На это Джон отвечал ему: «Меня это не волнует. Я хочу, чтобы это делалось по-другому».

Браун говорит: «Джон хотел, чтобы это была более свободная, более «артистическая» организация. Пол делал все очень четко, а Леннону это не нравилось».

Когда у Пола было плохое настроение, он мог быть очень капризным. На следующий день после того, как Джейн Эшер покинула их почти супружеский дом на Кавендиш-авеню, обнаружив там Френсин Шварц, Маккартни ворвался в офис «Эппл» с намерением в отместку уволить ее брата Питера. И только вмешательство Касса сохранило Эшеру его работу.

Однако подобные вспышки были редкостью. Что касалось бизнеса, то здесь он всегда сохранял голову, и первой его реакцией на выходки Леннона было намерение не обращать на это внимания. Пол посчитал, что беспричинный энтузиазм Леннона был просто передышкой между наркотическими загулами и что его интерес к работе «Эппл» не продлится долго. Однако, когда Леннон начал распространяться о финансовых делах «Эппл», Пол насторожился.

«Если «Эппл» будет продолжать нести такие убытки, то через шесть месяцев мы все разоримся», - заявил Леннон в интервью журналу «Диск».

Нет смысла говорить о том, что Леннон из-за своего покровительства «чудо-изобретателю» Алексу и настоящего стремления вылезти вперед со своим альбомом «Two Virgins» был так же, как и остальные, ответствен за ухудшение финансового положения компании. Леннон выступал с нападка на Маккартни и на организацию, которую Пол создал в соответствии со своим «буржуазным» представлением. Джон во всеуслышание заявил, что «Эппл» каждую неделю теряет двадцать тысяч

фунтов и что лично у него остались последние пятьдесят тысяч.

Конечно, все шло не так гладко. В тот день, когда был выпущен альбом «Two Virgins», Гарольд Минскер, бухгалтер ансамбля «Bruce - Hamner», занимавшийся в то время делами «Эппл», в знак протеста подал в отставку. Его место занял Стивен Мальц - младший партнер одной из бухгалтерских фирм. Спустя несколько недель и он подал в отставку, послав каждому из четырех «Битлз» предостережение, гласившее: «Вас никогда не интересовало, откуда приходят деньги и как они тратятся, вы всегда жили с мыслью, что в вашем распоряжении миллионы... Ваши личные финансы и финансы «Эппл» в беспорядке».

Цифры произвели удручающее впечатление. Начальный фонд в сумме одного миллиона фунтов был истрачен, была истрачена и половина восьмисоттысячного контракта «Битлз» с «Эппл». Вся четверка превысила кредит в «Эппл»: Маккартни и Леннон - на шестьдесят тысяч каждый, Харрисон и Ринго соответственно - на тридцать пять тысяч восемьсот пятьдесят и на тридцать две тысячи восемьдесят фунтов.

Однако благодаря стараниям Маккартни дела были не так уж плохи, как это представил Леннон. Прежде всего, отделение звукозаписи «Эппл» функционировало довольно успешно, зарабатывая при этом миллионы фунтов. По мнению Пола, нужно было просто сделать генеральную уборку и очистить компанию от всего, что приносит убытки. Поэтому он занялся поисками подходящей метлы.

Эта работа была предложена лорду Бичингу, который реорганизовал британскую железнодорожную сеть, решительно сократив количество железнодорожных веток, но он отказался. Было сделано предложение и лорду Пулу, председателю банка «Лазард» и финансовому советнику королевы, но и он не проявил интереса. На самом деле Маккартни нужен был не бизнесмен, а по-отечески заботливый человек, который смог бы провести его через все трудности. Его собственный отец, несмотря на все присущие ему положительные качества, не имел достаточной квалификации для решения подобных проблем. Однако такой квалификацией, безусловно, обладал тесть Маккартни.

Ли Истман был преуспевающим адвокатом в сфере нью-йоркского шоу-бизнеса, но занимался он не юридическими вопросами. Маккартни пояснял: «В Америке адвокаты не похожи на наших адвокатов. Они чаще занимаются бизнесом, чем юриспруденцией. Поэтому Истман и занимается музыкальной издательской деятельностью».

Маккартни познакомился с Истманами несколько месяцев назад в их роскошном доме в Манхэттене. Его необычайно поразил их образ жизни,

уверенность в себе, проницательность и еще то, что они играли в гостиной музыку Моцарта. «Он знал Ирвина Берлина и Ходжи Кармайкла», - с гордостью говорит Маккартни. Пол решил, что лучшей кандидатуры на пост руководителя нет, и пригласил Ли Истмана в Англию.

Серьезной тактической ошибкой было то, что в Лондон на встречу с «Битлз» прилетел не сам Ли Истман, а его сын Джон - элегантный двадцативосьмилетний представитель университетской элиты, олицетворявший собой все то, что они открыто презирали. Его совет был достаточно конкретным. Он сказал, что в первую очередь им надо выкупить компанию NEMS, переименованную теперь в «Nemperor Holdings», которая не оказывает им никакой помощи, но по-прежнему, в соответствии со старыми контрактами Эпстайна, продолжает получать 25 процентов со всех доходов «Битлз». Брат Эпстайна Клайв намеревался продать компанию, чтобы уплатить налог на имущество Брайана, и Истман сказал, что было бы разумно, если бы «Битлз» сами приобрели ее. Он объяснил, что деньги на покупку компании в сумме одного миллиона двухсот пятидесяти тысяч фунтов могут быть получены от ЕМІ в качестве аванса в счет будущих прибылей.

Леннон проявил полнейшую незаинтересованность в этом деле. Он потерял интерес ко всем коммерческим, как, впрочем, и музыкальным делам. «Меня всегда преследовало чувство вины за то, что я заработал кучу денег, - сказал Джон, - Поэтому я должен отдать их или потерять». К тому же Леннону сразу не понравился холеный Истман и его попытка вовлечь Джона в разговор о Кафке.

Именно этого момента и дожидался Аллан Клейн. Сразу после смерти Эпстайна он начал искать встречи с кем-нибудь из «Битлз», но его попытки всегда пресекались «привратником» «Эппл» Питером Брауном. Тогда Клейн стал уговаривать кого-то из окружения «Роллинг стоунз», тот уговорил Дерека Тейлора, а Дерек в свою очередь пошел к Брауну и сообщил ему, что Питера обвиняют в том, что он не пускает Клейна даже на порог. В качестве личного одолжения Тейлор попросил Брауна передать «Битлз» письмо Клейна. Браун вспоминает: «Я из-за своего глупого чувства справедливости решил, что мне не следует быть «привратником» и не пускать людей только потому, что они мне не нравятся. Я сказал Дереку: «Хорошо, я организую Клейну встречу с ними». Это было одно из величайших решений, которые я когда-либо принимал».

Клейн встретился с Ленноном и Йоко в своем номере в отеле «Дорчестер» и пообещал им весь мир - миллионы долларов и полное освобождение от всех забот, а также, что было весьма умно с его стороны,

постоянное снабжение наркотиками. Клейн подкупил Джона знанием его песен, а Йоко завоевал восторженными рассуждениями о ее картинах и музыке. На Леннона и Йоко произвели впечатление его грубые манеры, приобретенные на улицах Бронкса, которые так отличались от элегантных манер Истмана, приобретенных на Пятой авеню. Клейн презрительно отозвался о планах Истмана, сказав, что нет необходимости платить за NEMS миллион двести пятьдесят тысяч фунтов и что он преподнесет им ее бесплатно.

За три часа беседы ему удалось полностью убедить Леннона и Йоко. Тогда же, прямо в номере, Леннон написал письмо Локвуду, в котором говорилось: «С этого момента все мои дела ведет Аллан Клейн». Это свое заявление он подтвердил еще одним письмом к Локвуду: «Меня не интересует мнение остальных, но Аллан Клейн работает на меня».

Сначала Маккартни это не очень беспокоило, он просто посчитал это очередной причудой Джона, с которыми ему приходилось часто сталкиваться. Мик Джаггер мог бы раскрыть глаза Полу, что он и попытался сделать. После первоначального восторга по поводу деятельности Клейна и по поводу денег, которые он заработал для них, «Роллинг стоунз» начали разочаровываться в его методах работы. Клейн буквально зажал ансамбль в тиски, из которых, казалось, невозможно было выбраться. Когда Джаггер узнал о намерениях Джона, он позвонил Брауну и предупредил его: «Ты не должен этого допустить. Неужели Джон не понимает, какой страшный человек Клейн?» Браун ответил, что он пытался отговорить Леннона, но тот и слушать не хочет, и попросил Джаггера самого поговорить с Джоном.

Специальное совещание по этому поводу состоялось за огромным восьмиугольным столом из красного дерева в офисе Брауна на третьем этаже здания «Эппл» на Савил-Роу. Ринго, Харрисон, Маккартни и Джаггер ожидали прихода Леннона, и он пришел, но в сопровождении Клейна. Джаггер взглянул на Клейна, что-то промямлил и ушел. Джаггер пришел сюда из лучших побуждений - предупредить «Битлз» о том, во что они могут быть втянуты, но у него совершенно не было желания вступать в перебранку с Клейном. Если уж Леннону хочется изображать из себя «бродячего менестреля», имея при себе в качестве делового опекуна уличного хулигана, то пусть так и будет, пусть Джон думает своей головой.

Браун сделал последнюю попытку отговорить Леннона воспользоваться услугами Клейна, но Леннон был непреклонен. Он сказал Брауну: «У меня теперь есть собственный пес, который будет присматривать за псами Маккартни. В этой жизни необходимо иметь пса,

который следил бы за другими псами». Говоря о «псах» Маккартни, Леннон имел в виду Истманов. Это уже был признак будущей жестокой драки.

Впоследствии Маккартни скажет, что вся вина за начало войны между ним и Ленноном полностью лежит на Йоко Оно. «Мы были очень хорошими друзьями... пока между нами не встала Йоко, - говорил Пол. - По правде говоря, я всегда плохо относился к Йоко, а Джон относился хорошо - в этом все и дело». По мнению Маккартни, Йоко имела значительную власть над одурманенным наркотиками Ленноном, а Клейн понял это и использовал в своих собственных интересах. «Насколько я знаю, Клейн первым задал Джону вопрос, который, до этого не задавал никто: «А что хочет Йоко?». И так как Йоко нравился Клейн, исполнявший любые ее желания, то он вполне устроил и Джона».

Подобная теория верна только на первый взгляд. Клейну не удалось бы ничего добиться, если бы Харрисон и Ринго не встали на сторону Леннона, а именно это они и сделали. Ринго и особенно Харрисон стали проявлять растущее недовольство тем, что Пол вышел в лидеры группы, а они всего лишь сопровождали его выступления. Клейн пообещал заняться их финансовыми делами и снова сделать их богатыми. С твердой убежденностью он также пообещал задвинуть Маккартни на второй план. Им понравилось то, что они слышали, и теперь уже трое «битлов» были против одного Маккартни.

Бунт Харрисона выразился и в музыке. Во время работы над «White Album» Джордж, по его словам, ужасно разозлился на Леннона и Маккартни за то, что они испортили ему настроение. «Я сказал им, - вспоминал он, - что они напрасно обвиняют меня в попытке помешать их карьере и в том, что именно я затащил их в поездку к махариши в Ришикеш». Эти свои мысли Джордж отразил в песне «Not Guilty» («Невиновен»), вышедшей в его собственном альбоме. «Битлз» начали работу над фильмом «Let It Be», и Харрисону пришлось испытать еще большее огорчение, правда, вина в этом теперь целиком лежала на Маккартни. Этот фильм был попыткой Пола восстановить атмосферу прежних дней, вернуть их в те времена, когда они были дружны. Но теперь в их музыке уже звучала дисгармония, никто, кроме Пола, не желал возвращаться к прошлому. Леннон был занят исключительно Йоко и уделял совсем мало внимания происходящему, а Харрисона все больше раздражали «диктаторские» замашки Пола. В один из моментов Джордж не выдержал.

«Я уже по горло был сыт всякими придирками, а наши с Полом споры снимались на пленку, - говорил Харрисон. - Мне уже было наплевать на

«Битлз», и я ушел. Вернувшись домой в отвратительном настроении, я написал песню «Wah Wah», которая содержала язвительные нападки в адрес Маккартни. Она вышла впоследствии в альбоме Харрисона «All Things Must Pass». Джордж объяснял, что хотел сказать этой песней: «Ты причиняешь мне ужасную головную боль».

Недовольство Харрисона усугублялось и финансовыми делами. На пластинках «Битлз» записывались композиции или Леннона, или Маккартни, и между ними существовала серьезная конкуренция по поводу того, чьи песни должны были записываться на сторону «А». Но причиной подобных споров было исключительно честолюбие, потому что в финансовом отношении это не имело никакого значения, так как указывалось их совместное авторство. А для Харрисона это имело значение. Каждая песня (ему разрешалось вставлять только одну в каждый альбом, а в «White Album», насчитывающий двадцать девять песен, попало всего лишь три) являлась для него важным источником доходов. Он хотел зарабатывать больше и был недоволен тем, что ему не позволяли этого делать.

Ринго вспоминал, что Пол начал даже учить Харрисона игре на соло-гитаре, что, естественно, не понравилось Джорджу. «Он писал много песен и хотел идти собственным путем, но с самого начала нашей работы мы главным образом шли путем Джона и Пола, - говорил Ринго. - Джордж стремился к независимости и больше не хотел находиться под пятой у Пола». И тем более Харрисон не хотел, чтобы его делами управляли родственники Пола.

Маккартни не понимал причину их недовольства. «Меня очень огорчило, когда они сказали, что я пытаюсь протащить Ли Истмана только потому, что он мой родственник. Ведь они знали меня двадцать лет, и вдруг подумать такое». И Маккартни занялся своими делами, продолжая поддерживать образ «битла», который слегка померк под влиянием свалившихся на него проблем. Харрисон сказал, что фильм об их совместной жизни должен называться не «Let It Be» («Пусть будет»), а «Let It Rot» («Пусть гниет»).

Но, как бы ни был недоволен Харрисон, именно Леннон создал самую большую и, как вскоре выяснилось, неразрешимую проблему. Возможно, что со временем Харрисон, Маккартни и Ринго наладили бы свои отношения, но с Ленноном все обстояло иначе. Конечно, можно считать Леннона одурманенной наркотиками жертвой собственной незащитности, попавшей под влияние властной женщины. Но в одном вопросе его позиция была совершенно определенной: несмотря на всю энергию и

ежедневную работу Пола, Джон продолжал утверждать: «Это мой ансамбль, моя группа и мое шоу». А он уже не был его, «Битлз» стали ансамблем Пола. Леннон отказывался признаться, что Пол был прав, когда говорил: «В конце Джон стал очень ревнивым».

Леннону было довольно трудно признавать Маккартни равным себе («это подрывало его положение», - говорил Пол), и он считал невозможным работать под художественным руководством Маккартни. Он предпочел разрушить ансамбль, чтобы он не достался Полу, и в лице Клейна Джон нашел своего Терминатора. Были выстроены боевые порядки, полем битвы стали офисы «Эппл» и помещения суда, и разразилась грязная и разрушающая война. Ждать ее пришлось недолго.

Она разразилась как раз в тот момент, когда Джон Истман допустил очередную тактическую ошибку. 14 февраля 1969 года он отправил Клайву Эпстайну письмо, в котором подверг сомнению «правильность» девятилетнего соглашения между EMI, «Битлз» и NEMS, которое Брайан Эпстайн подписал, когда заключал новый контракт на выпуск пластинок. Клайв и его мать Куини были оскорблены этим намеком и спустя три дня продали компанию NEMS Леонарду Рикенбергу. Когда Клейн встретился с молодым Истманом, их беседа состояла из взаимных оскорблений. Истман сказал: «Я всегда знал, что вы осел», а Клейн в ответ на это обозвал Истмана «тупоголовым».

В попытке найти какой-нибудь приемлемый компромисс из Америки прилетел Ли Истман. Он прибыл как раз в самый разгар жестоких споров, происходивших в офисах «Эппл». Величественный, самоуверенный, одетый с аристократическим шиком Истман знал все о Клейне, о его самых сомнительных сделках, о судебных разбирательствах, которым Клейн подвергался вместе со своими компаниями, поэтому относился к нему с нескрываемым презрением. Но и Клейн со своей стороны кое-что разведal. Он обнаружил, что Истман был евреем и настоящая его фамилия, по иронии судьбы, Эпстайн. Веру он сменил недавно, и детские приятели Линды помнили, что до смерти матери Линды и повторной женитьбы отца семья Эпстайнов никогда не была правоверной, а всегда соблюдала еврейскую субботу.

Еврей из Бронкса стремился уничтожить еврея из Манхэттена. Клейн называл Истмана «еврейским мальчиком» и настаивал, чтобы во время собрания все обращались к нему «Мистер Эпстайн». Леннон присоединился к этой травле, хотя при всех своих недостатках Джон никогда не был антисемитом. Поэтому его презрение было просто притворством. Леннон считал нелепостью то, что Истман «выдает себя за

другого».

Об этом собрании вспоминали не иначе как о кошмаре. Люди кричали друг на друга, в ход шли расовые и религиозные оскорбления, Клейн прерывал Истмана потоком брани. Истман и Маккартни поспешили уйти с этого собрания. И обратной дороги уже не было. В конце концов Клейн получил «Битлз», но это уже был разлагающийся труп.

Ансамбль «Битлз» корчился в предсмертных судорогах, но продолжались отчаянные попытки спасти его. Для Маккартни это было просто необходимо с эмоциональной точки зрения. Ему нравилось быть «битлом», нравились слава и престиж. Но больше всего ему нравилось ощущение единого звучания, которое давал ансамбль. «Когда мы все вчетвером были вместе, мы были гораздо лучше, чем каждый из нас в отдельности», - признает Пол.

А для Клейна это был вопрос денег. Действуя от имени Леннона, Харрисона, Ринго и с молчаливого согласия Маккартни, Клейн бесцеремонно пересмотрел контракт «Битлз» на выпуск пластинок с ЕМІ и «Кэпитл». Его заботило будущее ансамбля, и он настоял, чтобы его обязательно ставили в известность о всех намерениях группы. Маккартни согласился с ним - частично потому, что никогда не был против зарабатывания денег, но главным образом потому, что продолжал верить, что у ансамбля есть будущее.

Но будущего у «Битлз» не было. Наметившаяся трещина становилась все шире. Харрисон был расстроен: «Существовала масса ограничений, обусловленных нашим долгим пребыванием вместе, - мы походили на голубей из одной голубятни». Леннон тоже собирался уйти и сообщил об этом Маккартни.

В сентябре 1969 года Маккартни, постоянно искавший пути возврата к дружеской атмосфере прошлых лет, предложил «Битлз» снова отправиться на гастроли. Он обратился к остальным: «Послушайте, что-то у нас не так, и мы должны исправить это. Я думаю, что мы снова должны стать ансамблем - тем маленьким союзом, которым мы всегда были. Надо совершить короткое концертное турне по маленьким клубам».

Впоследствии, объясняя те свои действия, Маккартни скажет: «Я просто хотел заново возродить ансамбль, потому что мы превратились в коммерческую группу. Мы стали бизнесменами».

Даже не попытавшись из вежливости обсудить предложение Пола, Леннон ответил: «Я думаю, что ты просто дурачишься. Между прочим, я не собирался говорить тебе об этом, но я ухожу из ансамбля. С меня довольно. Я хочу развестись, как развелся с Синтией». Новоиспеченные бизнесмены поняли, что их партнерству наступает конец.

Роковой разговор состоялся в офисе «Эппл» на Савил-Роу. Это был

один из тех редких случаев в течение последних недель, когда Маккартни зашел туда, и это был его почти последний визит. В результате последующей непримиримой конфронтации между Истманом и Клейном Маккартни был полностью отстранен от руководства компанией, в создании которой он принял самое деятельное участие.

Это была работа Клейна, который затем приступил к беспощадным массовым увольнениям. Помимо того что он закрыл двери для всех перспективных посетителей и отказался от услуг всяких прихлебателей типа «чудо-изобретателя» Алекса, Клейн также закрыл отделение звукозаписи. Рон Касс был уволен (по распоряжению Брауна ему в качестве выходного пособия был передан принадлежавший «Эппл» дом, в котором он впоследствии поселился с Джоун Коллинз). Уволен был и Питер Эшер, который забрал с собой Джеймса Тейлора. Единственное отделение «Эппл корпорейшн», которое действительно приносило деньги, было упразднено. Эту чистку пережили только Нил Аспинол и Питер Браун.

Браун говорит, что Маккартни пришел в ужас, но он был бессилен помешать этому. Пол попытался поговорить с Ленноном, но у него ничего не вышло. Джон обрел нового партнера - Йоко Оно, а у нее были свои собственные приоритеты, определенно не включавшие в себя ни Пола Маккартни, ни ансамбль «Битлз». С самого начала Пол отнесся к этой странной японке как к обычному очередному чудачеству Леннона. Он даже не особо возражал, когда Джон, нарушив основное правило «Битлз», привел ее в студию звукозаписи на Эбби-Роуд во время их работы над «White Album». Но увлечение Джона не прошло, и Йоко надолго вошла в его жизнь.

В ноябре 1968 года Леннон бесцеремонно развелся с Синтией на основании своей супружеской измены и выкинул ее из своей жизни вместе с чеком на сто тысяч фунтов (сначала Джон предпринял некрасивую попытку развестись с Синтией на основании ее собственной измены, якобы имевшей место в тот самый вечер, когда Синтия обнаружила в своей супружеской спальне Йоко Оно, одетую в ее ночную рубашку). Спустя четыре месяца Джон женился на Йоко, а шафером у них был Питер Браун.

К тому времени и Маккартни обзавелся женой. За восемь дней до бракосочетания Леннона на Гибралтаре Пол женился на Линде Истман, урожденной Эпстайн. Их брак был зарегистрирован в Марилебонской брачной конторе, а свидетелем был Питер Браун. За церемонией регистрации последовало венчание в англиканской церкви, расположенной в Сент-Джонз-Вуд. Линда была беременна, дочь Мэри, названная так в честь матери Пола, родилась 28 декабря. Как и подобает порядочному

северянину, Пол женился на девушке, которую соблазнил, и, как типичный представитель своего класса, хотел, чтобы его жена сидела дома и вела домашнее хозяйство, в то время как он будет работать.

В союзе Леннона и Йоко было много необычного. Леннон заявил, что отныне они неразлучны, и в знак их единства поменял свое имя на Джон Оно Леннон. Церемония изменения имени состоялась на крыше здания «Эппл», где всего несколько недель назад, 30 января, «Битлз» в последний раз выступили перед публикой и исполнили песню «Get Back» - этот призыв Маккартни вернуться к прошлому. Но к прошлому возврата уже не было.

Было ли просто случайным совпадением то, что Леннон и Маккартни женились почти одновременно? Можно ли считать это еще одним примером их явного соперничества, присутствовавшего теперь во всех их поступках, хотя в данном случае в роли соперничающей стороны выступал только Маккартни. Леннон искал подходящее место для женитьбы на Йоко уже с февраля, с того момента, когда с Виргинских островов пришло от Кокса свидетельство о разводе. Маккартни узнал о планах Леннона и свои собственные планы построил с учетом свадьбы Джона. В сложившейся обстановке взаимной неприязни было неудивительно, хотя и весьма печально, если вспомнить о годах их дружбы, что никто из «Битлз» не присутствовал ни на одной из этих свадеб (Харрисон не мог прийти, даже если бы очень хотел этого, - в день свадьбы Маккартни его арестовала полиция по обвинению в хранении гашиша). Теперь тропинки Леннона и Маккартни разошлись как в личной, так и в музыкальной жизни.

Леннон, верный своему обещанию не расставаться с Йоко, теперь устраивал вместе с ней в постелях различных отелей «лагеря мира». Более прозаичный Маккартни вернулся к работе над альбомом «Эбби-Роуд». Радости эта работа приносила мало. Содружество Леннон-Маккартни, всегда считавшееся отличительной чертой «Битлз», окончательно распалось. «Ко времени работы над «Эбби-Роуд» мы с Джоном уже совершенно открыто критиковали музыку друг друга, и я чувствовал, что Джон не слишком заинтересован в исполнении песен, которые написал не он, а кто-то другой», - говорил Пол. Со своей стороны Джон обвинял Маккартни в «преднамеренной попытке» испортить его великие песни, такие, как «Strawberry Fields» и «Across the Universe», путем различных экспериментов с аранжировками и электронными эффектами.

Споры происходили у Маккартни с Ринго и Харрисоном, которые после многих лет слепого подчинения начали проявлять недовольство. Харрисону окончательно надоело «пренебрежительное отношение, которое

Пол на протяжении ряда лет проявлял к моей музыке». Маккартни признавался: «Я начал сильно придирается, Джордж и Ринго повернулись ко мне и сказали: «Послушай, черт побери! Мы уже достаточно взрослые и можем обойтись без твоей опеки». Для людей, которые, подобно мне, не осознают, что слишком доминируют, слышать такое довольно удивительно. Я немедленно замолчал, отстал от них и подумал: «Хорошо, все правильно, они правы. Я просто дерьмо». Пол говорил, что стал параноиком.

Неуютно почувствовал себя и Дик Джеймс. Счастливая фортуна, которая привела к нему в офис Брайана Эпстайна, в результате чего он получил право на публикацию произведений Леннона и Маккартни, сделала его миллионером. В 1965 году компания «Northern Songs» на правах публичной акционерной компании выпустила акции, и почти третьей частью этих акций владел Джеймс. Это было надежное вложение капитала, но Джеймс был серьезно обеспокоен поведением Леннона, становившимся все более эксцентричным. Дик также не доверял Аллану Клейну, который, как стало известно Джеймсу, заправлял теперь всеми делами Леннона. Дик решил продать свою долю в компании и нашел покупателя в лице Лью Грейда, бывшего театральным агентом Джеймса еще в те времена, когда он выступал на эстраде. В марте 1969 года Дик Джеймс продал свою долю в компании Лью Грейду более чем за миллион фунтов. За оставшиеся акции компания Лью Грейда ATV предложила девять с половиной миллионов фунтов.

Грейд давно ждал удобного случая прибрать к рукам «Битлз». Теперь это случилось, но не без борьбы. Леннон и Маккартни продолжали владеть тридцатью процентами акций, и, по крайней мере в этом вопросе, они придерживались единого мнения. Они возмутились тайным вероломством Джеймса и меньше всего хотели, чтобы право на их песни перешло именно к Лью Грейду. При поддержке торгового банкира Генри Ансбахера Джон с Полом перекупили контрольный пакет акций и пригрозили, что если они потеряют на этом деньги, то прекратят писать песни.

На последнюю угрозу Грейд не обратил внимания, так как это была явная чепуха. Он подчеркивал, что их песни являются не только творческой деятельностью, но и «важной частью доходов «мальчиков». Однако этой угрозы оказалось достаточно, чтобы встревожить консорциум инвестиционных компаний Сити, который владел решающими четырнадцатью процентами акций. В результате несдержанности Леннона победа досталась ATV. «Не желаю, чтобы меня надували люди в пиджаках, сидящие в Сити на своих толстых задницах», - заявил он в запале. Консорциум моментально перешел на сторону ATV и продал ей свои

акции. Грейд победил. Отныне главная часть доходов от всех песен, написанных Ленноном и Маккартни, включая «Yesterday», и от всех, которые они напишут (если напишут) до 1973 года, должна была поступать Грейду - этому человеку в пиджаке с сигарой в зубах. Действия Леннона, восстановившие его против Маккартни, были отчасти вызваны и тем, что Леннон обнаружил, кто и чем владеет в «Northern Songs». 20 апреля на собрании в офисе Ансбахера при подсчете всех акций выяснилось, что Леннон владел акциями на сумму шестьсот сорок четыре тысячи фунтов, а Маккартни в это время потихоньку купил еще акций, и теперь у него их было на сумму семьсот пятьдесят одна тысяча.

По словам Брауна, Леннон стал лилово-синим и закричал на Пола: «Ублюдок, ты за нашими спинами скупал акции?!»

«Ну извини», - ответил Маккартни и пояснил, что предпочел вложить деньги в свой талант, а не в супермаркет,

Леннон не хотел ничего слышать. «Это подлость! - закричал он. - Это первый случай, когда кто-нибудь из нас действовал тайком от других». «Я обнаружил, что у меня завелись кое-какие деньги, и захотел, чтобы их стало больше», - сказал Маккартни. Браун говорит: «Это был окончательный клин в отношениях Джона и Пола». После этого Леннон и Маккартни уже не могли разговаривать друг с другом нормальным языком. Теперь уже все - Джон, Харрисон и Ринго во главе с Клейном обрушились на Маккартни. Единственным, на кого Пол мог положиться в «Эппл», был Браун.

«Пол звонил мне в контору только по моему личному номеру, - говорит Браун. - Он не хотел даже пользоваться коммутатором».

Маккартни удалился на свою ферму в Шотландии и начал работать над сольным альбомом, о чем даже не думал еще несколько месяцев назад. Он вместе с женой, дочкой, падчерицей и овчаркой был полностью отрезан от окружающего мира. Единственный телефон находился во флигеле, и Пол часто не слышал его, даже тогда, когда Браун в течение сорока пяти минут пытался дозвониться до него. Похоже, что Пол действительно был мертв, - именно такой слух прошел в Америке. Поэтому Браун и пытался с ним связаться.

12 октября диск-жокей по имени Расс Гибб, работавший в WKNR-FM в Детройте, заявил, что получил анонимный звонок о том, что Маккартни умер. Эта история распространилась так же быстро, как пять лет назад распространилась битломания. В песнях «Битлз» стали искать тайный смысл, считали, что это Пол, а не Тэйр Браун «разбил свою голову в машине». Говорили, что если прослушать последнюю бороздку пластинки

«Strawberry Fields», то можно услышать, как Джон уныло произносит: «Я похоронил Пола». Пол был моржом - символом смерти (он единственный был в костюме моржа во время записи «Magical Mystery Tour»), Выдвигались предположения, что фотография «Битлз» на обложке конверта альбома «Эбби-Роуд», где вся четверка была изображена переходящей улицу, представляет собой фотографию похоронной процессии: Харрисон - могильщик, Ринго - владелец похоронного бюро, Леннон - священник, а вместо «покойного» Пола - его двойник.

Оставшиеся на работе в «Эппл» представители администрации пытались опровергнуть эти слухи, но безуспешно. Пол, уединившийся на своей ферме и не желавший, чтобы его беспокоили, не мог помочь рассеять эти слухи. Когда Браун в конце концов все-таки дозвонился до него, Пол сказал ему: «Зачем ты звонишь мне по поводу такой глупости? Занимаешься этим сам - и занимайся. Я об этом знать ничего не желаю. Если ты не можешь решить этот вопрос, то что же я могу сделать?» «Ты можешь приехать и продемонстрировать, что ты не умер», - возразил Браун. «Это глупо, занимайся этим сам», - ответил Пол и повесил трубку.

Воскресить Маккартни было поручено журналу «Лайф», который послал в Шотландию фотографа и репортера. Маккартни велел им убираться с его земли и окатил фотографа водой. Но, когда он понял, что фотограф заснял его в таком виде, к Маккартни моментально вернулось его обаяние. Он побежал за журналистами в надежде обменять кассету с пленкой, где его засняли таким разъяренным, на эксклюзивное интервью. Помимо этого, Пол позволил им сфотографировать себя с новорожденной дочкой, которую держала на руках Линда. Даже в состоянии депрессии он слишком заботился о своем имидже и не мог позволить подорвать его. И если Маккартни сказал в интервью журналу «Лайф», что он по-прежнему вполне живой («уверен что если умру, то узнаю об этом последним»), то этого нельзя было сказать о «Битлз». Ансамбль представлял собой просто загримированный труп, который выставлялся для обозрения ради денег, о которых договаривался Клейн.

После неприятных споров с Рикенбергом, включавших судебные разбирательства и клеветнические кампании, Клейну удалось вырвать «Битлз» у «Трайамф» в обмен на восемьсот тысяч фунтов наличными и отсудить у ЕМІ четвертую часть дохода в миллион триста тысяч фунтов. «Трайамф» в свою очередь приобрела у «Битлз» десять процентов акций в NEMS за сумму, которая была на пятьсот тысяч меньше их стоимости. Это был определенный успех, во всяком случае гораздо больший, чем тот, которого пытался добиться Джон Истман письмом к Эпстайнам,

вызвавшим такую обиду. У «Кэпитл» Клейну удалось добиться еще большего. С помощью различных аргументов, подкрепленных реальным фактом, что пластинки «Битлз» самые популярные в мире, Клейну удалось уговорить главу «Кэпитл» Боба Гортикова подписать соглашение об увеличении доходов «Битлз» до пятидесяти центов с альбома за пластинки до 1972 года и до семидесяти двух центов с пластинок после 1972 года. Кроме того, глава «Кэпитл» согласился платить по пятьдесят восемь центов с каждых двух новых ежегодных альбомов до 1972 года, а потом по семьдесят два цента вплоть до 1976 года - до того момента, когда предстояло снова заключать контракт. Это была самая выгодная сделка в истории звукозаписи, и даже на Пола она произвела впечатление. По словам Клейна, «Пол поздравил меня по поводу заключения этого соглашения. Он сказал: «Если вы и обкрадываете нас, то я не вижу каким образом».

Но единственная загвоздка заключалась в том, что «Битлз» не собирались выпускать новые альбомы, за исключением двух, которые уже были записаны, - «Let It Be» и лирического альбома «Эбби-Роуд», который, несмотря на страшные разногласия, доказал, что «Битлз» все еще работоспособны, а песня «Something» из этого альбома раскрыла силу авторского таланта Харрисона, который ему долго не позволяли проявить. Если бы «Битлз» помалкивали о своем предстоящем распаде, то они могли бы заработать громадные деньги, но это уже было бы явным обманом.

Пол отказывался подписывать любые бумаги, исходившие от Клейна, и брать на себя какие-либо юридические обязательства на будущее. Даже просьбы самого спокойного из всех Ринго не могли заставить его изменить свое решение. Однажды вечером в доме на Кавендиш-авеню Ринго сказал Полу, что, возможно, Клейн не такой уж и плохой, каким его представляют. При каждом упоминании имени Клейна Линда начинала плакать. Ринго вспоминал: «Через несколько минут я опять сказал: «А может, он все-таки не так уж и плох?» Линда вновь заплакала, повторяя при этом: «Ну вот, они и тебя убедили».

Линда со своей стороны была в ужасе от той злобной склоки, в которую она оказалась втянутой. «Я была наивной девчонкой из Нью-Йорка, когда мне пришлось столкнуться со всем этим, - вспоминала она и добавляла: - Я думала, что «Битлз» выше этого, и никогда не могла представить себе, что у таких людей, как они, могут возникать разногласия».

Маккартни, как оказалось впоследствии, поступал правильно, не связываясь с Клейном, но в тот момент это вряд ли было разумным.

«Битлз», еще недавно бывшие воплощением юношеского оптимизма, превратились в клубок музыкальных разногласий и взаимного недоверия, обостряемого личной враждой между Ленноном и Маккартни. Пол, никогда не умевший разговаривать с Ленноном напрямую, опять прибег к своей излюбленной тактике дипломатических уловок, но Джон на это теперь не поддавался. Так как он уже не мог осуществлять художественное руководство и провозглашать себя лидером группы, Леннон, подстрекаемый Йоко, был готов расколоть ансамбль.

«Маккартни оказался в безвыходном положении, - говорит Браун. - Джон хотел двигаться в другом направлении, а Пол не мог пойти за ним, потому что между ними стояла Йоко, которая препятствовала продолжению их совместной деятельности. Йоко хотела, чтобы Джон был только с ней, и проявляла в этом плане поразительную энергию».

Маккартни был твердо убежден, что сумеет справиться с этой проблемой, как всегда умел справляться с эксцентричными выходками Леннона. Он не собирался позволять кому бы то ни было разрушить то, что сам считал величайшим авторским содружеством XX века.

Но Пол ошибся. Джон, дрейфующий в море славы, которую он презирал, и в море наркотиков, прием которых не мог контролировать, нашел свой якорь. Теперь настала очередь Маккартни в одиночестве плыть по течению. Он полностью потерял контроль над ансамблем, в создании которого сам участвовал, в «Эппл» же он был персона нон грата. Пол утратил контроль даже над собственными песнями и проектами.

При работе над «Let it Be» появилась идея обойтись без перезаписи, как это было с пластинками «Битлз» со времен альбома «Revolver». Одноименная песня из этого альбома была навеяна Полу воспоминаниями о матери, которая приснилась ему и «придала мне силы в тот момент, когда я почувствовал себя параноиком». Пол надеялся, что эта песня будет знаменовать собой возврат к чистому стилю рок-н-ролла и поможет восстановлению чувства единства в ансамбле. Ничего подобного не произошло.

Музыкальная сторона альбома страдала от последствий разногласий и самовольных выходок участников ансамбля, и, когда проект окончательно зашел в тупик, никто не знал, как соединить в альбоме различные пленки с часовыми записями. Леннон и Харрисон передали все пленки Филу Спектору, поскольку он хорошо потрудился во время работы над синглом Леннона и Йоко «Instant Karma». Его стиль «звукового вала» успешно проявился при записи песни «You Lost That Loving Feeling» в исполнении ансамбля «Righteous Brothers». Однако планы Спектора серьезно

отличались от задумок Маккартни.

Спектор изменил последовательность и сделал новую аранжировку песен, добавив при этом струнные инструменты и различные наложения, которых Маккартни стремился избежать. Особенно расстроила Пола его песня «The Long and Winding Road» после усердных стараний Спектора. Она задумывалась и была записана как простая баллада в сопровождении акустической гитары, а Спектор добавил туда оркестр и различные наложения. Маккартни пришел в ярость и потребовал, чтобы песня вошла в альбом в своем первоначальном варианте. Клейн отказался сделать это, и 11 мая 1970 года сингл с этой песней был выпущен в Америке именно в оркестровом варианте Спектора. Сингл занял первую строчку в хит-параде, но теперь это уже не имело значения. Пол Маккартни покинул «Битлз».

Линда говорит, что распад «Битлз» разрушил Маккартни. Пол очень переживал это, и похоже, что у него был нервный срыв. «Я почувствовал, что жизнь моя закончена», - говорил он. В своем поместье в Шотландии Маккартни вел жизнь отшельника. Его блестящие волосы, которые он раньше мыл каждый день, стали теперь спутанными и неухоженными. Пол перестал бриться.

«Я был совершенно опустошен. Впервые в жизни я ощутил себя выброшенным на свалку. Это было ужасное чувство разочарования и ощущение того, что ты больше никому не нужен, душу заполнила пустота», - вспоминал Пол.

В том состоянии, которое он сам определил как «неподвижная» безысходность, Пол утратил присущее ему чувство самосохранения и начал употреблять героин. Сначала наркотик вызывает отвращение, потом уводит от реальности, а затем в конце концов у человека наступает помрачение сознания. Некому было командовать Полом, и он стал неуправляемым, некоммуникабельным, с ним невозможно стало жить, он впадал то в злобу, то в депрессию. Жизнь Маккартни перевернулась вверх дном. Даже его любимый медвежонок Раперт - невинный символ его детства - был превращен какой-то газетенкой, представляющей андерграунд, в кровавадного сексуального маньяка. Судебное дело, возбужденное против этой газеты, грозило стать самым долгим в истории британской юриспруденции процессом по обвинению в непристойности.

«Я не мог справиться с собой, - вспоминал Пол. - Помню дни, когда я просыпался в три часа дня и думал: «Нет смысла вставать, все равно скоро снова ложиться спать». Но если я все-таки и вставал, то вскоре опять появлялось желание лечь в постель». И не было смысла бриться, принимать ванну или думать о том, что надеть, «потому что мне некуда идти». «Я сильно переживала за него», - говорила Линда.

«До того времени я был довольно самоуверенным, - вспоминал Маккартни. - И вот впервые моей уверенности нанесли серьезный удар. Не думаю, что я потерял ее после смерти матери. Да, тогда это было для меня потрясением, но я не чувствовал за собой никакой вины». Теперешний разрыв Маккартни переживал так же болезненно, как и смерть матери, но в этот раз он все-таки чувствовал за собой вину. Ведь он мог бы с большим пониманием отнестись к Харрисону и его зрелым амбициям, мог бы быть

более внимательным к Ринго и более приветливым с Йоко Оно («...у меня все-таки часто возникало чувство, что неразумно отвергать ее», - говорил Пол).

Но самые сильные переживания Пола касались его отношения к Леннону. Эти чувства были двойственными и противоречивыми, и Пол никак не мог сладить с ними. Он говорил: «Теперь я осознал, что мы никогда не понимали души друг друга, мы не знали правды. Бывает, что и отцы ненавидят сыновей». Потом он сглаживал свои слова, заявляя: «Суть заключается в том, что мы любили друг друга».

В любом случае Маккартни считал невозможным для себя строить жизненные планы без Леннона. Его сильно расстроила не столько потеря друга, сколько крушение его мечты. «Это было похоже на путешествие Роджерса и Хаммерстейна, - говорил Пол. - Этот романтический образ сотрудничества всегда привлекал меня. Леннон и Маккартни должны были стать Роджерсом и Хаммерстейном 60-х годов». Теперь эта мечта умерла в потоке юридических распрей и личного антагонизма.

Наступившая развязка была безрадостной. Маккартни вернулся из своего уединения в марте 1970 года и привез с собой свой сольный альбом, озаглавив его очень просто: «Маккартни». Пол записывал его на четырехдорожечной аппаратуре, которую он купил у ЕМІ. Партии всех инструментов он исполнял сам: Одна из запоминающихся песен в этом альбоме «Maybe I'm Amazed» («Может быть, я изумлен») была написана «для меня и Линды. Она отражала мои чувства по поводу распада «Битлз». Может быть, я был изумлен тем, что происходило, может быть, нет, но возможно, что я был изумлен! Может быть, меня изумляло каким образом я оказался не у дел. Эти фразы символизируют то, что происходило в то время. Мне было очень легко работать над альбомом. Я вставал, завтракал и шел работать в гостиную... Конечно, там были некоторые недоработки...» (во время прослушивания пластинки можно слышать крики детей и шум открываемой двери).

Маккартни хотел, чтобы альбом вышел в начале апреля, но Клейн сообщил, что это невозможно. В апреле намечался выпуск уже полностью завершенного альбома «Let It Be», и примерно в это же время должен был выйти первый сольный альбом Ринго «Sentimental Journey». Маккартни пришел в ярость. Он позвонил сэру Джозефу Локвуду и сказал, что остальные участники «Битлз» пытаются его «саботировать». Когда Ринго с миссией мира явился на Кавендиш-авеню, чтобы объяснить, почему с апрелем возникают такие сложности, Пол «полностью потерял контроль над собой. Он размахивал руками у меня перед лицом и кричал: «Я

расквитаюсь с вами со всеми. Вы заплатите мне за все!» Затем он просто выгнал Ринго.

Ринго, пораженный тем, какое важное значение Пол придает выходу своего альбома, убедил Клейна и остальных изменить даты выхода пластинок, и альбом «Маккартни» был выпущен 17 апреля. По указанию Маккартни в конверт было вложено заявление о распаде «Битлз», выполненное в форме интервью:

– Каковы ваши отношения с Клейном?

– У меня нет с ним никаких отношений. Я не общаюсь с ним, и он не представляет мои интересы.

– Собираетесь ли вы выпустить новый альбом и сингл вместе с «Битлз»?

– Нет.

– Ваш уход из «Битлз» временный или окончательный? Он связан с разногласиями в личном плане или в музыкальном?

– Личные разногласия, деловые, музыкальные, но главное в том, что я хочу больше времени уделять своей семье. Временно или окончательно? Я не знаю.

– Считаете ли вы, что настанет момент, когда творческое партнерство Леннон-Маккартни вновь возродится?

– Нет.

Теперь настала очередь Леннона возмущаться. Он обвинил Маккартни в том, что тот использовал это заявление, чтобы привлечь внимание публики к своему сольному альбому. «Отчасти у меня было такое намерение, - соглашался Пол. - Ну и что? В конце концов, именно Леннон первым заявил о своем уходе из «Битлз», но это решение держалось в секрете, чтобы Клейн мог заключить новые контракты. Лично я не вижу ничего плохого в том, чтобы объявить миру о распаде «Битлз» спустя четыре месяца после того, как этот распад состоялся. Все равно это должно было произойти. Для меня это было делом совести... мне не нравилось обманывать людей».

Однако остальные «Битлз», и главным образом Леннон, придерживались на этот счет другого мнения. Разозлившись, они сказали, что заявление о распаде ансамбля надо было делать совместно. Они хотели поступить более благородно, и считали, что подобное заявление не должно было тайком вкладываться в сольный альбом. Это был еще один серьезный удар по их отношениям.

Спустя пятнадцать лет, оправдывая свои прошлые поступки, Маккартни сказал: «Сейчас я, пожалуй, сожалею о том, каким образом это

было сделано. Думаю, что мне надо было поступить более разумно и получить одобрение от остальных». Пол сказал, что не хотел обидеть Леннона, который сильнее других воспринял заявление о распаде ансамбля как личное оскорбление (и не только потому, что кто-то сделал одностороннее заявление, а именно потому, что в глубине души Джон все еще продолжал считать «Битлз» своим ансамблем). «Я не подумал, что это может так сильно оскорбить его, и не придавал особого значения тому, кто это сделает первым», - сказал Маккартни.

Однако в то время это его не волновало, он в одиночестве пребывал на своей ферме в Шотландии. Марихуана, к которой Пол всегда прибегал, чтобы снять стресс, в этот раз оказалась недостаточно эффективной, чтобы вывести его из унылого состояния. Вместо марихуаны он стал употреблять героин.

«У меня был друг, который сказал мне, что героин хорош до тех пор, пока он тебе по карману, - вспоминал Пол. - «С тобой все в порядке, - говорил он мне, - ты написал «Yesterday» и всегда будешь в состоянии заплатить за героин».

Однако на этот раз сработал механизм самосохранения. Если Леннон, как подчеркивал Маккартни, всегда готов был с головой ринуться в пропасть, то Пол всегда отходил от края, и его увлечение героином продлилось совсем недолго. Забота о собственном имидже была у Пола настолько сильна, что он никогда не мог позволить себе из наркомана, покуривающего марихуану, превратиться в наркомана, сидящего на игле. Маккартни мог представить себя кем угодно, но отнюдь не человеком, который, будучи больным, ползает по полу и думает, что все чудесно.

«У меня в мозгу прозвенел звонок! Загорелась маленькая лампочка, - сказал Пол и добавил: - Мне не хотелось быть наркоманом, я даже не испытывал удовольствия, принимая наркотики, Я делал это только для того, чтобы выйти из состояния оцепенения». Пола ругали за подобное проявление слабости. Когда бы его ни спрашивали, принимал ли он по примеру Леннона героин, он всегда категорически отвечал: «Нет». И только в 1991 году Пол подтвердил то, о чем давно ходили слухи. Он согласился, что действительно употреблял героин, но в очень небольших дозах, как крайнее и неизбежное средство для искусственного снятия жизненных стрессов. «Это Линда заставила меня осознать, каким круглым идиотом я был», - сказал Пол.

Линда, эта девчонка из Нью-Йорка, которой удалось подцепить «битла», оказала на него сильное влияние. Не тратя даром времени, они быстро выяснили, что прекрасно подходят друг другу в физическом плане,

но вскоре их связь приобрела и более твердую почву. Если Джейн Эшер всегда усиленно заботились собственные амбиции, то Линда заботилась о карьере Маккартни. Пол, который обычно не утруждал себя длительными связями с женщинами, понял, что не может, да и не желает расстаться с Линдой. Ему хотелось разговаривать с ней, рассказывать о себе, о своих надеждах и планах, а Линда всегда с большой охотой слушала его. Иногда, отходя от темы, они рассказывали друг другу о своей жизни до их знакомства. «Ты понимаешь, как сильно любишь человека, когда раскрываешь ему душу и рассказываешь о прошлой жизни, - пояснял Пол. - Тогда мы с Линдой вели себя как распутники, но в этом и заключается одна из причин того, что наш брак оказался прочным. Мы оба перебесились еще до женитьбы и покончили с этим».

Рассказывая о своих прошлых любовных приключениях, Маккартни отрезал себе пути к будущим изменам, но в тот момент, когда в его профессиональных делах царил хаос, ему именно этого и хотелось. Он как раз находился в том состоянии, которое сам называл разводом, и переживал это особенно болезненно. Пол потерял своего партнера, и теперь в лице Линды он надеялся обрести поддержку, которую всегда искал в Ленноне. И Линда в буквальном смысле заменила ему Джона. Когда Пол собрался с силами и вернулся к работе, он напомнил всем, что Линда является полноправным членом его ансамбля.

Остальных «Битлз» не слишком вдохновляла перспектива сменить состав ансамбля. Леннон ушел, но оставались еще Харрисон и Ринго. «Я думаю, что Джордж и Ринго все-таки хотели сохранить ансамбль», - говорил Маккартни. Был как-то предварительный разговор о том, чтобы в будущем сделать что-нибудь вместе, но из этого ничего не вышло. Как объяснял Ринго своим друзьям - завсегдатаям лондонских ночных клубов, - никто из них не представлял себе возможным работать вместе с Линдой.

Линда тоже была не в восторге от этого. Точно так же, как Йоко хотела, чтобы Леннон принадлежал только ей, Линда стремилась единолично владеть Полом, хотя у них с Йоко были на это разные причины. Если Йоко пыталась направить Джона в русло собственных художественных вкусов, то Линда хотела увлечь Пола семьей и домашними делами. Ансамбль «Битлз» представлял собой чисто мужской коллектив, увлеченный собственными делами и закрытый для посторонних, включая жен и подружек, и Линда видела в нем угрозу той благополучной жизни, которую она хотела создать. Времена появления Линды на публике закончились, в мире поп-музыки она получила высокую оценку и теперь хотела быть женой и матерью. Маккартни был счастлив таким поворотом

дел. Линда олицетворяла собой ту стабильность, в которой Маккартни, по его словам, так нуждался. Пол говорит: «Она прекрасна, эмоциональна, практична и сексуальна». Более того, похоже, что она начисто лишена того, что Пол считает теперь ложным притворством, преследовавшим его в течение стольких лет.

«Я считаю себя крестьянкой, - говорила Линда. - Наверное, я взбунтовалась против достатка, в котором родилась». Она решила вести скромную жизнь, и в том, на чем она настаивала, был безусловный смысл, поэтому Маккартни согласился с ней.

Подобный образ жизни, безусловно, совпадал с желаниями покойной матери Пола, которая всегда хотела, чтобы ее сын был хорошим мальчиком, чтобы он получил хорошее образование и жил в хорошем доме. И Пол всегда придерживался ее наставлений. Он стал миллионером, увлекся элитарным искусством, владел особняком в Сент-Джонз-Вуд. И к чему он теперь пришел? Прямоком к героину. «Потом появилась Линда, и разум вернулся ко мне», - говорил Пол.

Он решил переделать себя. Ушли в прошлое экзотические автомобили, разодетые титулованные друзья, художественные галереи с картинами авангардистов, лимузины и шоферы, банки с икрой, которую ему случалось есть в доме комика Питера Кука. Итак, этот не самый дисциплинированный из мужчин, женатый на женщине, которая, по словам Хантера Дейвиса, «никогда не была лучшей из домохозяек», с головой ушел в домашние дела.

Вместо того чтобы продолжить свое образование, Пол поступил совсем наоборот. «Я хочу остаться необразованным, это действительно мое желание», - говорил Пол. Художник, который пытался разобраться во всех сложностях творчества Штокхаузена и Бергмана, предпочитал теперь смотреть на мир «глазами ребенка».

Маккартни стал вегетарианцем. Однажды он уже предпринимал подобную попытку. Автор этой книги и диктор Нед Шеррин помнят, как однажды Маккартни вместе с Джейн Эшер пришел к ним на ленч, и, когда подали барашка, Пол сказал своей подруге: «Ох, дорогая! Ты разве не знаешь? Сегодня утром мы стали вегетарианцами». Но тогда это продлилось недолго, а на этот раз оказалось уже серьезно. «Это случилось вскоре после нашей женитьбы, мы с Полом в то время находились в Шотландии, там и решили стать вегетарианцами. Как-то мы сидели за столом, перед нами стояли тарелки и мы с удовольствием уплетали жареную баранину. И вдруг Пол показал через окно на нашу отару овец и сказал: «Послушай, ты понимаешь, что это мы их едим!» Мы оба расстроились и приняли решение не употреблять больше мяса», -

вспоминала Линда.

С тех пор Маккартни взял себе за правило никогда не убивать своих животных, даже беззубых старых овец. Хотя природа уже приговорила этих животных, их продолжали кормить вручную смесью овса и люцерны, порубленной и приготовленной в кухонной мешалке. Маккартни пытался даже убедить своих собак следовать примеру хозяев, а гитарист ансамбля «Wings» Денни Лейн рассказывает, как собаки, к великому ужасу Линды, на ее глазах загрызли цыплят. «Вы не можете изменить суть природы», - заметил им как-то Лейн. Но Пол и Линда старались это делать. Они участвовали в кампании по защите животных, снабжали деньгами Лигу защиты животных от охоты, купили землю в Уэст-Кантри и устроили там заповедник для оленей, они организовывали автомобильные путешествия, призывая всех участников соблюдать вегетарианскую диету, что вызывало неудовольствие владельцев придорожных ресторанов.

Даже отец Пола, самый понятливый из всех родителей, был страшно удивлен чудачествами сына. В 1964 году старший Маккартни снова женился, и его молодая жена Анжела (вдова, которая была моложе его на двадцать восемь лет) жаловалась, что когда они с Джимом приехали на ферму в Шотландии, то были вынуждены спать на грязных матрасах, брошенных на холодный цементный пол. Ей это не понравилось и, как она говорила, Джиму тоже. Однако, несмотря на стычки, которые, по словам Анжелы, стали возникать в их отношениях с появлением Линды, Пол до самого конца был очень близок с отцом, и в знак сыновней любви он включил песню «Walking in the Park with Eloise», написанную отцом, в свой альбом «Venus and Mars», вышедший за год до смерти Джима Маккартни.

Старые друзья были менее снисходительны. Они обвинили Линду в переменах, происшедших с Маккартни, хотя и менее экстравагантных в своем проявлении, нежели перемены в Ленноне под влиянием Йоко. Винона Уильямс говорит: «Для меня это было шоком. Пол всегда соблюдал свой социальный статус, как и Мик Джаггер, хотя Мик был более понятен. Так было всегда, пока он был с Джейн. Затем внезапно появляется эта женщина, и вот уже она великая мать-Земля, возвращающая собственных коров, изменяющая социальный статус Пола и превращающая его в новоиспеченного деревенского жителя. И не в деревенского джентльмена, а в самого заурядного деревенского жителя, что никогда не шло Полу».

Так теперь оно и было. Городской человек, которому деревенские каникулы вспоминались как самые счастливые моменты детства, искал теперь радость в домашней жизни. Что касалось его профессиональной деятельности, то это был другой разговор. «У меня было только два пути, -

говорил Пол. - Бросить все или продолжать».

Но все обстояло гораздо сложнее. «Битлз» прекратили свое существование как ансамбль, но они сохранились в памяти людей и на пластинках как вечное напоминание о былой славе, они оставались эталоном, с которым всегда сравнивали творчество Маккартни и с которым он был вынужден вечно конкурировать.

Его первые сольные альбомы не выдерживали этого сравнения, альбом «Маккартни» был встречен без особого энтузиазма. Леннон обозвал его «чепухой». Вторая попытка была не намного удачней. Задетый за живое реакцией критики на альбом «Маккартни», Пол попытался создать более простую и доходчивую пластинку. Он назвал ее «Ram» («Баран»), потому что «это хорошее слово, так как оно не только означает движение вперед, натиск, но и просто хорошо звучит, этим словом я хотел дать понять многим людям... что мы из стада».

Если это объяснение и не было достаточно банальным, чтобы вызвать насмешки, то решение привлечь к работе над альбомом Линду как раз и вызвало их. На пластинке они пели вместе. «Она не очень испортила общую картину, лишь слегка сфальшивила в некоторых моментах, - признавался Пол. - Ей было тяжело, но результатом мы остались довольны. Наши старания не пропали даром, ведь в то время мы были одни против всех».

Альбом разошелся миллионным тиражом и занял верхнюю строчку в хит-параде США. Однако музыкальные критики не обратили на него внимания. Но в тот момент Полу было не до музыки, он был поглощен иными заботами. 31 декабря 1970 года по настоянию Истманов Ринго, Леннону и Харрисону были направлены судебные повестки. Пол Маккартни вызывал своих бывших партнеров и друзей в суд. Это был шаг, который навсегда заклеил его как виновника распада «Битлз», «Я не хотел этого, - говорил Пол. - Я уехал в Шотландию, где, отрезанный от всего мира, мучился три месяца, прежде чем решил, что это единственный выход. Это было страшное решение. Я хотел судиться с Клейном, а вышло так, что мне пришлось судиться со своими бывшими друзьями».

10 января началось слушание дела в Высоком суде правосудия. Маккартни потребовал официального признания распада ансамбля «Битлз», потому что они уже больше не работали вместе, потому что Аллан Клейн был назначен без его согласия и потому что со времени создания «Эппл» в апреле 1967 года ему не предоставляли никакой бухгалтерской отчетности. В ответ остальные трое «Битлз» представили доказательства, свидетельствующие о том, что под руководством Клейна за последние

девятнадцать месяцев доходы «Битлз» увеличились на девять миллионов фунтов.

10 марта Высокий суд назначил ликвидатора, ответственного за имущество «Битлз». По сведениям источника, не вызывающее сомнений, вечером этого дня Леннон в сопровождении Харрисона и Ринго подъехал на машине к дому Маккартни и швырнул в окно камень.

Вражда перенеслась и на пластинки. Внутри конверта альбома «Ram» появился рисунок, изображающий «битла», обкрадывающего другого «битла». Маккартни считал, что именно так поступает с ним Леннон. В альбоме были также две песни, прямо указывавшие на Леннона, - «Dear You», где была строчка: «Я надеюсь, что ты никогда не узнаешь, как много ты потерял», и более откровенная «Too Many People». «Там были некоторые строчки, о которых я думал, что это его заденет, - говорил Маккартни». - Боже, я не мог удержаться, чтобы не ужалить его, и написал: «Слишком много людей, любящих читать нравоучения...» Он слишком часто любил поучать, а меня это раздражало. Это была небольшая шпилька в адрес Джона и Йоко».

Втягивать Леннона в прямую конфронтацию всегда было опасно, Маккартни хорошо это знал, поэтому старался не делать этого. Как бы ни был Леннон одурманен наркотиками, в нем еще сохранилось достаточно ливерпульской грубости, что делало его весьма опасным противником. Маккартни не пришлось долго ждать ответных мер.

В сентябре Леннон выпустил свой альбом «Imagine». Как и одноименная основная песня, альбом представлял собой романтический, идеалистический призыв к миру. Но наряду с этим в нем имеется песня с жестоким названием «Crippled Inside» («Насквозь порочный») и «How Do You Sleep» («Как тебе спится») в которой Харрисон играет на гитаре, а Джон поет: «Те наркоманы были правы, когда говорили, что ты умер... Внешность может быть прекрасной год или два, но очень скоро мы поймем, что ты из себя представляешь. Твоя музыка режет мне слух... О, как тебе спится...»

Маккартни великодушно пытался оправдать Леннона. «Я думаю, что это просто была ревность, - говорил он, - Я должен был понять и простить Джона, потому что прекрасно понимал, откуда все идет. Я знал, что он пытался уйти из «Битлз», чтобы иметь возможность сказать Йоко: «Вот видишь, ради тебя я бросил даже «Битлз». Я готов посвятить себя только тебе и движению авангарда».

Но Леннон не мог успокоиться. Словно стилига из «Лизерленд Таунхолл», он не упускал ни малейшей возможности задеть Маккартни. Он

сравнил его с Энгельбертом Хампердинком, что было вдвойне обидно Полу, потому что именно песня Хампердинка «Release me» вытеснила с первой строчки хит-парада 1967 года песню Маккартни «Penny Lane». Джон достал свадебную фотографию Пола и Линды, зачеркнул слово «свадьба» и заменил его словом «похороны». Леннон обвинял Маккартни во вранье и распускании слухов, критиковал его сольные альбомы. Джон попытался создать впечатление, что лучшие песни Маккартни, за исключением «Yesterday», были написаны с его помощью или по его подсказке. И потому, что грубый, твердый, бунтующий, честный Джон Леннон пользовался «доверием улицы», а сентиментальный, улыбающийся, поднимающий вверх большой палец Маккартни нет, люди верили Леннону.

Энгельберт Хампердинк дошел до того, что обвинил Маккартни в грязных намеках в свой адрес. Маккартни вспоминал: «Я сказал ему, что это не я, что это Джон заявлял, что я пою под него. А он ответил мне: «Джон Леннон так бы никогда не сказал».

У Маккартни не было шансов победить в этой уличной драке. Его воспитание, вежливость и благопристойность не позволяли ему этого. «Я слишком благоразумный, - говорил Пол. - Вот таков я есть. Я никогда не скажу таких вещей, которые говорит Джон».

Действительно обидным было то, что у Леннона были свои творческие планы - и Маккартни знал об этом, - над которыми он работал в своей студии «Плэстик Оно Бэнд». А первые два сольных альбома Маккартни, хотя и были интересными в отдельных моментах, не отвечали тому качеству, которого ожидали от великого рок-композитора.

Линда Маккартни говорила мне, что за первые одиннадцать лет их совместной с Полом жизни не было ни единой ночи, которую бы они провели не вместе. Это были не Джон и Йоко, которых объединяла любовь к хиппи, это были Пол и Линда. Леннон вскоре отправился в Голливуд-Хиллз без Йоко, но вместе с Мей Панг - своей бывшей секретаршей, чтобы провести там «пропущенный уик-энд», который продлился более года.

А Маккартни всегда держался возле жены, и, когда он, всегда болезненно реагирующий на критику и обеспокоенный неодобрительными откликами на свои два сольных альбома, решил создать новый ансамбль, первым его участником стала Линда. Пол объяснил, что в ответ на потерю работы (а именно так он относился к распаду «Битлз») он «постарался найти другую работу». Маккартни признавал, что это было не самое лучшее решение мучившей его проблемы самоутверждения. «Битлз» нельзя превзойти», - говорил он. «Битлз» были вместе более десяти лет, практика совместной работы соединила их в одно целое. «Работа очень сблизилась нас, мы стали почти семьей», - объяснял Пол. Попытка заново создать подобное единство представляла собой невыполнимую задачу. «Было довольно сложно существовать просто как ансамбль, даже не пытаясь добиться подобного единства».

Однако другого пути не было. Пол вспоминал: «Я подумал: «Ну хорошо, если я не буду петь в течение года, то могу охрипнуть, а если не буду петь в течение двух лет, то начну думать, что я вообще больше не певец. Поэтому я должен создать ансамбль хотя бы ради того, чтобы чем-нибудь заняться». С «Битлз» было покончено, и мы очутились у разбитого корыта. Я думал: «Это мой конец как певца, автора песен и композитора, потому что мне не с кем больше работать». И так продолжалось до тех пор, пока я не принял другое решение».

И вот теперь, чтобы не расставаться со своей женой, Пол решил превратить Линду, которая не умела ни играть, ни петь, в рок-звезду. «Мне просто очень хотелось, чтобы Линда была со мной, а не оставалась дома, когда я куда-нибудь уезжал. Я показал ей среднее «до», сказал, что научу нескольким аккордам, и мы посмеялись над этим. Такое у нас тогда было настроение».

Однако следует отметить, что у Линды были возражения относительно этой перспективы. Конечно, ее привлекала романтичность предложенной

Полом роли, хотя она долгое время вращалась среди звезд и перспектива самой стать звездой не прельщала ее. Но у Линды были вполне обоснованные сомнения по поводу своих музыкальных способностей. Она говорила: «Разве можно сказать Бетховену: «Хорошо, я буду петь вместе с тобой» - если никогда в жизни не пела? Или: «Хорошо, я буду играть с тобой на пианино» - если никогда в жизни не играла?»

Маккартни всегда отличало упорство, он снова возвращался к своей мысли о том, что он это делает, «просто чтобы не забыть, как это делается, чтобы, как спортсмен, поддерживать определенную форму». И он хотел, чтобы в качестве персонального опекуна с ним всегда рядом была Линда. Захваченный идеей возвращения к старым временам фургона «Остин» и бесхитростным отношениям ранних «Битлз», Пол отклонил возражения жены. Позже он признавался, что это было «наивное» решение с его стороны. Стрелки часов истории рок-н-ролла нельзя было повернуть назад. И как бы Маккартни ни желал этого, он уже не мог снова быть поппоменестрелем, перебивающимся случайной работой, хотя это не остановило его от отчаянной попытки вернуться к тому, к чему вернуться уже было невозможно.

13 сентября 1971 года, спустя десять дней после того, как Леннон, как оказалось, навсегда покинул Англию, в лондонской клинике при Кингз-колледже Линда родила дочь, которую называли Стелла. Роды были трудные, и пришлось прибегнуть к кесаревому сечению. «Уход за нашей малышкой был великолепный, поэтому, вместо того чтобы сидеть и бить баклуши, я пыталась придумать для нового ансамбля название, которое бы принесло ему удачу, и именно в тот момент возникла идея назвать его «Wings» («Крылья»). Это название звучало очень хорошо», - вспоминала Линда.

В дополнение к названию был создан ансамбль. В его состав вошли Пол и Линда, Денни Сайвелл - ударник, привлекавшийся для записи альбома «Ram», и Денни Лейн - бывший солист группы «Moody Blues», среди лучших песен которого была «Go Now». Лейн был видной поп-звездой 60-х годов, талантливым поэтом и композитором, написавшим для своей бывшей группы хит «Say You Don't Mind». Он был близко знаком с «Битлз», выпивал и гулял с ними в ночных клубах, и одно время Эпстайн выражал желание быть его менеджером. Эпстайн назначил ему деловое свидание как раз в тот вечер, когда покончил с собой. Лейн пришел и настойчиво стучал в двери дома в Белгрейвии, в то время как Эпстайн был уже мертв. Маккартни вспоминал по поводу Лейна: «Мне всегда нравились его голос и песни, поэтому я и решил, что это подходящий для совместной работы человек. Наши голоса как бы дополняли друг друга». Линда тоже

одобрила выбор Маккартни и сказала Лейну, что его песня «Go Now» - одна из самых ее любимых.

Сотрудничество Лейна с Маккартни продлилось десять лет, почти столько же, сколько и сотрудничество Маккартни с Ленноном. Они объездили весь мир, выступая перед громадными аудиториями, вместе написали песню «Mull of Kintyre», и это была первая пластинка, которая разошлась в Великобритании большим тиражом, чем пластинка Леннона и Маккартни «She Loves You». Но они не были партнерами в том смысле, в каком это можно было сказать о Маккартни и Ленноне. Лейн, будучи талантливым автором песен, никогда не поднялся выше положения наемного музыканта, и, когда настал момент их расставания с Маккартни, он сопровождался взаимными оскорблениями почти так же, как произошло у Пола с Ленноном. Бывший солист группы «Moody Blues» выдвинул в адрес бывшего «битла» знакомые обвинения в эгоизме и скаредности. Однако он был очень доволен в тот момент, когда Маккартни позвонил ему и сказал: «Я создаю новый ансамбль для гастрольных турне. Тебя это интересует?» «Да, конечно», - ответил Лейн, в этот же вечер вылетел в Шотландию и приехал на ферму к Полу.

Группа «Moody Blues», лишившаяся своего лидера, исчезла из списков хит-парадов, деньги перестали поступать. Лейн, с его привычкой к роскошной жизни, истратил все, что заработал прежде, и теперь докатился до того, что спал на матрасе в задней комнате офиса своего тогдашнего менеджера Тони Секьюнда. Возможность работать с Маккартни была тем шансом, который нельзя было упускать, тем более в том отчаянном положении, в котором оказался Лейн. И в этом положении Лейн был вынужден согласиться на предложенную ему Маккартни заработную плату, по свидетельству Лейна, составлявшую всего семьдесят фунтов в неделю (по свидетельству же его бывшей жены Джо-Джо, и того меньше - тридцать пять фунтов в неделю). Условия проживания соответствовали его заработной плате, он жил на ферме Маккартни в каком-то сарае, который, по словам Лейна, был не слишком приспособлен для жилья». Лейн поменял один матрас на другой.

Таким же убогим получился и первый альбом ансамбля «Уингз». Маккартни, утвердившийся в своем намерении делать все как можно проще, взял пример с Боба Дилана, который, как слышал Пол, записывал теперь «все за раз». Пол предпочел последовать примеру Дилана, нежели сохранить свой старый стиль. Альбом «Wild Life» был сделан за две недели и почти так же быстро канул в безвестность. Даже Маккартни при его неспособности отличать в собственной работе хорошее от плохого

признавал: «Это была не слишком хорошая пластинка».

Естественно, что большинство нападок пришлось в адрес Линды. Ансамбль из четырех музыкантов, один из которых был совершенно безграмотным в музыкальном отношении, так никогда и не стал «семьей». Лейн вспоминал: «Я вовсе не возражал против присутствия Линды, но как музыкант, я противился этой идее... Я всегда был против, так как считал, что мы гораздо быстрее можем стать хорошим ансамблем, если у нас будет настоящий клавишник».

Однако проблема была не только в исполнении. В своем стремлении создать что-то настоящее, что в его понимании значило создать быстро, Маккартни собрал в альбоме песни, которые никогда бы не выдержали критических оценок Леннона. Песня «Dear Friend» («Дорогой друг») была написана для Джона. «Эта песня была чем-то вроде письма, - объяснял Пол. - Я написал ее как приглашение к примирению». Но Леннона пластинка совершенно не заинтересовала, впрочем, как и покупателей. Это был пример артистической самонадеянности и траты денег на решение своих личных проблем. Песня «Mary Had a Little Lamb» была написана для дочери Пола. «Я подумал, что должен записать для нее песню, - говорил Пол. - У меня была идея, что каждому будет интересно обнаружить, что слова этой песни являются детскими стишками. Я считал, что это очень серьезно и очень здорово и что получится песня для маленьких детей типа «Yellow Submarine». Теперь я вижу, что она не слишком подошла для пластинки». Эти его слова не были попыткой оправдать себя в глазах «больших музыкантов». Пол честно признался: «До сих пор, когда я ее слышу, меня коробит». Маккартни пытался спорить, считая, что художника следует оценивать, принимая во внимание и его удачи, и неудачи. При этом он приводил пример голубого периода Пикассо, когда неудачные работы художника «помогли ему создать заключительную картину». И все-таки он был вынужден признать: «Надо, чтобы вам нравился и я, и мои пластинки».

Не многим понравился также и первый сингл «Уингз», названный «Give Ireland Back to the Irish» («Верните Ирландию ирландцам»). Пластинка вышла в Великобритании 26 февраля, то есть через три с половиной недели после «кровавого воскресенья», когда английские десантники открыли огонь по мятежникам в католическом квартале Богсайд в Лондондерри, убив при этом тринадцать и ранив семнадцать человек. Пол говорил: «Я всегда давал себе зарок не писать политических песен и считал Джона ненормальным за его политические песни». Трагические события в Северной Ирландии заставили Маккартни изменить данному обещанию. Английские войска были направлены в Ольстер в

августе 1969 года, а спустя месяц Мик Джаггер (одетый в детское платье) и «Роллинг Стоунз» дали бесплатный концерт в присутствии двухсот пятидесяти тысяч человек в лондонском Гайд-парке, во время которого в память о гитаристе Брайане Джонсе, умершем три дня назад, выпустили целую тучу белых бабочек. Бабочки быстро умерли, как и смолкли восторженные приветствия католического меньшинства Северной Ирландии, которыми оно поначалу встретило солдат. Присланные в Ирландию с миротворческой миссией солдаты оказались под перекрестным огнем фанатиков-сектантов из Ольстера и открыли ответный огонь, что и привело к жестокой конфронтации и январскому «кровавому воскресенью».

«Я вырос с мыслью, что ирландцы наши братья, - говорил Пол. - И когда английские десантники, та самая моя армия, которую я содержу, отправились в Ирландию и застрелили там просто случайных свидетелей, я впервые в жизни возмутился: «Подождите, ведь мы все добрые и хорошие люди. Разве не так?» И я решил как-то выразить свой протест... Потом я подумал, что мне хочется выразить протест от имени всех людей, и я попытался сделать это».

Песня «Give Ireland Back to the Irish», запрещенная к передаче на «Би-би-си», в течение двадцати лет была единственной песней Пола, написанной в стиле Леннона, пока Маккартни не написал песню «All My Trails» о бездомных, в которой критиковалось правительство Маргарет Тэтчер. Как и пластинка «Give Ireland Back to the Irish», пластинка «All My Trails» не стала бестселлером. По количеству проданных экземпляров она была в Великобритании на тринадцатом месте, а в США и того хуже - на двадцать первом.

«Пол наивно попытался решить проблему, которая, безусловно, не могла быть решена с помощью песни», - сказал Денни Лейн. Политический протест никогда не был сильной стороной характера Маккартни. Он не обладал способностью своего бывшего соавтора приносить политику в музыку, как это сделал Леннон в «Imagine» и «Give Peace a Chance». Полу лучше удавались песни о таких общечеловеческих ценностях, как любовь или ностальгия по прошлому. Он всегда стремился вернуться к прошлым временам, вот почему 9 февраля он загрузил в автобус свой ансамбль, пополнившийся еще гитаристом Генри Маккаллохом, и экспромтом отправился в турне по Великобритании.

«Для меня это было словно возвращение в «Каверн», целая жизнь начиналась заново, - пояснял Пол. - Мы решили, что будем делать то, что нам захочется, а нам хотелось ездить по дорогам с несколькими

музыкантами в автобусе и играть для студентов. Кто-нибудь выходил из автобуса и говорил: «У нас здесь в автобусе Пол Маккартни. Хотите, чтобы он вышел и сыграл?» Первое выступление ансамбля состоялось в Ноттингенском университете, и в течение нескольких недель они выступили в университетах по всей стране - в Уэльсе, Йоркшире и Оксфорде. Входной билет на их выступления стоил пятьдесят пенсов, после выступлений они делили выручку в автобусе.

«Когда мы выступали с «Битлз», то зарабатывали много денег, но никогда не видели их, так как они прямиком шли компании и мы не могли ими распорядиться, - объяснял Пол. - Поэтому для меня одним из привлекательных моментов этого первого турне был портфель с деньгами после выступления. Дело здесь было не в материальной стороне, а в ощущении того, что снова реально зарабатываешь. Это походило на возвращение к самому началу, ведь я и хотел вернуться к танцевальным залам, в которых начинали «Битлз». Потом мы играли на деньги в покер, и я на самом деле выдавал деньги своим музыкантам: «Пятьдесят пенсов тебе... пятьдесят пенсов тебе...» Это создавало впечатление того, что ты реально зарабатываешь себе на жизнь».

Это была искусственно создаваемая жизнь, и участники ансамбля, за исключением семьи Маккартни, не слишком восхищались ею. В рок-н-ролле их привлекали секс и наркотики, и им не нравилось, что они питаются рыбой с чипсами, купленными в местной забегаловке, и ночуют во второсортных дешевых гостиницах. Безусловно, подобная идея не привлекла бы Джона Леннона. Когда в свое время Маккартни предложил «Битлз» совершить подобное турне, Джон ответил: «Ты просто рехнулся». И хотя Маккартни, теперь уже без «Битлз», наконец нашел свой собственный путь, финансовые вопросы продолжали доставлять ему неприятности.

В альбоме «Ram» в качестве соавтора песен была указана Линда Маккартни, что моментально лишило компанию «Northern Songs» пятидесяти процентов прибыли. Лью Грейд возбудил судебный иск, ставивший под сомнение музыкальную компетенцию Линды для написания таких песен, как «Another Day». Маккартни героически защищал свою жену и свое право сочинять песни вместе с любым человеком по его выбору: «Так как я больше не сочинял песни вместе с Джоном, я нашел себе нового партнера. И если моя жена действительно говорила мне: «Это надо изменить... так мне нравится больше», то я считаю ее своим соавтором. Джон не внес никакого вклада в песню «The Long and Winding Road», а Йоко до сих пор получает от нее прибыли».

Дело было передано в суд, где Линда подверглась проверке своих музыкальных талантов. Суд признал, что она имеет право считаться соавтором (по словам Маккартни, это было сделано только потому, что вокруг денег «Битлз» все еще велись юридические баталии: «У нас в семье Линда была единственной, кто зарабатывал деньги»). Однако в качестве одного из условий соглашения Маккартни принял участие в телевизионной передаче Лью Грейда, специально названной «Джеймс Пол Маккартни», которая была показана 10 мая 1973 года. В этой передаче Маккартни предстал таким благовоспитанным аристократом, в нем не было ничего от того раннего, в нетерпении пританцовывающего «битла», к образу которого он так стремился вернуться.

В определенном смысле турне по университетам было довольно успешным, оно дало возможность музыкантам сыграть перед выходом на коммерческую сцену. «Что касается «Уингз», то я не считал возможным выходить на сцену после «Битлз» с маленьким ансамблем, у которого даже не было времени для репетиций, поэтому мы нашли другой способ ближе узнать друг друга и поиграть перед публикой», - объяснял Маккартни. Турне по университетам помогло ему вновь обрести уверенность, как и последующее турне по Европе. И когда в 1973 году «Уингз» отправились в свое первое настоящее турне по Великобритании, к Маккартни полностью вернулось самообладание и уверенность.

«Первые несколько месяцев я думал: «Боже, ничего не выйдет, они будут критиковать нас каждый раз, как только мы будем открывать свои рты, потому что мы не «Битлз», - говорил Пол. - Но все получилось, мы встали на ноги. Я удовлетворен теперешним ансамблем. Думаю, что я молодец. Я себе нравлюсь. Я хорош. Я понимаю себя».

В начале турне один из репортеров задал вопрос: «Вы ведь не ожидаете, что «Уингз» станут столь же популярны, как «Битлз», ведь явно не ожидаете?» Маккартни возразил: «Не говорите чепухи. «Битлз» были простыми ребятами из Ливерпуля, которые хотели добиться славы. Так что я ее уже добился». Пластинки Маккартни тоже стали значительно лучше. Альбом «Red Rose Speedway» был принят очень хорошо, как и сингл «Live and Let Die», написанный для фильма о Джеймсе Бонде.

«Я считаю музыку ремеслом, - говорил Пол, - и мне нравится осознавать, что, как ремесленник, я могу изготовить и стол в стиле рококо, и грубый деревенский стол. С самых первых дней я интересовался музыкой к фильмам, поэтому я и занялся бондовской темой». Для Пола это был новый вид работы. «Я не писал, как это обычно делается, музыку в соответствии с названиями фильмов», - говорил Пол. Он поступил разумно,

и для записи альбома «Red Rose Speedway» и сингла «Live and Let Die» он прибег к помощи Джорджа Мартина. Это было их первое сотрудничество со времени работы над альбомом «Эбби-Роуд». «Мне все время был нужен кто-то типа Джорджа Мартина, чтобы помогать, потому что технические вопросы были довольно сложными», - говорил Пол о работе над бондовской темой. Маккартни вновь приобрел прежнюю энергию и энтузиазм.

Он выпустил привлекательный и легко запоминающийся сингл «Helen Wheels», с помощью которого Пол хотел сделать для Англии то, что Чак Берри сделал для Америки. «Эта песня была моей попыткой поместить Англию на карту поп-музыки, - объяснял Пол. - Во всех песнях Чака Берри, которые нам приходилось слышать, звучали вещи типа «Бирмингем, Алабама!». В песнях упоминались американские местечки типа Талахасси - в 50-х годах это был одноименный хит Фреди Кеннона. Эта попытка здорово задела Чака Берри, которому никогда не нравились «Битлз», несмотря на то что они зарабатывали ему деньги, исполняя варианты его песен. Как-то он заметил: «Не думаю, что «Битлз» были популярнее Элвиса». Маккартни признавался, что названия Сканторп или Уоррингтон не будут звучать так «задушевно», как Оклахома-Сити, Мемфис или Теннесси, но привлекала сама попытка. В Америке пластинка попала в десятку лучших хитов.

Дела шли все лучше. Пока Леннон бился над своим альбомом «Mind Games», Маккартни начал работу, которой было суждено стать высшей точкой артистической карьеры «Уингз». В августе 1973 года Пол, Линда и Денни Лейн вылетели в столицу Нигерии Лагос для работы над новым альбомом. «Я подумал, что для работы над альбомом неплохо бы уехать из Англии, хотя бы просто для того, чтобы сменить обстановку, - говорил Маккартни. - Иногда все начинает надоедать и думаешь: «Я каждый день хожу в одну и ту же студию, альбом может получиться скучным».

Лагос, расположенный на острове, перенаселенный город с жарким и влажным климатом, оказался не слишком удачным выбором. Когда Пол, Линда и Денни Лейн прибыли туда, там как раз был сезон дождей, а студия ЕМІ была еще не оборудована. Африканский активист Фела Рансом-Кути обвинил Маккартни в попытке украсть африканские национальные мотивы и потребовал, чтобы он покинул страну. Пол с Линдой проигнорировали полученное предупреждение и вышли вечером на прогулку, во время которой их окружили пятеро мужчин с ножами. Маккартни покорно отдал деньги, кинокамеру, а Линда закричала: «Пожалуйста, не убивайте нас! Мы музыканты, это «битл» Пол!» Вскоре после этого Пола свалила болезнь,

которую врач определил как острый бронхиальный спазм.

Это была неустроенная и сопряженная с опасностями жизнь, но она увенчалась артистической, наградой. Пол говорил: «Несмотря на все напасти, это был один из наших лучших альбомов. В этот раз трудности сыграли положительную роль, нам было что преодолевать, и мы все время стремились к вершине». Из Нигерии Пол вернулся с альбомом «Band on the Run». Позже он говорил: «Я люблю этот альбом, должен сказать, что он великолепен, и это связано с моим уходом». Одна из песен альбома названа «Picasso's Last Words» («Последние слова Пикассо»). Пол написал ее, чтобы продемонстрировать свой потрясающий талант перед Дастином Хоффманом, когда они с актером встретились на Ямайке, где Хоффман снимался в фильме «Papillon».

«Дастин сказал, что надо обладать невероятным талантом, чтобы писать песни», - вспоминал Пол. Тогда Маккартни заметил, что может написать песню по заказу. Хоффман взял несколько строчек из газеты, в которых цитировались последние слова Пикассо: «Выпейте за меня, выпейте за мое здоровье, вы же знаете, что я больше не могу пить», и предложил написать песню на эту тему. Маккартни вспоминал: «По счастливой случайности у меня с собой была гитара, я принес ее и сказал: «Хорошо, конечно». Я взял несколько аккордов, которые должны были звучать хорошо, и запел: «Выпейте за меня, выпейте за мое здоровье». Хоффман выскочил из кресла и, обращаясь к жене, воскликнул: «Энни, Энни! Невероятно! Он делает это, он сочиняет песню, она получается!» Он сел в кресло и вскакивал, совсем как в фильме. Меня потряс его восторг».

Альбом «Band on the Run» получил прекрасные отклики, которых так желал Маккартни и которых он не слышал со времени распада «Битлз». Альбом понравился даже Леннону. Благодаря разумному вмешательству одного американского менеджера, который убедил Пола выпустить песню «Jet» из этого альбома отдельным синглом, этот сингл имел громадный коммерческий успех и по четырем различным позициям занял первые строчки в американском хит-параде. Подобного не удавалось добиться даже «Битлз».

Большим успехом, хотя и не таким, как «Band on the Run», пользовался и следующий альбом Маккартни «Venus and Mars». Хорошо был принят и альбом «Wings at the Speed of Sound», в который вошли такие запоминающиеся или, в зависимости от музыкальных вкусов, незаметные песни, как «Let'em In» и «Silly Love Songs». Однако в составе «Уингз» наметился раскол.

Маккаллох ушел из ансамбля как раз перед поездкой в Лагос. Как и у Лейна, у него были возражения против совместной работы с Линдой. Последним же камнем преткновения стало диктаторское отношение Маккартни к его игре. Конечно, это был ансамбль Маккартни, но, когда Пол приказал ему по-другому исполнять партию соло (как однажды он поступил с Харрисоном), Маккаллох воспользовался правом художника на свободу и покинул ансамбль.

Сейвелл ушел из ансамбля за час до того, как им надо было ехать к самолету, отправляющемуся в Нигерию. «Совершенно очевидно, что кто-то дома наговорил ему ужасных вещей об Африке», - говорил Маккартни. Однако постоянная проблема отсутствия ударника уже давно не тревожила Пола. «Я сам могу играть на ударных», - весело сказал бас-гитарист. Сейвелла заменил Джефф Бриттон, но вскоре он тоже поссорился с Маккартни и был в свою очередь заменен бородатым американцем Джо Инглишем. «Хорошо, когда собирается ансамбль и все в нем миллионеры, тогда они могут разговаривать друг с другом на равных, - замечал впоследствии Бриттон. - Но в «Уингз» наблюдалось явное неравенство... Например, нам предложили выступить в полутора часовом концерте со Стивом Вандером. Деньги предложили такие огромные, что лично я на свою долю смог бы купить себе дом... Но Пол не захотел выступать».

Вместо Маккаллоха Пол пригласил в ансамбль блестящего, но эмоционально неуравновешенного Джимми Маккаллока, который в свое время играл в ансамбле «John Mayall's Blues Breakers» вместе с такими знаменитостями, как Эрик Клаптон, Джефф Бек и Мик Тейлор. Маккаллок, безусловно, был талантлив, но он не смог вынести бремени жизни рок-звезды и пропал в бездне наркотиков и алкоголя. После того как Маккаллок разрушил сарай на ферме Маккартни (нельзя сказать, что там было что рушить, но Джимми все-таки разрушил), у него разразился страшный скандал с впавшей в истерику Линдой и он вынужден был тоже покинуть ансамбль. Спустя два года, в 1979 году, он умер при загадочных обстоятельствах, и присяжные вынесли вердикт, в котором устанавливался факт совершения преступления, но не устанавливался преступник.

Гости Маккартни чувствовали себя не слишком счастливыми у него на ферме. Однажды вечером, изнывая от скуки, они нарисовали на стене сарая телевизор, а когда им надоело его «смотреть», они вломились в резиденцию Маккартни и обнаружили, что, за исключением настоящего телевизора, жизненные условия в его резиденции были отнюдь не лучше, чем в сарае.

Однако положением дел были недовольны не только наемные участники ансамбля, недовольна была и Линда. Настоятельное желание

Маккартни включить ее в состав ансамбля обернулось для нее потоком оскорблений, и на этом фоне казалось, что публика почти любит Йоко. Впоследствии Маккартни признавался: «На самом деле это была глупость. Включить Линду в ансамбль означало то же самое, что сказать ей: «Не хочешь ли сыграть в теннис с Бьерном Боргом? Сейчас мы понимаем это, а тогда понять не смогли. Было бы разумнее настоять на том, чтобы Линда серьезно занялась музыкой, а не выступать вдвоем в большом телевизионном шоу и оправдываться».

Наоборот, ее вытащили в свет прожекторов с ее средним «до» и фальшивым голосом, полагая, что это как-то поможет ей утвердиться перед публикой. Но этого не случилось. Линда захотела уйти из ансамбля. Денни Лейн вспоминает, как она в отчаянии плакала у него на плече: «Она снова и снова повторяла мне, что не хочет оставаться в «Уингз», она хотела все бросить и быть просто матерью». 12 сентября 1977 года у Линды родился сын, которого в честь отца Пола назвали Джеймсом. Линда сказала, что желает сидеть дома и ухаживать за детьми. Но «Пол хотел, чтобы Линда всегда была рядом с ним, и не разрешал ей уходить из ансамбля», - говорил Лейн.

Маккартни считал, что она необходима ему на сцене, чтобы, как он сам признавался, «я чувствовал себя уверенно. Это действительно было для меня главным». А то, что жена чувствовала себя очень неловко, для него, похоже, было не главным. Несмотря на свой новый имидж, Пол оставался верен своим привычкам северянина, и, если он хотел, чтобы его жена была вместе с ним на сцене, значит, она обязана была подчиниться. Но, как бы они ни спорили между собой (они были очень скрытны и слишком заботились о своем имидже, чтобы давать волю своим чувствам на публике), на следующий день Линда всегда снова появлялась на сцене, колотила в тамбурин, ударяла по клавишам синтезатора, игриво улыбалась под свист публики. Если Пол критиковал ее игру, что он иногда делал, Линда отворачивалась. Лейн вспоминал: «Она была очень инертной и не вступала ни в какие споры - это было не для нее».

Она к этому и не стремилась. Линда жила в том искусственном мире, где к таланту предъявлялись совсем другие требования. Выйдя замуж за Пола, она стада «персоной» и укрылась в коконе, который Маккартни соорудил для себя и своей семьи. Это был ансамбль Маккартни, у него были деньги и слава, позволявшие ему делать то, что он хочет (или, во всяком случае, должно было создаваться такое впечатление), и не позволяющие музыкантам перечить ему. Если Маккартни решил, что Линда должна стать великим музыкантом, значит, так тому и быть - так сказал

император.

В 1976 году «Уингз» отправились на гастроли в США, где их встретили с энтузиазмом. Свой успех Маккартни решил разделить с женой. «Не имеет значения, что кто-то ненавидел ее, мы выступили очень успешно. Слава Богу, во время гастролей 1976 года у нее все получалось очень хорошо», - говорил он. Как будто было неясно, что публика приходила на концерты «Уингз» не затем, чтобы послушать Линду Маккартни. Покинув дворец «Битлз», Маккартни переселился в другой, однако не все его подданные были счастливы. Состав ансамбля постоянно менялся, и теперь уже Денни Лейна стала не устраивать спартанская жизнь на ферме в Шотландии - этакой башне из слоновой кости «а ля Маккартни».

Во время турне по Европе, состоявшегося сразу же после автобусной поездки по университетам, Лейн познакомился со своей будущей женой, американской манекенщицей Джо-Джо Патрик. Линде не понравилась эта новая придворная дама. Она рассматривала ее просто как поклонницу, имевшую виды на Пола (подобное отношение Лейн считал высшей степенью лицемерия). Когда «Уингз» на яхте «Fair Carol» отправились к берегам Вест-Индии, чтобы записать альбом «London Town», Джо-Джо не было разрешено сопровождать их. Лейн был слишком слабovolен, чтобы воспротивиться этому запрету, и этот факт внес определенное напряжение и в его женитьбу, и в его отношения с Полом и Линдой.

Однако настоящий раздор возник между старыми друзьями из-за денег. Лейн, считавший объемы продажи пластинок и понимавший, что они приносят миллионы, вполне справедливо был недоволен теми, как он говорил, семьюдесятью фунтами в неделю, которые Маккартни платил ему в течение первых пяти лет. Когда Лейн пригрозил уходом из ансамбля, «Маккартни, как он позднее вспоминал, дал мне тридцать тысяч фунтов, и потом я стал зарабатывать в год в среднем около семидесяти тысяч». Это был громадный скачок, но и этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить Лейна.

Вместе с Маккартни Лейн написал песню «Mull of Kintyre». По этому поводу он говорил: «Пол написал припев, остальное мы написали вместе, а большая часть стихов моя». Пластинка, запоминающаяся своим припевом, только в Великобритании была продана тиражом свыше двух миллионов экземпляров, побив все рекорды продажи синглов в истории поп-музыки. Маккартни заработал на этом еще кучу денег. «Но я получил от этого очень мало, - настаивал Лейн. - Когда мы написали эту песню, я получал просто заработную плату. Когда я предложил Полу заключить специальное

соглашение относительно этой песни, он ответил: «Я Пол Маккартни, и писать песни вместе со мной уже большая честь для любого».

Но даже если и так, то все равно доходы от «Mull of Kintyre» и других песен, которые он написал для «Уингз», должны были обеспечить Лейну приличный доход. И так бы оно и было, если бы не его собственная неорганизованность. Развод с Джо-Джо и налоги оставили его совершенно без денег, и он искал, у кого бы взять их в долг. Маккартни, решивший экономить каждый пенни, чтобы вернуть те миллионы, которые выбросил на ветер Эпстайн, подошел к проблеме Лейна более по-деловому. По словам Лейна, Пол выкупил у него права на все песни «Уингз», включая «Mull of Kintyre», и выдал Лейну девяносто тысяч фунтов.

Маккартни считал это честной деловой сделкой. Он подсчитал, что за десять лет работы в «Уингз» Лейн заработал около миллиона фунтов, «а тогда миллион стоил больше, чем сейчас».

Однако подобная финансовая статистика не успокоила расстроенного Лейна, намеренного уже распродавать свое имущество. В 1986 году, спустя девять лет после того, как «Mull of Kintyre» в течение девяти недель занимала верхнюю строчку хит-парадов, Лейн был объявлен банкротом с задолженностью в сумме семьдесят шесть тысяч тридцать пять фунтов. Доходы от «Mull of Kintyre» и других песен «Уингз» продолжали поступать каждый год, но все они шли Маккартни. «Большинство музыкантов слабо разбираются в финансовых вопросах, а я вообще хуже всех», - с горечью заявил Лейн, удаляясь шаркающей походкой в неизвестность.

Казалось, что подобные разногласия и постоянные смены состава ансамбля могут отрицательно сказаться на артистическом подъеме группы, но «Уингз» прочно удерживал репутацию самого популярного ансамбля 70-х годов. Двадцать семь его песен входили в список сорока лучших американских хитов, тогда как у Элтона Джона их было двадцать шесть. Но, как бы ни старался Маккартни, он не мог вновь подняться до того мастерства, которое было продемонстрировано в альбоме «Band on the Run», хотя в творчестве ансамбля иногда и были очень интересные моменты. Харрисон назвал песню «I'm Carrying» из альбома «London Town» сенсацией. «Мне всегда нравились мелодичные песни Пола в отличие от его визгливых рок-н-роллов», - говорил он. Однако в вышедшем в 1979 году альбоме «новой волны» «Back to the Egg» было совсем мало новых идей. Единственной песней, обратившей на себя внимание, была «Rockestra Theme», - и то только из-за состава звезд-исполнителей: Джон Пол Джонс и Джон Бонем из «Led Zeppelin», Пит Таунсенд из «The Who», Дэйв Гилмор из «Pink Floyd» и Хэнк Б.Марвин - гитарист из «Shadows»,

которого раньше больше всех критиковали.

«Я не видел необходимости в том, чтобы все песни в альбоме непременно удивляли и потрясали», - говорил в оправдание Маккартни, когда альбом раскритиковали. Но никто ему не верил. Маккартни, по его же утверждению, является самым честолюбивым из людей, работающих в области поп-музыки, и он не из тех, кто спокойно переносит неудачу, хотя бы и относительную (в Америке альбом занял восьмое место, а в Великобритании шестое). Лейн, который все еще находился на содержании у Маккартни, предложил решение. Он настаивал на том, чтобы «Уингз» снова вернулись к гастролям, и Маккартни согласился с ним. Пол сказал, что настало время вернуться к началу и в несколько улучшенном виде повторить турне по университетам. Осенью 1979 года «Уингз» восемнадцать дней выступали по всей стране в маленьких кинотеатрах и театрах. Предполагалось, что это турне будет разминкой перед гастролями, которые, как надеялся Маккартни, станут самыми потрясающими в его карьере. Но эти гастроли чуть вообще не оборвали его карьеру.

В плохой день поездка на автомобиле из международного аэропорта «Нарита» до центра Токио занимает до трех часов. 16 января 1980 года было совсем плохим днем для Пола Маккартни, но он проделал этот путь в два раза быстрее в машине с сиреной в сопровождении вооруженного полицейского эскорта. Все дело в том, что он проделал этот путь в наручниках. Пол Маккартни, семейный человек и отец, был только что арестован за попытку провезти в Японию двести девятнадцать грамм высококачественной марихуаны. Его обвинили в тяжком преступлении, которое в Японии, как в самой активной из промышленно развитых стран - противниц наркотиков, каралось тюремным заключением сроком до восьми лет.

Казалось невероятным, что самый богатый в мире эстрадный артист может провести остаток нового десятилетия за решеткой. Японцы, не всегда скрывавшие свою неприязнь к иностранцам, не видели особых причин для того, чтобы за счет своих налогоплательщиков содержать в тюрьме чужеземного преступника, и через день после ареста Маккартни во время неофициального брифинга власти дали понять, что дело может закончиться депортацией. Но Маккартни не знал об этом, как не знали его жена и дети, прилетевшие в аэропорт «Нарита» вместе с ним. А власти не намеревались сообщать ему об этом. Пол по своей глупости не только нарушил закон, но и оскорбил власти, и, по их мнению, вполне преднамеренно.

Маккартни вообще не хотели пускать в страну, и поэтому ему было отказано в визе, когда он намеревался прилететь с «Уингз» на гастроли в 1975 году. Всегда извиняющиеся японцы, строго придерживавшиеся навязанной им Соединенными Штатами демократии, тем не менее решительно противились проникновению в страну наркотиков. А Маккартни как раз решительно продолжал курить марихуану, считая, что имеет право употреблять столько наркотиков, сколько хочет. За подобные убеждения он не раз подвергался штрафу. В 1972 году во время турне «Уингз» по Швеции он, Линда и ударник ансамбля Денни Сейвелл были арестованы и впоследствии оштрафованы на восемьсот фунтов. Они заранее выслали из Лондона в Швецию посылку, в которой было около двухсот грамм марихуаны, но посылка была перехвачена полицией. Позже, в этом же году, полиция обнаружила на ферме Маккартни в Шотландии

кусты марихуаны. После невразумительного объяснения, что из Америки его поклонники прислали семена, а он посадил их, чтобы посмотреть, что из них вырастет, Пол был оштрафован на сто фунтов.

В 1975 году пришла очередь Линды столкнуться с законом. Когда они с Полом ехали на машине в Лос-Анджелес, их остановила полиция, и в сумочке у Линды было обнаружено семнадцать грамм марихуаны. Линда настаивала на том, что наркотик принадлежит ей, и суд принял это объяснение. Это как раз было на руку Полу, у которого возникли неприятности по поводу визы с американской иммиграционной службой из-за двух предыдущих арестов. Линда была оштрафована на пятьсот долларов, и Пол, как всегда, не носивший с собой наличных денег, был вынужден занять эту сумму у Питера Брауна, который остановился в том же отеле «Бeverли-Хиллз», куда в свое время приезжала Винона Уильямс в бесполезной попытке одолжить денег у Пола, чтобы выручить свою подругу из полицейского участка, в котором теперь сидела Линда. Когда их остановила полиция, в машине находились дочери Маккартни Мэри и Стелла и падчерица Хитер, и Линда еще хорошо отделалась, так как ей могло быть предъявлено более серьезное обвинение в приобщении к наркотикам малолетних.

«Самое неприятное во всем этом как раз то, что тебя начинают считать наркоманом», - жаловался Маккартни. Но он ничего не делал, чтобы опровергнуть эту репутацию. После ареста в Швеции он написал песню «Hi, Hi, Hi», которую постигла судьба ирландского сингла, и она была запрещена для передачи «Би-би-си». И в его альбоме «Band on the Run», хотя и не «концептуальном», все-таки сквозила тема наркотиков. «Многие ансамбли во время гастролей представляли собой ансамбли в бегах, - объяснял Пол. - В 60-х и 70-х годах многие музыканты выходили за рамки обычных норм и подвергались арестам. Например, такие ансамбли, как «Byrds» и «Eagles». Настроение у всех было подавленное, из-за марихуаны мы были объявлены вне закона».

После ареста в Швеции Пол говорил: «В конце дня большинство людей приходят домой и выпивают виски. После выступления мы чувствуем себя выжатыми как лимон, и мы с Линдой предпочитаем, уложив детей в постель, сесть и выкурить по сигаретке с марихуаной». После того как он предстал перед судом в Великобритании, Пол сказал: «Я считаю, что закон должен быть изменен, как с гомосексуалистами, где совершеннолетним людям позволено по обоюдному согласию удовлетворять свои наклонности». Естественно, что подобные его заявления не вызывали восторга у японских властей, и во всех просьбах

предоставить визу для поездки в Японию ему было отказано. Маккартни был рад оставить эту идею, но его тогдашний менеджер Харвей Голдсмит придерживался на этот счет другого мнения, и «Уингз» все же отправились на гастроли. Голдсмит вспоминал: «Япония была для нас очень важным рынком, и при составлении планов мы рассматривали ее как неотъемлемую часть нашего турне. Пол сказал мне: «Для меня дорога в Японию закрыта», на что я ответил: «Это моя забота». Пол заинтересовался, но промолчал».

К делу было подключено британское посольство в Японии, которое стало уверять японские власти, что Пол Маккартни, кавалер ордена Британской империи, безусловно, является порядочным и законопослушным гражданином. Давление на власти было оказано и со стороны самих японцев. Токийская газета «Йомиури» предложила свою финансовую поддержку в организации серии концертов, в эту кампанию включились и японские менеджеры. «Я свое дело сделал», - сказал Голдсмит.

В своем стремлении выглядеть справедливыми японские власти сдались. И какую благодарность они получили в ответ? Их взору предстало полфунта марихуаны, которую Маккартни даже не удосужился спрятать, а положил прямо сверху в чемодан. Японские чиновники пришли в бешенство, поведение Маккартни вынудило их выйти из себя, что недопустимо по восточным канонам. Несмотря на заявление высших официальных властей, сотрудники службы по борьбе с наркотиками и таможенники были твердо намерены упрятать Пола в тюрьму на долгий срок. И, пока не было принято окончательное решение, они заставили Маккартни серьезно поволноваться.

Ему был присвоен тюремный номер 22, и Пола поместили в бетонированную клетку размером 8х4 фута в сером здании тюрьмы в центре Токио. Он спал на тонком сбившемся матрасе, а для тепла ему выдали тонкое одеяло. Охранники будили его в шесть часов утра, и во время утреннего обхода он должен был сидеть на полу на корточках. Пол вспоминал: «Они кричали мне по-японски: «Номер двадцать два», а я должен был отвечать «да», а не «да, да, да». Так я и делал, я не собирался вступать в противоречия с системой».

На завтрак ему давали морские водоросли и луковый суп. «Не слишком хорошая штука, если привык есть по утрам кукурузные хлопья», - вспоминал он позднее. Затем следовала двадцатиминутная прогулка, а после ленча, состоящего из хлеба с джемом, Пола отводили в отдел по борьбе с наркотиками. Он вспоминал: «Меня отводили в наручниках, а вокруг шеи завязывали веревку, и получалось что-то вроде собачьего

поводка. Они хотели знать обо мне все - мой возраст, где я родился, как звали моего отца, каков мой доход». В свою клетку он возвращался в пять часов дня, около восьми ужинал рисом и супом, а в восемь часов выключали свет. Принца самым безжалостным образом выбросили из его дворца. «Сначала я решил, что это варварство, и даже ожидал, что меня могут изнасиловать, - говорил Пол. - Поэтому я спал, повернувшись спиной к стене».

Заключенным в японских тюрьмах разрешают мыться один раз в неделю, а так как его арестовали на следующий день после банного дня, то ему пришлось ждать шесть дней, прежде чем ему разрешили воспользоваться горячей ванной вместе с другими тремя заключенными. В остальное время Пол был вынужден мыться водой из туалетного бачка, расположенного в его клетке. Его тюремный надзиратель Ясудзи Арига сказал: «Это очень гигиенично, потому что в туалете пресная вода». Вегетарианцу Маккартни не разрешалось есть бананы, потому что, как с вполне серьезным видом объяснил Арига, надзиратели могут поскользнуться на банановой кожуре. В просьбе разрешить иметь в камере гитару и магнитофон Полу было отказано, так же как в карандаше и бумаге.

Линда, проживавшая с детьми в отеле «Окура» в номере люкс стоимостью пятьсот фунтов в сутки, пребывала в ужасе. «Я со своей стороны предпринимала различные шаги, но мне все это было не по силам, говорила она, - Ночами я очень плохо спала, так как была слишком возбуждена, и мне удалось сделать очень мало». Впервые за десять лет она спала без мужа, а шесть дней ей вообще не давали свидания с ним. Когда ей все же удалось этого добиться, Пол, как заботливый семьянин, был больше озабочен делами семьи, нежели своими собственными. «Он сказал мне: «Ради меня и детей не падай духом», - вспоминала Линда.

К тому времени Маккартни уже смирился с неизбежностью своей тюремной жизни. «Я действительно думал, что мне придется провести в тюрьме несколько лет», - говорил он. Пол отказался от утреннего хлеба и кофе, которые давали европейцам, так как собирался провести в тюрьме долгие годы, а поэтому следовало привыкать к японской пище. Он стал налаживать отношения со своими надзирателями. «Несмотря на свой грозный внешний вид, они были довольно добродушными», - рассказывал он. Насколько позволял языковой барьер, он подружился с двумя другими заключенными, один из которых был убийцей, а другой, как и Пол, подозревался в употреблении наркотиков. «Мы шутили и распевали песни типа «Baby Face» и «Red Red Robin», а несколько раз меня просили спеть «Yesterday». Я пел, а они аплодировали, и это было так забавно», -

вспоминал Маккартни.

Однако его советники за стенами тюрьмы не разделяли подобного легкомысленного отношения и прилагали все усилия, чтобы освободить его. Были наняты дорогие адвокаты и сделаны представления японскому правительству. Власти не хотели вмешиваться в это дело и отдали все на откуп следственным органам. Токийские чиновники устали от международной шумихи, вызванной арестом Маккартни, и следствие потихоньку начало сворачиваться. Реактивный транспортный самолет, на борту которого находилось в общей сложности двенадцать тонн контейнеров с оборудованием ансамбля «Уингз», после ареста Маккартни был разгружен, и начальник таможенной службы сначала собирался вскрыть контейнеры на предмет поиска дополнительных партий наркотиков. Но в свете дальнейшего развития событий он отменил свое решение. Он заявил, что дело возбуждено лично против Маккартни и у них вполне достаточно доказательств для его успешного завершения.

Японские власти не пожелали оказаться загнанными в угол. Ведь если бы в результате осмотра груза обнаружили дополнительные доказательства преступления, у них не оказалось бы другого выхода, кроме как отправить Маккартни в суд, который его, безусловно, осудил бы. Гораздо проще было решить эту проблему путем высылки его из страны. Таким образом, Маккартни должен был продемонстрировать искреннее раскаяние, что являлось важным моментом японского правосудия. Что Пол, вынужденный подчиниться обстоятельствам, и сделал. Он принес свои извинения за причиненные беспокойства, выплатил японским менеджерам в качестве неустойки за несостоявшиеся гастроли двести тысяч долларов, и таким образом вопрос о его освобождении был решен. 25 января он вылетел на самолете в Амстердам вместе со своей семьей, которую моментально поставили в известность о его скорой депортации.

Когда Маккартни устраивался в салоне первого класса, его восьмилетняя дочь Стелла, схватив Пола за штанину брюк помятого темно-зеленого костюма, сказала: «Папочка, пожалуйста, никогда больше не уходи!» «Обещаю, что никогда больше не уйду», - со слезами на глазах ответил он. Принц возвращался домой в свой дворец. Тот факт, что Пол сумел удачно отделаться, сразу стал предметом различных тайных слухов, а во всем, что случилось с ним, усиленно обвиняли Йоко Оно. Дело в том, что еще по пути в Токио семья Маккартни остановилась в Нью-Йорке, где Линда приобрела то, что Пол назвал «взрывной травкой». Он позвонил Леннонам домой в Дакота-билдинг, расположенный по другую сторону Сентрал-парк, из отеля «Станхоп», где остановились Маккартни, и

предложил зайти к ним в отель, чтобы в стиле хиппи в качестве трубки мира покурить этой травки. Йоко, которая сняла трубку, напрочь отвергла это предложение. Тогда разгневанный Пол сказал, что они собираются остановиться в Токио в «президентском номере отеля «Окура». Это заявление вообще привело в бешенство Леннона и Йоко, так как этот номер был их официальной резиденцией, когда они приезжали в Токио, а пребывание там «Макистманов», как Джон назвал их, «вообще оскверняло отель». И «мама», как Леннон называл Йоко, пообещала принять меры.

По словам Фредерика Симена, личного секретаря Леннона в течение двух последних лет его жизни, Йоко воспользовалась услугами своего карточного предсказателя и «колдуна» Джона Грина, который навел порчу на Маккартни, чтобы тот не попал в отель «Окура». В своей книге «Жизнь Джона Леннона» Альберт Гоулдман пишет, что Йоко пошла еще дальше. Цитируя Сэма Грина, художника, очень близкого Йоко, Альберт пишет: «У нее был двоюродный брат, который руководил таможней. Один звонок от Йоко - и с Полом было покончено».

Теория Гоулдмана крайне неправдоподобна. Человек, руководивший токийской таможней, не был родственником Йоко, не было также и никакой колдовской порчи. Я разговаривал с начальником таможни, и он сказал мне, что проверка чемоданов у иностранцев является самым обычным делом, и это действительно правда. Чемодан Маккартни, как и все остальные, был открыт для самой обычной проверки, и, хотя он и был важным гостем, японским таможенникам захотелось показать, что они четко выполняют свои обязанности. Каково же было изумление чиновника таможни, когда на самом верху в чемодане он обнаружил марихуану. Так, по словам начальника таможни, все и произошло.

Но почему же Маккартни даже не побеспокоился хоть как-то припрятать свою контрабанду? Денни Лейн, который прилетел вместе с Маккартни и покинул Японию вместе с «Уингз» пять дней спустя, говорил, что Пол сделал это из озорства. Он говорил, что однажды Пол с Линдой провезли через британскую таможню марихуаны на двести фунтов, спрятав ее в капюшоне пальто их сынишки Джеймса. «Я считаю, что Пол и Линда подумали, что если сумеют провезти марихуану через японскую таможню, то это их позабавит. Этакая бравада: «Все думают, что мы не можем этого сделать, а мы покажем, что можем», - говорил Лейн. У них было все, и это порядком им наскучило, они жаждали каких-то новых ощущений. Они сделали это ради щекочущей нервы сенсации».

Маккартни предоставил свое собственное объяснение, он говорил: «Я только что приехал из Америки, и у меня все еще было американское

понятие, что марихуана - это не так уж страшно. Я не знал, насколько серьезно относятся японцы к наркотикам. Понимаю, что это звучит глупо, но так оно и есть. Я даже не пытался спрятать марихуану, я приобрел в Америке немного хорошей травки и был настолько глуп, что даже не задумывался над ее провозом. Но добросовестный полицейский схватил меня за руку». «Теперь ты больше не будешь курить марихуану?» - спросили его во время полета из Токио. Он прикурил сигарету без фильтра, подмигнул и ответил: «Отныне и всегда я буду курить только это».

Спустя четыре года во время отдыха в Барбадосе Пол и Линда были арестованы и оштрафованы каждый на двести долларов за хранение конопли. По возвращении в Англию Линду обыскали на таможне и обнаружили небольшое количество конопли. Ее оштрафовали. Их привязанность к марихуане становилась все сильнее, хотя они и пытались отвыкнуть от этой привычки. И только в Японии богатство и известность Маккартни не смогли защитить его, в результате чего ему пришлось провести десять дней в тюрьме. Год начался для него плохо, но закончился он на еще более печальной ноте.

Джон Леннон был застрелен рядом со своим домом в Дакота-билдинг в семь минут двенадцатого вечером 8 декабря 1980 года и стал легендой и мучеником.

Пола Маккартни «сразила» его гибель, одновременно вызвав и раздражение. В результате такой жестокой и бессмысленной смерти Леннон навсегда обрел славу, на которую Маккартни, по его убеждению, мог тоже вполне справедливо претендовать. Однако первой реакцией Пола было шоковое состояние, раздражение пришло позже. В момент гибели Джона Пол находился в своем небольшом домике в Суссексе, который стал основным пристанищем семьи Маккартни в Англии. Ему позвонили по телефону из офиса и сообщили, что Леннон убит. В Англии в это время было раннее утро, и Линды не оказалось дома - она отводила детей в школу.

«Я не мог в это поверить», - вспоминал Пол. Его реакция на это событие оказалась своеобразной: он отправился на студию звукозаписи в Лондон и погрузился в обычную повседневную работу. «Узнав эту новость, оставаться дома было сложно, - объяснял Пол. Мне необходимо было отвлечься, поэтому я поехал на студию и, будучи в шоке, проработал весь день».

Вечером, когда он выходил из студии, один из репортеров спросил, что он чувствует, и Пол ответил: «Это ужасно скучно». Такой равнодушный ответ с тех пор всегда ставится ему в вину, он безвозвратно закрепил за ним репутацию бесчувственного человека. Иногда подобные слова подвели его в песнях, теперь они подвели его в жизни. Позже Пол объяснял: «Понимаешь, когда я сказал, что это ужасно скучно, то я имел в виду, что это очень печально, именно в этом смысле». Но какой бы смысл он ни вложил в свои слова, прозвучало это довольно обыденно и как бы между прочим. Это напоминало ситуацию, когда умерла его мать и Пол с явным бездушием поинтересовался: «А что же мы теперь будем делать без ее денег?» Это было еще одно высказывание, о котором он сожалел. «Я никогда не прощу себя за это, - говорил он. - Правда, ты ведь знаешь, что в душе я никогда не простил себе этого. Но это было все, что я мог тогда сказать».

Вечером он сидел дома, смотрел по телевизору новости, держа за руки жену и детей, и плакал. «Мы действительно не могли удержаться от слез», -

говорил Пол.

Но обиднее всего в те ужасные дни после смерти Леннона, когда боль утраты была еще свежа, прозвучали такие слова Маккартни: «...мы так и не разрешили своих разногласий». На протяжении целого десятилетия, да и в ходе последующих изнурительных судебных разбирательств Леннон и Маккартни оставались противниками в вопросах раздела имущества «Битлз». Это была вражда, длившаяся до смерти Джона, окончательно разделившей их, и продолжавшаяся после этой смерти.

В 1973 году Леннон наконец пришел к той же мысли, что и Маккартни, и, еще больше ненавидя своего бывшего партнера за то, что тот оказался кругом прав, Джон вместе с Ринго и Харрисоном подали в суд на Аллана Клейна, обвинив его в том, что он брал слишком большие комиссионные и прибегал к обману. Клейн моментально возбудил ответный иск на сумму 63 миллиона 461 тысяча 372 доллара и 87 центов. Отдельный иск был выдвинут против Маккартни: Клейн обвинил Пола в организации заговора с целью подрыва его бизнеса и в качестве возмещения убытков потребовал 34 миллиона долларов. Клейн просто обожал всякие судебные тяжбы, и впоследствии, чтобы отделаться от него, «Битлз» пришлось заплатить ему пять миллионов долларов. Это ужасно разозлило Маккартни, которому тоже пришлось заплатить часть денег из этой суммы. «Но ведь он больше всех возражал против того, чтобы Клейн стал их менеджером», - возмущалась Линда. Однако уход Клейна не решил споров между четырьмя бывшими «Битлз», так как теперь у них уже пошли споры между собой.

«Было очень горько и обидно», - вспоминал Маккартни. Когда он предложил, чтобы деньги «Битлз» были просто поделены на четверых, Леннон, озабоченный тем, что предстоит платить налоги, отказался. «Все думают, что я агрессор, но вы ведь знаете, что это не так. Я просто хочу уйти», - сказал Пол. На это Леннон возразил ему: «Если ты не агрессор, как заявляешь, то какого черта ты потащил нас в суд и обгадил перед публикой? Я уже говорил тебе: разве ты когда-нибудь думал, что можешь быть в чем-то не прав?»

Возразить на это было, конечно, трудно. Но даже тогда, когда Маккартни пытался пойти на компромисс, он встречал враждебный отпор. Например, чтобы, как выражался Пол, «достичь относительного примирения в нашем лагере», он предложил предоставить Леннону гарантию от убытков, которой тот добивался, в статье одного из многочисленных контрактов «Эппл». Будучи проездом в Нью-Йорке, он позвонил Леннону, чтобы передать ему эту новость.

«Несмотря на то что я пришел с оливковой ветвью в руках, возникло

множество подозрений», - вспоминал Маккартни. Когда он предложил Леннону встретиться, тот ответил: «Зачем? Что тебе в действительности нужно?»

Одну встречу Леннон заранее обрек на неудачу, потребовав, чтобы ему предоставили ссуду в миллион долларов, на другую встречу в отеле «Плаза», которую окрестили как «большую разрушительную встречу», он вообще не явился. Харрисон, Ринго и Маккартни специально прилетели из Лондона, и Леннону нужно было пройти всего пятьсот ярдов через Централ-парк, но он даже не предпринял попытки сделать это. Джон Грин раскинул карты на Леннона, и предсказание было нехорошим. Выйдя из себя, Харрисон позвонил Леннону и закричал: «Послушай, пошли к чертовой матери этих духов и приходи сюда!» Вместо этого Леннон прислал им воздушный шар с запиской: «Слушайте Шар».

Когда Маккартни пришел посмотреть на сына Леннона Шона, который родился в один день с отцом - 9 октября 1975 года, спустя два дня после того, как Леннон наконец выиграл длительную юридическую тяжбу по поводу депортации из Соединенных Штатов, - то Йоко закричала на Пола: «Не дотрагивайся до ребенка! Он тебя не знает!» А когда Пол пришел в Дакота-билдинг с гитарой в руке, как он делал это в дни их молодости, предприняв еще одну попытку вернуть потерянного друга и партнера, Леннон отказался впустить его. «В Нью-Йорке нельзя так запросто забегать к людям домой, как ты делал это в Ливерпуле, - сказал Леннон. - Старые времена прошли».

На этом пути взаимных нападок не было каких-то определенных направлений. «Мы все обвиняли друг друга в самых различных делах», - соглашался Маккартни. У остальных была аналогичная причина для жалоб. В дополнение к этому Маккартни снова обвинили в том, что, действуя за спиной остальных, он получал для себя финансовую выгоду.

В декабре 1984 года Ринго, Харрисон и Йоко Оно, представлявшая интересы Леннона, возбудили дело против Маккартни, который получил вызов в Верховный суд штата НьюЙорк. К вызову не было приложено никаких пояснительных бумаг, и, когда спустя пять лет было составлено большое соглашение, все его условия были засекречены, а стороны присягнули, что будут сохранять их в тайне. Все детали этого наиболее изнурительного имущественного юридического процесса были тщательно скрыты от внимания публики. Однако удалось установить, что Пол Маккартни тайком получал более высокие прибыли с пластинок «Битлз», чем Джордж Харрисон, Ринго Старр и даже Джон Леннон. Фирма «Кэпитл рекордз» подтвердила это.

После ухода Клейна и прекращения существования «Эппл рекордз» Маккартни заключал торговые сделки на реализацию пластинок «Уингз». Подобно домашнему голубю, он вернулся к людям, которых знал, и с 1975 года до начала 1979-го, когда он обратился к компании «Коламбия рекордз», пластинки «Уингз» выпускались фирмой «Кэпитл рекордз», которая изначально выпускала пластинки «Битлз» в Америке. Фирма была очень рада работать со звездой подобной величины, так что из всех бывших «Битлз» безусловным победителем оказался Маккартни.

Леннон погрузился в экспериментирование, а затем вообще прекратил выпускать пластинки; музыкальное вдохновение Харрисона иссякло (в 1980 году ему пришлось испытать серьезную обиду, когда даже его собственная студия звукозаписи отклонила его новый альбом); Ринго промелькнул с несколькими хитами типа «Back off Boogaloo» и «It Don't Come Easy» и снова исчез. И из всей «великолепной четверки» остался один Маккартни, продолжавший коммерческую деятельность, а так как почти все пластинки «Уингз» расходились миллионными тиражами, то Маккартни оказался в том положении, когда мог требовать себе самый большой кусок от финансового пирога. И, памятуя о скудных заработках, которые «Битлз» имели в прошлом, Маккартни потребовал много - столько, сколько ни одна компания не могла заплатить, если хотела иметь еще и какой-то доход. Однако в распоряжении «Кэпитл» были пластинки «Битлз», продолжавшие приносить миллионы. Это был солидный пирог, и при активном участии Маккартни компания творчески подошла к его дележу. Но, когда остальные «битлы» обнаружили, что произошло, они обратились в суд.

Окончательно дело было решено в 1989 году, и оно вошло в соглашение, достигнутое между «Битлз» и «Кэпитл рекордз» после десятилетних юридических баталий по поводу недоплаченных доходов. Нью-йоркский адвокат Леонард Маркс, один из немногих, кто прошел полностью весь этот длительный процесс, говорит: «Обвинение заключалось в том, что «Кэпитл» якобы продавала пластинки, которые, по их заявлению, были сданы в архив. Было еще множество различных обвинений, включая фальсификацию бухгалтерской отчетности».

В результате этого судебного разбирательства, крупнейшего в своем роде, в ходе которого было произведено различных выплат на сумму 80 миллионов долларов, Маккартни выиграл процесс у Харрисона, Ринго и наследников Леннона.

Пол яростно защищался против обвинений, адресованных ему по вопросу доходов «Битлз». «Это было халтурное судебное дело, - сказал он,

когда было оглашено решение. - Мне даже в глубине души хотелось, чтобы они его затеяли, потому что я был намерен его выиграть».

Было совершенно очевидно, что Леннон, искавший ссуду для выпуска своего альбома «Double Fantasy», который, к несчастью, стал его последним альбомом, возмущился поведением Маккартни. Он сказал, что его нынешние деяния даже хуже прошлых, когда несколько лет назад Пол скупил акции «Northern Songs». Харрисон тоже ужасно рассердился. «Не думаю, что Джордж когда-нибудь простит Пола за это», - говорил один человек, долгое время вращавшийся в кругу «Битлз».

Однако что касается денег, то здесь Маккартни добился всего главным образом сам. Занимаясь тем, что у него получается лучше всего, а именно музыкой, Пол стал одним из самых богатых людей в мире. И не только собственные песни приносят ему ежегодный доход около 20 миллионов фунтов. Он обладает издательскими правами на такие популярные песни, как «Stormy Weather», «Hello Dolly» и «Till There Was You». Это песни из кинофильма «The Music Man», которые Маккартни исполнял в альбоме «With the Beatles».

Именно отец Линды Ли Истман посоветовал Полу заняться издательским бизнесом. Маккартни вспоминал: «Сначала он сказал мне: «Если ты собираешься вкладывать деньги, то вкладывай их в то, что ты знаешь. Если ты вложишь их в производство компьютеров или во что-нибудь подобное, то можешь потерять кучу денег. Тебе нравится музыка? Вот и остановись на музыке». Я согласился и сказал, что мне это действительно нравится. Тогда он спросил, чью музыку я предпочитаю, и первым я назвал Бадди Холли. Ли отправился к человеку, который владел правами на песни Бадди Холли, и приобрел эти права для меня».

Вторым шагом Пола под руководством Ли Истмана стало приобретение контрольного пакета акций издательства Эдвина Г.Морриса в Нью-Йорке. «Это было большой удачей и стоило мне всех моих сбережений», - говорил Маккартни. Но дело быстро окупилось. Маккартни вспоминал: «Когда мы строили свои планы, то немного нервничали, так как на карту было поставлено многое. В это время позвонил кто-то из компании и сказал: «Хочу поговорить с вами как с будущим владельцем. У нас тут есть небольшая труппа, которая выступает со спектаклями в Бостоне и на Бродвее. Вы будете продолжать финансировать их или следует их всех уволить? Я ответил: «Не говорите глупостей, это не в моем стиле. Конечно, мы будем продолжать финансировать их».

С тех пор к коллекции песен, на издание которых Пол приобрел права,

прибавились «A Chorus Line», «La Cage aux Folles», «High Society», «Grease» и «Happy Birthday» - самая популярная песня всех времен. Маккартни испытывает неподдельный восторг от того, что является их владельцем. Он считает, что деньги имеют второстепенное значение. Когда его ежегодный доход впервые превысил 20 миллионов фунтов, Маккартни сказал: «Это не имеет значения, деньги - всего лишь цепочка нулей». Но Пол не имеет прав на издание своих собственных песен. В 1981 году он попытался купить компанию «ATV Music», в состав которой вошла компания «Northern Songs». Маккартни не хотел один выкладывать 20 миллионов долларов, которые стоила компания, и попытался заручиться финансовой поддержкой вдовы Леннона, но Йоко отвергла его предложение, и сделка не состоялась. Тогда компанию купил австралийский предприниматель Роберт Холмс - «австралийский скупщик имущества», как злобно обозвал его Пол.

В 1984 году вновь представилась возможность купить компанию ATV, и Маккартни снова проявил к этому интерес. Но в этот раз его обошел Майкл Джексон, заплативший громадную сумму в сорок семь с половиной миллионов долларов. И снова права на собственные песни ускользнули от него, хотя в этот раз винить надо было только самого себя.

«В то время я был дружен с Майклом, - вспоминал Маккартни. - Он часто заходил ко мне, чтобы посоветоваться, и я дал ему три совета». Первый состоял в том, чтобы найти менеджера, которому можно было бы доверять. «Майкл немедленно последовал моему совету и нашел его». На самом деле Майкл пошел еще дальше. К лету 1983 года, спустя восемь месяцев после того, как Маккартни с Джексоном вдвоем записали песню «The Girl is Mine», у Майкла уже был не один, а три менеджера - Рон Вейснер, Фредди Деманн и, что вызвало наибольшие споры (не последние, как потом оказалось), его собственный отец Джо, который вел дела Майкла, его братьев и сестер начиная с 60-х годов, когда они выступали ансамблем «Jackson Five», являвшимся темнокожим вариантом «Битлз».

«Я не предполагал, что он буквально воспримет мои слова», - вспоминал Маккартни. Пол посоветовал Джексону «заняться видеоклипами, потому что они будут принадлежать ему и будут в моде много лет». К тому моменту у Майкла вышел всего один клип, и он, воспользовавшись советом Маккартни, выпустил свой «Thriller». «Итак, он снова последовал моему совету», - говорил Пол.

Была и третья мудрая подсказка, которая в результате нанесла ущерб собственным интересам Маккартни. Пол вспоминал; «Я сказал ему: «Есть еще одна вещь: подумай о том, чтобы вложить деньги в издательское дело.

Мне это нравится, это мое увлечение, это то, что мы с тобой, Майкл, можем делать. У тебя это хорошо получится». Он застенчиво посмотрел на меня и сказал: «Я собираюсь купить твои песни». Я просто подумал, что это шутка, и рассмеялся. Когда мы встретились в следующий раз, Майкл снова робко посмотрел на меня и сказал: «Я собираюсь купить твои песни». И я снова подумал, что это шутка».

Эта шутка обернулась большой неприятностью, когда Джексон, разбогатевший от продажи своего альбома «Thriller», побившего рекорды продажи альбомов всех времен, позвонил Полу и сказал, что сделал то, что собирался, - купил права на 251 песню Леннона и Маккартни, включая «Yesterday».

«Я написал и пел «Yesterday», - жаловался Пол. - Я получал всего около пятнадцати процентов от тех денег, которые приносила эта песня, и я не считал это достаточным. Мне хотелось получать немного больше, чем пятнадцать процентов, и было бы очень благородно со стороны Майкла позвонить и сказать: «Я думаю, что пора бы пересмотреть твое соглашение». Денни Лейн, который, по последним слухам, ночевал на автомобильной стоянке в Виндзоре, мог бы сказать аналогичные слова по отношению к самому Полу, но у Маккартни были абсолютно субъективные взгляды на вещи, касающиеся бизнеса.

Но если его реакцию на поступок Джексона в отношении того, что Пол до сих пор считает своей собственностью, можно было предвидеть, то решение Маккартни не приобретать для себя компанию ATV все еще вызывает огромное удивление в музыкальных кругах. Конечно, он мог сам купить ее, при его заработках это стоило бы ему чуть более ежегодного дохода. Во время телевизионного интервью в Соединенных Штатах Питеру Брауну предложили дать этому объяснение. Когда его спросили, почему Маккартни не выкупил собственные песни, он ответил: «Потому что он скряга».

Это нежелание расставаться ни с одним из нулей своих денег, к которым он, по его словам, равнодушен, является не слишком привлекательной чертой характера Маккартни. Когда, например, в 1968 году Нил Аспинол женился, Пол придерживался мнения, что вполне достаточно будет скромного свадебного подарка. И только остальные трое «Битлз» настояли на том, чтобы их самому старому служащему, который так много сделал для успеха ансамбля, но никогда не был по достоинству вознагражден за свою преданность, в качестве свадебного подарка была куплена квартира в Найтсбридже.

Однако наибольшие основания для возмущения скупостью Маккартни

были у Йоко Оно. Во время своего последнего телефонного разговора с Ленноном Маккартни, по его словам, обменялся несколькими фразами «о его семье, о моей семье». Однако его отношения с Йоко всегда были враждебными. «Иметь с ней деловые отношения было очень трудно», - говорила Линда в 1984 году. То же самое в отношении Маккартни говорила Йоко.

Вскоре после смерти Леннона трое «Битлз» прилетели в НьюЙорк, чтобы встретиться в отеле «Плаза» с Йоко, которая с готовностью пришла на эту встречу. Предметом разговора были финансовые трудности, возникшие после смерти Леннона. Вспоминая, Йоко говорила, что с ней даже не советовались: она ждала за дверьми комнаты, пока Харрисон, Ринго и Маккартни решали, что делать, хотя так ничего и не решили. Как позже она рассказывала в своем окружении, по предложению Ринго и при согласии Маккартни все деньги были заморожены «до окончательного решения всех вопросов». Йоко с горечью жаловалась, что подобное решение оставило ее без денег. Как говорил один из ее служащих, «Йоко в течение нескольких месяцев оставалась вообще без денег».

Принимая во внимание ее желание выставить себя в более выгодном свете и представить Маккартни настоящим злодеем, Йоко, конечно, могла преувеличивать, чтобы подчеркнуть то, что она назвала «бессердечностью» бывшего партнера своего мужа. Хотя нет сомнений, что Йоко чувствовала, как грубо с ней поступили, и денежный вопрос был только частью этого отношения. Но это были тяжелые времена для всех, кто был связан с «Битлз», и особенно для Маккартни.

Джон всегда был для Пола очень близким человеком (как подчеркивал Джон, они были «Битлз» потому, что вместе писали песни), и смерть Леннона буквально сбила с толку Пола, одновременно напугав его. Всегда самый доступный и спокойный из поп-звезд, едущий на автобусе или поезде и с удовольствием раздающий автографы или подмигивающий и показывающий большой палец поклонникам, он почувствовал необходимость нанять профессиональных телохранителей и превратить свой дом в Суссексе в крепость, оборудованную современными средствами наблюдения. Пол решил прекратить всякие гастроли.

Как раз в это время он переживал один из творческих кризисов, поражавших его каждое десятилетие, и этот кризис усугублялся смертью Леннона. После скандала в Японии ансамбль «Уингз» распался. К этому времени Маккартни подписал контракт с компанией «Коламбия» стоимостью в 20 миллионов долларов на создание музыкального оформления к кинофильмам. Однако даже деньги не смогли вдохновить

его, и качество пластинок заметно ухудшилось. Йоко, никогда не упускавшая возможности задеть Маккартни, с удовольствием рассказывала своим друзьям, как она сказала Полу: «Ведь ты тот человек, который написал «Hey Jude», а теперь ты пишешь всякую чепуху. Как случилось, что ты больше не в состоянии писать великие песни?»

В попытке возродить свои творческие способности Маккартни снова ударился в музыкальное партнерство, сначала со Стивом Уандером в песне «Ebony and Ivory», а затем с Майклом Джексонем в песнях «The Girl is Mine» и «Say Say Say». В коммерческом отношении песни оказались довольно удачными, а песню «Ebony and Ivory» Маккартни всячески защищал, рассматривая ее как благородный призыв к расовой терпимости. Однако это были не те песни, которые могли бы заслужить одобрение Йоко.

Незадолго до смерти Леннон заметил: «Пол очень способный лирик, который сам не осознает этого. Вместо того чтобы выискивать проблемы, ему бы лучше избегать их». Маккартни был достаточно честен перед собой, чтобы понять, что его музыка стала хуже той, которую он писал раньше. Пол говорил: «Сочинение песен - это словно заноза в теле, и чем больше она жалит в случае неудачи, тем сильнее желание работать».

К сожалению, те проблемы, которые теперь окружали Маккартни, были совсем не теми, которые могли бы вылиться в песню. Он был настолько богат, насколько вообще об этом можно мечтать. «Страсть к деньгам у меня пропала», - говорил он. Пол был женатым человеком, интересующимся в первую очередь семьей, которая по вечерам собиралась возле телевизора. «Если считаешь себя удовлетворенным, то не будешь писать гневные стихи и песни», - говорил Пол.

Чтобы взбодрить себя, он решил создать фильм. Но лучше бы он оставался дома и больше смотрел телевизор. Он же ринулся в мир кино и сделал фильм «Give My Regards to Broadstreet». Пытаясь проверить свои возможности в другом ремесле, Пол написал сценарий и снялся в главной роли в фильме, который обошелся ему в девять миллионов долларов. Он говорил: «Это фильм обо мне и о том, что происходит со мной». Однако это уже никого не тронуло. Фильм оказался явно неудачным, он был логическим продолжением фильма «Magical Mystery Tour».

Конечно, можно было воспользоваться помощью профессионалов, но Маккартни, убежденный в собственных способностях, проигнорировал это. «Я считаю, что гораздо труднее, когда идея чья-то чужая, а не твоя собственная», - говорил он. Ливерпульский драматург Вилли Расселл, написавший популярную пьесу «Джон, Пол, Джордж, Ринго и Берт», набросал проект сценария, но Маккартни сказал: «Это не совсем совпадает

с моими мыслями» - и написал собственный сценарий, в основу которого легла история о музыканте, потерявшем пленки с записями. Такая история как-то произошла с Маккартни в одной из дорожных пробок.

По рекомендации режиссера фильма «Колесницы огня» Дэвида Путтнама на должность директора фильма был приглашен Питер Уэбб, пользовавшийся определенной репутацией в мире кинобизнеса. Но ему разрешалось только приглядывать за работой, потому что Маккартни хотел все делать по-своему. Это было еще одним проявлением все той же старой проблемы, выражавшейся в желании Маккартни играть решающую роль, что вызвало столько разногласий при записи альбома «Let It Be».

«Это был один из самых горьких опытов для всех участников работы над фильмом, включая компанию звукозаписи CBS и киностудию «XX век - Фокс», которые не осмеливались сказать королю, что он голый», - говорит один из участников этого злополучного проекта. Уэбб до сих пор напуган этой совместной работой с Маккартни. Он говорит: «Небольшие трудности? Да это был самый ужасный опыт в моей жизни».

Осенью 1984 года фильм вышел на экраны одновременно в трехстах одиннадцати кинотеатрах Америки и показывался несколько дней. Провал был полный. Подделал другой фильм для домашнего просмотра, который снова обошелся ему в девять миллионов долларов. Карьера Маккартни вошла в штопор и стремительно падала вниз. Пол был потрясен. Он не любит критики, и его самоуверенность, столь прочная, когда он владеет ситуацией, и столь хрупкая, когда его талант подвергается неприятным нападкам, поколебалась.

В 1985 году Маккартни впервые за последние шесть лет появился на сцене в благотворительном концерте, организованном Бобом Гелдофом. Он казался нервничающим и неуверенным в себе. Пол еще раз предпринял попытку совместного творчества и вместе с Эриком Стюартом из группы «10 CC» выпустил альбом «Press to Play». Однако Эрик Стюарт не был Джоном Ленноном, и эта работа не имела успеха. Альбом, на обложке которого Линда в порыве обожания уткнулась лицом в мужа, продавался очень плохо, и в хит-парадах США он не поднялся выше тридцатой строчки. Один обозреватель назвал его «приторный, скучный, глупый, пустой и... плохой». Казалось, что Маккартни - чудо 60-х и самый популярный музыкант 70-х годов - выдохся.

Стало даже подвергаться сомнению его место в истории поп-музыки. После смерти к Леннону вновь вернулась слава лидера «Битлз», которой он был лишен в последние годы существования ансамбля. Маккартни говорил, что это было «время посмертного восхваления». Так было с Джеймсом

Дином, с Джимом Моррисоном из ансамбля «Doors», с Бадди Холли. Теперь это произошло с Ленноном. В ходе распространения легенд вокруг ансамбля «Битлз» Маккартни почувствовал себя низведенным до роли просто известного участника ансамбля. «Наступили времена, когда читаешь о том, что «Битлз» был Джон, а остальные три парня просто крутились вокруг него», - жаловался Пол.

Конечно же, Маккартни не был таким парнем. Пол был движущей силой всего альбома «Sgt Pepper», большинство хитов, исполнявшихся ансамблем в последнее время, написано им, ему принадлежит и самый лучший сингл «Hey Jude». Во всяком случае, половину из восьми лет, в течение которых ансамбль выпускал пластинки, именно Пол Маккартни и был «Битлз». «Множество прекрасных творческих вещей, за которые восхваляли Леннона, были на самом деле сделаны Полом, - говорила Линда. - Но людям это невозможно доказать, и, я думаю, Пола до сих пор ранит тот факт, что люди считают Леннона гениальным, а его просто обаятельным и мелодичным. Я говорю ему, что мнение людей не имеет значения, ведь он знает, кто он на самом деле и что он сделал. Но его это до сих пор возмущает».

Он достаточно богат, чтобы не придавать этому значения, но не таков Маккартни. У него совершенно определенный взгляд на свое место в иерархии рока. «Я должен быть наверху, - убежденно говорит он. - Ведь я по духу боец... Разве вы слышали когда-нибудь, чтобы Майк Тайсон говорил: «Конечно, есть много парней, которые могут побить меня».

Леннон не смог возвыситься над Маккартни при жизни, и Пол не собирался позволить ему сделать это после смерти. А после распада «Битлз» Пол уже доказал свою замечательную способность возрождаться, словно птица Феникс. Настало время возвращаться к работе. Маккартни вернулся в студию звукозаписи, на этот раз с представителем «новой волны» Элвисом Костелло в качестве партнера и соавтора. «Я действительно хотел показать всем, что я еще на многое способен и слава моя держится не только на старых песнях», - объяснял Пол. Был выпущен альбом «Flowers in the Dirt», явившийся его лучшей работой за последнее десятилетие. Сотрудничество Пола с Костелло оказалось довольно удачным. Пол всегда более успешно работал в паре с кем-нибудь, а про Костелло он сказал: «...очень хороший фон для меня». В одной из песен альбома, названной «You Want Her Too» («Ты тоже хочешь ее»), Маккартни даже попытался уловить отдаленные отголоски времен работы с Ленноном: «Я говорю строчку: «Я люблю ее так долго», а Элвис отвечает: «Я это знаю, глупый жених». И тогда я сказал себе: «Боже мой! Да ведь это наш с

Ленноном стиль. Я писал какие-то романтические строчки, а Джон всегда подпускал язвительные замечания».

Несмотря на лестные слова Маккартни в адрес Элвиса Костелло, в альбоме почти не чувствуется его влияние. В силу постоянного стремления Маккартни доминировать в любом деле, за которое он брался, вклад партнеров, работавших с ним после Леннона, становился все меньше. В период расцвета таланта это не имело значения, но источник его вдохновения иссякал, и слишком часто песни Пола были всего лишь чуть лучше попурри, которых он так стремился избегать. В песне «My Brave Face» из альбома «Flowers in the Dirt» он поет: «Я склонен к сентиментальности и ничего не меняю». И это очень печально, потому что многие его песни продолжают основываться на трех-четырех аккордах и являются производными от его прежних песен, которые он писал, чтобы вызвать восторг критиков, в котором до сих пор так нуждается. Новизны чувствуется мало, и его альбомы, включая хорошо встреченный публикой «Flowers in the Dirt», кажутся старомодными.

Рой Орбисон, еще один «ископаемый» певец и композитор эпохи рок-н-ролла, чья карьера оборвалась в результате изменения вкусов публики, вернулся к творчеству незадолго до смерти, написав сначала песню «Travelling Wilberries», а затем прекрасный альбом «Mystery Girl». В песнях все так же безошибочно угадывался Орбисон, но чувствовался более свежий подход. Рой достиг своего творческого возрождения, передав свои песни другим исполнителям, включая Боно из ансамбля «U2», Тома Петти из «Heartbreakers». и, что особенно примечательно, Джеффа Линна - бывшего участника ансамбля «Move», затем создавшего «Electric Light Orchestra», а в настоящее время являющегося крупным режиссером звукозаписи.

У Маккартни не было никакого желания действовать по чьим-то указаниям со стороны. Он продолжает верить в свою музыкальную гениальность и с большой неохотой принимает советы. Но без язвительных замечаний Леннона, вносивших коррективы, его песни очень часто скатываются к бесцветной сентиментальности, и очень трудно понять, следит ли он за качеством своих песен или придает этому слишком мало значения. Однако бывают всплески бывшего таланта, и Маккартни продолжает бороться. Его альбом «Flowers in the Dirt», хотя это, конечно, не «Sgt Pepper» или «Band on the Run», все-таки летом 1989 года в течение недели удерживал верхнюю строчку британского хит-парада и значительно укрепил его пошатнувшуюся репутацию. Чтобы убедить себя, что он все еще популярен, Пол решил отправиться в кругосветное турне - первое за

десять лет.

В этот раз не было никаких извинений или попыток не вспоминать о своей прошлой славе. Пятнадцать песен, которые составляли половину программы и исполнялись на каждом концерте, были песни «Битлз».

«Когда я стал выступать с «Уингз», то отказался от репертуара «Битлз», поскольку это было сразу после распада «Битлз», который я болезненно переживал, - говорил Пол. - А теперь я решил, что не должен отказываться от песен «Битлз» - или от песен Маккартни, так как многие из них были написаны мною».

В бесплатной программке турне, печать и распространение которой стоили миллион долларов, Маккартни писал: «Я обнаружил для себя, что пытаюсь оправдаться перед Джоном. Мне это не нравится, это действительно очень печально, но вызвано определенными неблагоприятными обстоятельствами. Некоторые люди начинают думать, что ансамбль «Битлз» - это только Леннон».

Маккартни поехал в турне, чтобы опровергнуть это. Как подчеркивал Пол, все песни, которые он исполнял, были песнями Маккартни, включая «The Fool on the Hill», «Can't Buy Me Love», «Hey Jude», «Back in the USSR», «Sgt Pepper», «Good Day Sunshine» и, конечно же, «Yesterday».

«Одна из причин, по которой я отправился в турне, состояла в том, что я понял, что никогда не исполнял большого количества собственных песен, - говорил Пол. - Когда я выступал с «Уингз», делать это было слишком рано, ведь прошло совсем немного времени с момента распада ансамбля. Всего один раз мы исполнили «Sgt Pepper», и то сделали это в студии. Так же было и с «Hey Jude». А теперь, в апреле 1990 года, он исполнял их перед миллионами людей. На стадионе «Маракана» в Рио-де-Жанейро Пол выступал перед рекордной платной аудиторией, насчитывавшей 184 368 человек. «Я не стараюсь очернять историю и успехи «Битлз», - настаивал Пол. - Я только хочу исправить мнение о моей роли в ансамбле». Маккартни говорил, что «Битлз» никогда не соберутся снова вместе, потому что Леннон ушел из жизни, а он не хочет возвращаться к прошлому. Но это теперь не имело большого значения. Пол доказал, что может делать это сам. «Это был грандиозный прорыв», - говорил он. В своем стремлении вызвать дух Леннона Маккартни доказал, что способен идти вперед.

Две тысячи людей, собравшихся прохладным летним вечером 1991 года под сводами англиканского кафедрального собора в Ливерпуле, получили большое удовольствие, хотя это было и не совсем то, чего они ожидали. Они стали свидетелями частичного возрождения таланта, так часто скатывавшегося в колею благопристойной, но явной посредственности. То, что они слышали, было «Ливерпульской ораторией» Пола Маккартни - громадная, всеобъемлющая работа, бесконечно далекая как по времени, так и по содержанию от тех примитивных, из четырех аккордов, мелодий, которые он с шумом исполнял в грязном клубе «Каверн», расположенном всего в нескольких сотнях ярдов отсюда.

Это был грандиозный проект для композитора, лучшие работы которого никогда не звучали долее трех минут, который не умеет читать и писать нот и который, по собственному признанию, в начале работы даже не знал, что такое оратория. Работа над ней велась два года, и она до предела, а в некотором отношении и сверх предела, исчерпала возможности Маккартни. И несмотря на все ее недостатки, аналогичные тем, что были присущи всем работам Маккартни за последнее десятилетие, «Ливерпульская оратория» является значительным произведением.

Однако реакцией публики вечером в ту пятницу было молчание и смущение. И только когда вперед вышел Маккартни, поклонился и обнял Карла Дейвиса - дирижера и своего приятеля-композитора, наконец раздались аплодисменты, но это скорее была дань уважения человеку, чем музыке.

Госпожа Кири Те Канава - выдающаяся певица из Новой Зеландии, чье сопрано придало значимость оратории, рассказывала после: «Было просто чудесно участвовать в этом. Оркестр был великолепный, певцы превосходные».

Публика не поделила ее восторга. Они пришли в кафедральный собор в ожидании услышать коллекцию мелодий Маккартни, но именно этого они как раз и не слышали. Маккартни решительно не желал, чтобы его новое произведение представляло собой попури его мелодий.

Но что бы он ни делал, как бы ни старался, в памяти публики Пол Маккартни навсегда сохранился как «битл» Пол, и в нем публика видит воплощение своей мечты о непроходящей молодости. Но «Битлз» больше

нет, тот ансамбль сохранился только в памяти, и без Леннона он уже никогда больше не будет существовать. Маккартни может мечтательно размышлять о том, чтобы собраться вместе с Харрисоном и Ринго, но это все-таки больше мечта, чем вероятность. Когда Пол сказал, что хотел бы сотрудничать с Харрисоном, Джордж огрызнулся в ответ: «Это не для меня. У нас уже был шанс сочинять вместе - двадцать пять лет назад».

Поэтому для стимуляции своего творчества Маккартни вынужден обращаться к другим людям, хотя его доминирующая роль остается, как всегда, неизменной. Но каким бы славным ни было его «битловское» прошлое, подобное диктаторство становится иногда невыносимым. Пол решился на сотрудничество с Карлом Дейвисом, американцем по происхождению, живущим в Лондоне, чтобы вырваться из, как он сам называл это, «голубинового гнездышка», то есть образа «бывшего «битла», сочинителя баллад и иногда рок-н-роллов». А когда Дейвис сказал: «Нам нужна баллада в стиле Маккартни», Пол отказался, потому что это была моя первая работа с настоящим оркестром и я не хотел, чтобы это было попури из того, что я уже написал».

Когда зашла речь о праздновании 150-й годовщины Королевского ливерпульского филармонического оркестра, именно Дейвис предложил привлечь к этому знаменитого сына города. С помощью приятеля Линды и участника движения в защиту животных Карла Лейна, писавшего сценарий к телесериалу «Хлеб», в котором в главной роли снималась жена Дейвиса актриса Джейн Бот, была надлежащим образом организована встреча с Маккартни. Однако сначала эта идея не захватила Пола.

«Первый час мы ходили вокруг да около, - вспоминал Дейвис. - Он любит, чтобы его постепенно подвели к предмету разговора. Пол очень осторожен». Дейвис добавлял, что их отношения «начали строиться» только при активном содействии Линды.

С одной стороны, осторожность, а с другой - унаследованная от отца нелюбовь к классической музыке.

«Причиной этому были слащавые голоса в классической музыке, а он их терпеть не мог», - говорит Пол об отце. Подобная картина наблюдалась и с сыном.

Однако Дейвис запомнил их разговор, и, когда он начал делать наброски частей произведения, которые основывались на рассказах Маккартни о своем детстве, Пол заинтересовался. Был сделан грубый набросок музыкального произведения полуавтобиографического характера в восьми частях. Затем в течение двух последующих лет Маккартни и Дейвис работали над сочинением музыки, причем Дейвис работал над

оркестровкой и пассажами, а Маккартни сочинял мелодии и слова.

Маккартни, не желавший учиться записывать музыку, «потому что это предрассудок», и отказавшийся воспользоваться предложенной ему Дейвисом записью «Руководства для начинающего оркестранта» Бенджамина Бриттена («слишком поздно, мой дорогой»), создавал музыку в голове, словно фильм, и затем описывал ее Дейвису. Точно так же они поступали с Джорджем Мартином в счастливые творческие дни работы с «Битлз» над «Penny Lane».

«Пол рассказывал о своем сотрудничестве с Мартином, и все эти указания, обсуждения, предварительные наброски, различные пробы и были частью процесса аранжировки, которым он занимался с Мартином. Поэтому нельзя сказать, что он совсем не был знаком со звуками и красками оркестра», - говорил Дейвис.

Маккартни знал, чего он хочет, а чего нет. Девяностоминутная оратория (во время полета в самолете Маккартни вычитал в журнале, что оратория - это «религиозное произведение, исполняемое солистами-вокалистами и хором с оркестром, но без костюмов и драматических действий») предполагала стать «серьезным и законченным представлением».

Это и было завершением долго вынашиваемого музыкального проекта. «В то время я вспоминал, что, когда мне было, пожалуй, лет двадцать, я рассматривал возраст тридцать лет как опасный и думал: «Боже, что же я тогда буду делать?» Я представил себя в твидовом пиджаке, пишущим «серьезную» музыку, а началом ее были «Элинон Ригби» и другие вещи». Кульминацией же стала оратория.

Временами Пол чувствовал себя неуверенно, потому что его вовлекли в проект, который так разительно отличался от всего того, чем он занимался раньше.

«Возникали еще проблемы с коллегами, - говорил Пол. - Когда я был занят работой над ораторией, я чувствовал себя неловко перед Элвисом Костелло и Крисси Хайнд (из группы «Pretenders»), но оказалось, что они любят классическую музыку, и это тоже помогло мне».

Первоначальные сомнения не помешали Полу настаивать на том, чтобы работе было присвоено его имя. Маккартни никогда не скромничал по поводу названия произведения, если считал его явно своим, и, к удивлению Дейвиса, настаивал на названии «Ливерпульская оратория Пола Маккартни».

Дейвис надеялся, что произведение будет называться «Ливерпульская оратория», а в подзаголовке будут указаны имена авторов: Пол Маккартни

и Карл Дейвис. Ведь если Маккартни писал мелодии и стихи, то именно Дейвис делал оркестровку и гармоническое построение. Например, к предложенному Маккартни аккорду ре-мажор он добавил сексту, что придало окраску и выразительность и другим аккордам. Подобным образом Дейвис придал всей работе в целом массу оттенков.

Однако желание Маккартни доминировать остается сильным и неизменным. «Он все время хочет быть боссом», - говорит Дейвис. По поводу оратории Пол объяснял: «Мне надо было играть первую роль. Я сходил с ума при мысли, что в день исполнения оратории он будет работать на сцене, как Стравинский, а я, как придурковатый ирландец, буду сидеть среди публики, что меня будут воспринимать как замухрышку, не умеющего читать ноты и написавшего всего одну-две небольшие мелодии, и все будут считать, что ораторию написал Карл».

Кроме проявления подобной амбициозности, неизбежно возникали и другие трения. Маккартни, по словам Дейвиса, «иногда бывал ужасно бесцеремонным. Мне это не нравилось, но что поделаешь... Если собираешься делать что-то с Полом Маккартни, надо понимать, с кем имеешь дело. Вести себя достойно он не собирается».

Оратория была новой музыкальной областью для Маккартни. Он вынужден был опираться на Дейвиса, имевшего преимущество в музыкальном плане, так как он точно знал, как будет звучать каждая написанная нота. «Послушай, ты знаешь, как это прозвучит, а я нет», - пожаловался Маккартни Дейвису, когда тот предложил провести генеральную репетицию.

Дейвис говорил: «Когда вступил оркестр, я подумал, что Пола охватил ужас. У него на лице было написано выражение страха перед неизвестностью. А я в это время ощущал большой подъем, потому что знал, что это будет великолепно».

Маккартни тоже подумал так, но не все в тот первый вечер в кафедральном соборе разделили его мнение. Ошеломленная публика пришла к выводу, что было лучше, когда «классическая» музыка пришла к Маккартни во время написания «Элинора Ригби», чем сейчас, когда Маккартни пришел к «классической» музыке в своей оратории. Местная ливерпульская газета «Дейли пост» услышала в оратории «запоминающиеся пассажи... перемежаемые почти скучными моментами». А «Таймс», двадцать семь лет назад с притворной похвалой отзывавшаяся о песне Леннона «Not a Second Time», теперь жаловалась: «...пассажи богомольного хора и вымученные оркестровые интерлюдии заставили «Реквием» Брамса выглядеть просто рассадником синкоп».

Серьезным недостатком оказались и стихи, эта проблема часто сопровождала работы Маккартни последнего периода. В молодости он писал более верно, «Элинон Ригби» четко запечатлевается в памяти, как черно-белая фотография. Печальный сюжет и стихи достаточно хороши, чтобы самим говорить за себя. «Ливерпульская оратория», для сравнения, более размыта и сентиментальна. Насколько она хороша в музыкальном отношении (а в ней, безусловно, есть прекрасные моменты), настолько не хватает яркости стихам, и их звучание не позволяет считать ораторию действительно крупным произведением искусства. Пол Фишер из «Гардиан» отмечал: «Литературные способности Маккартни менее явные, чем музыкальные, и приторность либретто требует редактора, скорее всего, такого резкого и циничного, как Леннон. Конечно, строго соблюдены классические традиции либретто, но призывный возглас: «Ей всего семнадцать лет, вы понимаете, что я имею в виду!» - более ярко запечатлевается в памяти, чем любые слова оратории». В те далекие 60-е годы, когда каждый точно понимал, что Маккартни имеет в виду, его интересы полностью совпадали с тем, о чем он пел: получить удовольствие, играя рок-н-ролл и приплясывая на сцене, а потом, если повезет, подцепить одну из куколок в мини-юбочках, визжащих от восторга в первых рядах. Он и до сих пор играет рок-н-ролл, но теперь общается со своими поклонниками только посредством взглядов. Он семейный человек, считающий лучшим времяпровождением общение по вечерам с детьми, и эти его убеждения прозвучали в заключительной части оратории, где есть такие слова: «То, что нужно людям, - это семья... ров вокруг замка и поднятый вверх подъемный мост».

Именно так и поступает семья Маккартни, варясь в собственном котле и приглашая на ферму в Суссексе только самых близких знакомых (как и у его родителей, у Пола очень мало друзей вне семьи). Они сознательно стараются жить как можно проще. Ухаживают за животными, хотя, как ни странно, не подрезают копыта лошадям и не забивают состарившихся овец.

«Для меня очень важно быть простым, - объяснял Пол. - Моя простота очень рациональна, и это отнюдь не надуманно. Это мой реальный ответ на вопрос, каким лучше всего быть. Я считаю, что простым».

Свою философию он постарался привить и своим детям, которые все учатся в местной государственной школе. «Мы с Линдой не строгие родители, но у нас есть определенные понятия, которые мы внушаем своим детям, - говорит Пол. - Понимаешь, если мои дети собираются унаследовать мои деньги, а так оно и будет, они должны иметь дело с землей, и лучше всего - в окрестностях Ливерпуля, где прошло детство их

отца».

«Я собирался послать Джеймса учиться в Итон, - продолжает он, - но не смог примириться с мыслью, что он приедет домой и с безукоризненным произношением скажет: «Здравствуй, отец».

Стремление Пола жить по своим правилам иногда выглядит просто нелепым. Когда семью Маккартни приглашают на обед к соседям, они непременно заявляют, что придут только в том случае, если будут есть на кухне, и только вегетарианскую пищу. Что касается домашних дел, то Пол настаивает, чтобы Линда сама выполняла всю домашнюю работу. И как бы абсурдно это ни выглядело в глазах соседей, для Пола это имеет большое значение. Погруженный в тень собственной славы и укрытый благополучием, он придерживается только одного образа жизни, который он знает.

«На самом деле Линде не нравится домашняя работа, - объяснял он однажды, - потому что, когда она росла, в их семье были слуги и она не научилась что-нибудь делать по дому. Но я постарался ей все объяснить, потому что в таких семьях, как моя, домашние дела считаются удовольствием. Как, например, запах выглаженного и выстиранного белья... Там, где я вырос, раз в неделю женщины затевали стирку, они стирали, потом гладили, болтая при этом между собой или слушая радио. Это очень по-крестьянски. Такая стирка была целым событием, как, например, давка винограда».

Линда могла бы возразить: имея состояние свыше пятисот миллионов фунтов, Маккартни достаточно богат, чтобы нанять для нее целую армию помощниц по дому, шоферов, нянек. Но Линда не возражает. Девушка из манхэттенского Истсайда очень счастлива своей ролью матери, живущей в скромных условиях, борющейся за права животных, пишущей очень популярные книги по вегетарианской кухне, готовящей для своей семьи, беспокоящейся о будущем планеты, ухаживающей за своим мужем и счастливой с ним.

«Как и у всяких женатых пар, у нас случаются ссоры, - говорит Линда. - Пол иногда может быть невыносимым, потому что он очень взыскателен и знает чего хочет, а если что-то делается не так, он сильно злится». Однако даже спустя два десятилетия они по-прежнему любят друг друга. «Я очень горжусь Линдой», - говорит Пол. А Линда со своей стороны отмечает: «Больше всего в мужчине я ценю заботливое отношение, и это очень привлекает меня в Поле. Даже после стольких лет совместной жизни он всегда после работы заходит куда-нибудь, чтобы купить мне цветы». По утрам Пол также готовит для Линды чай.

Люди, случайно познакомившиеся с этой парой, считают, что ведущая роль в их союзе принадлежит Линде. Линда это отрицает. «Я никогда не была ему вместо матери, если вы это имеете в виду, - замечает она. - Пол всегда был главой семьи и продолжает им оставаться. Он босс». Линда даже не знает, сколько денег зарабатывает ее муж.

«Мой отец никогда не говорил матери, сколько он зарабатывает», - объяснял Пол. Джим Маккартни умер 13 марта 1976 года в Хесуолле, в доме, который Пол купил ему. Последние слова его были: «Скоро я встречу с Мэри». Пол, как всегда, скупой на выражение эмоций, не присутствовал на похоронах отца. Как и в день смерти Леннона, он заглушил свое горе, проведя весь день в работе. И хотя Пол не проливал публично слезы по отцу, он отдал Джиму истинную дань уважения, ведя себя в домашней жизни так, как вел себя его отец.

Его ферма является странным местом для эмоционального отдыха поп-идола, чьи таланты вырвали его из окрестностей Ливерпуля и сделали одним из самых богатых людей в мире; чья музыка доставляет радость миллионам людей; чей поднятый вверх большой палец и очаровательная улыбка стали самым популярным образом XX столетия; кто в свои пятьдесят продолжает вести себя так, как вел, будучи стилигой-подростком; кто продолжает записывать пластинки и ездить на гастроли; кто до сих пор хочет, чтобы все любили его. Живя «нормальной жизнью», которую он создал в соответствии со своим воспитанием, ему удастся сохранять здравый смысл, что само по себе уже является большим достижением в пляшущем и оглушающем мире рок-н-ролла, усыпанном сгоревшими звездами.

Пока кладбище рок-музыки продолжает пополняться, Пол с удовольствием покупает бакалейные товары, яростно борется за открытие местной больницы, делает пожертвования для благотворительных организаций, таких, как Международная амнистия (он не такой скупой, как об этом говорят). Каждое утро он на поезде отправляется в свой офис, каждый вечер приносит жене цветы, с энтузиазмом смотрит на перспективу стать дедушкой, приобретает различные ценности, хотя, как когда-то делали его отец с матерью, держит на черный день пятьсот миллионов фунтов.

В такой домашней умиротворенности существует определенная опасность. Критик Сирил Коннолли писал: «Нет более злостного врага для высокого искусства, чем детская коляска в прихожей». И музе Маккартни мешает шум его домочадцев. Будучи еще совсем подростком, он писал такие песни, как «When I'm 64» («Когда мне будет 64»), на третьем десятке

он написал такие классические вещи, как лирическую «Yesterday» и рок-н-ролл «I Saw Her Standing There» и гимн «Битлз» «Hey Jude». Распад ансамбля подвигнул его к написанию «Maybe I'm Amazed», где были использованы великолепные хроматические гаммы. Казалось бы, с таким багажом он будет теперь писать зрелые, серьезные вещи, а он, наоборот, продолжает писать легкомысленные песенки о любви. И, хотя в этом, по сути, нет ничего предосудительного, публика, которая все еще помнит, какой яркой была его музыка, вправе поинтересоваться, в какой из овощных пирогов ушло его вдохновение.

Несмотря на то что в последние пять лет оценки критиков часто бывали суровыми, сочинение музыки продолжает доставлять ему удовольствие, хотя бывают неудачи и срывы наряду с моментами удачи и славы. Пол Маккартни создал много запоминающихся и популярных песен на все времена, и мы благодарны ему за это. Пытаясь расширить свой музыкальные возможности, как это было в случае с ораторией, он показал, что все еще способен работать, хотя и с переменным качеством. Он и в дальнейшем собирается писать музыку, и глупо было бы с его талантом бросить сейчас это занятие. Да и Линда, конечно, против.

«Она всегда хочет, чтобы Пол продолжал совершенствоваться, - говорит Карл Дейвис. - Она играет очень положительную роль в его жизни». И теперь, как это рано или поздно случается со всеми художниками, Маккартни должен сам принять решение. Похоже, что он решил работать и идти вперед. «Я не могу представить себя бросившим писать музыку, - говорит он. - И даже если никто больше не пожелает записывать мои альбомы, я все равно буду писать песни».

До того времени, когда ему будет 64. И после этого.

Перевод с английского:

А. Романов